

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Москва, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сендай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
С. А. Комиссаров канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Н. В. Вампель-Сухадолник д-р истории, профессор (Университет Любляны, Словения)
Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, профессор (Институт археологии, Пекин, КНР)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Кан Инук д-р истории, профессор (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
А. И. Кобзев д-р филос. наук, профессор (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
О. П. Кобзева д-р ист. наук, профессор (Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан)
Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
Ли Хонджон д-р истории, профессор (Национальный университет Мокпо, Республика Корея)
А. А. Маслов д-р ист. наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия)
А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия)
Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
П. Э. Подалко д-р истории, профессор (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
Кунитакэ Садакацу д-р филологии, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института культурного наследия Нара (Нара, Япония)
А. Г. Сторожук д-р филол. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, профессор (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
Такакура Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
Такэда Масанао д-р педагогики, почетный профессор (Университет Хоккайдо, Япония)
Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, профессор (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США)
Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal

“Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

Elena E. Voytishek	Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Sergey A. Komissarov	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

Andrey V. Varenov	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
-------------------	---

Board Members

Wang Wei	Member of the Chinese Academy of Sciences, Corresponding Member of the German Archaeological Institute, Doctor of Sciences (Literature), Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
Nataliya L. Zhukovskaya	Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Kang Inuk	Doctor of Sciences (History), Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
Artem I. Kobzev	Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Olga P. Kobzeva	Doctor of Sciences (History), Professor (National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek; University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan)
Nataliya V. Kutafyeva	Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Lee Heonjong	Doctor of Sciences (History), Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
Aleksey A. Maslov	Doctor of Sciences (History), Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation)
Aleksandr N. Mescheryakov	Doctor of Sciences (History), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
Germann Parzinger	Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
Petr E. Podalko	Doctor of Sciences (History), Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
Kunitake Sadakatsu	PhD, Doctor of Sciences (Philology), Senior Researcher (Nara National Research Institute for Cultural Properties, Nara, Japan)
Alexander G. Storozhuk	Doctor of Sciences (Philology), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
Natasha V. Suhadolnik	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
Zhaken K. Taymagambetov	Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakhstan Higher School, Doctor of Sciences (History), Professor (Kazakhstan National Museum, Astana, Republic of Kazakhstan)
Takakura Hiroki	Doctor of Sciences (History), Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
Takeda Masanao	Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor emeritus (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
Lothar von Falkenhausen	Doctor of Sciences (History), Professor (University of California, Los Angeles, USA)
Evgeniya L. Frolova	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 24, № 4: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Культура Китая

- Войтишек Е. Э., Яо Сун.* Традиционные игры как инструмент буддийской дипломатии в Восточной Азии 9
- Ай Хуэйжун.* Роль новых медиа в продвижении китайского оперного искусства 21
- Чэн Цянь, Ли Япин.* Персуазивный дискурс: практики метадискурса в китайских живых трансляциях (на англ. яз.) 30

Литература и лингвистика Китая

- Игнатенко А. В.* Метафоризация Шанхая в романе Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» 42
- Красикова Е. А.* Модели метафоризации при формировании фразеологизмов в китайском языке: языковая система vs дискурс 54
- Сбоев А. Н.* Метафора как средство формирования *гуаньюньюй* в интернет-коммуникации на китайском языке 66

Источниковедение Китая

- Терехов А. Э.* Ван Чун о солнце, небе, звёздах и дожде 78
- Клементьева Т. В.* Анализ структуры и источников главы «Гуай шэнь» из энциклопедического сочинения «Фэн су тун и» 90
- Янь Миньсян.* Переписка между Н. Я. Бичуриным и корейскими посланниками в Пекине 101

Археология Китая

<i>Варенов А. В.</i> Китайские монографические публикации и исследования 1989–2009 годов о ритуальных бронзах Саньсиндуя	114
<i>Комиссаров С. А., Соловьев А. И.</i> Биметаллические мечи Северо-Восточного и Юго-Западного Китая	127
<i>Кудинова М. А., Нестеркина А. Л.</i> Изучение могильника Сичагоу в археологии Китая и Кореи	140

Класс Конфуция

<i>Фу Хунцзюнь, У Мяолу.</i> Социопрагматический механизм употребления референта «жэньцзя» (на кит. яз.)	153
--	-----

In Memoriam

Памяти Сергея Александровича Арутюнова (1932–2023), члена-корреспондента РАН, выдающегося российского этнолога и антрополога (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)	163
Информация для авторов	165

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies

CONTENTS

Culture of China

- Voytishek E. E., Yao Song.* Traditional Games as a Tool of Buddhist Diplomacy in East Asia 9
- Ai Huirong.* The Role of New Media in Promoting Chinese Opera 21
- Chen Qian, Li Yaping.* Persuasive Discourse: Metadiscourse Practices in Chinese Live Streaming 30

Literature and Linguistics of China

- Ignatenko A. V.* The Metaphorization of Shanghai in Wang Anyi's Novel "The Song of Everlasting Sorrow" 42
- Krasikova E. A.* The Models of Metaphorization in the Formation of Phraseological Units in Chinese: Language System vs Discourse 54
- Sboev A. N.* Metaphor as a Means of Forming *guanyongyu* in Chinese Internet Communication 66

Source Studies of China

- Terekhov A. E.* Wang Chong on the Sun, Heaven, Stars and Rain 78
- Klementeva T. V.* Analysis of Structure and Sources of the "Guai shen" Chapter in the Encyclopaedic Work "Feng su tong yi" 90
- Yan Minxiang.* Correspondence between N. Ya. Bichurin and Korean Envoys in Beijing 101

Archaeology of China

<i>Varenov A. V.</i> Chinese Book Publications and Studies of 1989–2009 on Ritual Bronzes of Sanxingdui	114
<i>Komissarov S. A., Solovyev A. I.</i> Bimetallic Swords from North-East and South-West China	127
<i>Kudinova M. A., Nesterkina A. L.</i> Study of Xichagou Cemetery in the Archaeology of China and Korea	140

Confucius Classroom

<i>Fu Hongjun, Wu Miaolu.</i> The Sociopragmatic Mechanism for the Referential Usages of “Renjia” (in Chin.)	153
--	-----

In Memoriam

In memory of Sergei Alexandrovich Arutyunov (1932–2023), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, an Outstanding Russian Ethnologist and Anthropologist (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow)	163
Instructions to Contributors	165

Научная статья

УДК 794.1+294.321+327

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-9-20

Традиционные игры как инструмент буддийской дипломатии в Восточной Азии

Елена Эдмундовна Войтишек ¹

Яо Сун ²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

¹ e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

² s.iao@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5357-0264>

Аннотация

В общемировой религиозной буддийской традиции независимо от направлений и школ с давних пор принято обмениваться дарами в знак уважения и добрых намерений. Важными символическими дарами при установлении отношений между буддийскими общинами или организациями как на официальном уровне, так и на уровне личных контактов выступают предметы искусства, религиозные атрибуты – чаши, светильники, благовония и курительницы, сладости, чай и вегетарианские блюда, мандалы и буддийские статуэтки. В этом контексте как оригинальные виды дипломатических подарков в Восточной Азии рассмотрены традиционные шашечные и шахматные игры. Через краткий экскурс в историю развития азиатских стратегических игр на доске рассмотрена тесная связь шахматных игр с гадательной и религиозной деятельностью. Особенности шахматных игр целесообразно рассматривать на фоне деятельности буддийских храмов, выполнявших роль идеологических и культурных центров, во многом сохраняющих свой образовательный и духовный статус и поныне. Буддийская символика основных шахматных фигур и комбинаций проанализирована в контексте развития идеи об изменчивости и бренности мира, где каждое решение может привести к новой реальности. Шахматные игры могут выступить в качестве ценного дипломатического подарка, поскольку представляют собой элегантный способ выстроить заинтересованный диалог сторон через культуру и традиции.

Ключевые слова

буддийская дипломатия, традиционные игры, Восточная Азия, буддизм, храмы, китайские шахматы 象棋 *сян-ци*, японские шахматы 将棋 *сё:ги*

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со сторонами Восточной Азии: история и современность»

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Яо Сун. Традиционные игры как инструмент буддийской дипломатии в Восточной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-9-20

Traditional Games as a Tool of Buddhist Diplomacy in East Asia

Elena E. Voytishek¹, Yao Song²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ e.voytishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

² s.iao@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5357-0264>

Abstract

In the worldwide religious Buddhist tradition, regardless of its directions and schools, it has long been customary to exchange gifts as a sign of respect and good intentions. Important symbolic gifts exchanged, when establishing relations between Buddhist communities or organizations, both at the official level and at the level of personal contacts, are often objects of art, religious attributes – bowls, lamps, incense and censers, sweets, tea and vegetarian dishes, mandalas and Buddhist figurines. In this context, traditional checkers and chess games are considered as unique types of diplomatic gifts in East Asia. Diving briefly into the history of how Asian board games developed, the close connection of chess games with fortune-telling and religious activities is considered. It is appropriate to consider the features of chess games against the background of the activities of Buddhist temples, which served as ideological and cultural centres, largely preserving their educational and spiritual status to this day. The Buddhist symbolism of the main chess pieces and combinations is analyzed in the context of the development of the idea of the mutability and frailty of the world, where each decision can lead to a new reality. Chess games can act as a valuable diplomatic gift, since they are an elegant way to create a dialogue of mutual interest between the parties through culture and traditions.

Keywords

Buddhist diplomacy, traditional games, East Asia, Buddhism, temples, Chinese chess (象棋 *xiangqi*), Japanese chess (将棋 *shogi*)

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Education and Science no. FSUS-2024-0028 “Axiological potential of Buddhism in the context of international relations of Russia with the parties to East Asia: history and modernity”

For citation

Voytishek E. E., Yao Song. Traditional Games as a Tool of Buddhist Diplomacy in East Asia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-9-20

В общемировой религиозной буддийской традиции независимо от направлений и школ с давних пор принято обмениваться дарами в знак искреннего уважения, добрых намерений и стремления к духовной гармонии. Важными символическими атрибутами установления или поддержания отношений между буддийскими общинами или организациями как на официальном уровне, так и на уровне личных контактов выступают разнообразные предметы.

Прежде всего в качестве даров уместны статуэтки Будды, бодхисаттв, которые символизируют сострадание, мир и духовное просветление; ритуальные подношения – такие, как светильники, чаши для воды, курильницы и благовония. Приветствуются также соломенные коврики или тканевые подушки для медитации, традиционные одеяния, отрезки ритуальной ткани, молитвенные разноцветные флажки, утварь для возжигания благовоний, контейнеры с душистым порошком, который буддийские монахи растирают в ладонях и наносят на тело и одежду. В качестве дипломатических даров популярны также разнообразные мандалы, изображения буддийского «колеса закона» как символа следования законам космического мироздания и учения Будды о пути к просветлению.

К этим подношениям примыкают и другие предметы буддийского искусства – ритуальные изделия из дерева, керамики, латуни и бронзы, резные статуэтки и талисманы из дерева, кости, плодов растений. Для духовных практик, молитв и медитаций часто дарят звуковые

музыкальные чаши и деревянные колотушки (стики) к ним ¹, сандаловые и стеклянные четки с разным количеством бусин. Разумеется, в буддийском мире очень ценятся такие ведущие к духовному просветлению дары, как философские труды наставников, традиционные свитки с сутрами, шкатулки для их хранения и подставки для их демонстрации, рукописные книги и каллиграфические образцы мудрых изречений.

Отдельным видом подношений и даров можно считать национальные сладости, чай и вегетарианские угощения – при многих буддийских храмах есть специальные кафе, где культивируются рекомендации и рецепты, соответствующие принципам буддизма (в первую очередь связанные с запретом пищи животного происхождения – с мясом и рыбой). Многие из этих рецептов не только полезны и питательны, но и внешне необыкновенно эстетичны, что позволяет использовать приготовленные по ним блюда в качестве изысканных подарков.

При поднесении буддийских даров и обмене подношениями важными принципами, которыми принято руководствоваться во время официальных и дипломатических встреч, обычно считаются искренние и бескорыстные намерения, соответствие буддийским нравственным законам, а также местным культурным традициям и нормам. Кроме того, по правилам буддийской морали не приветствуются слишком дорогие и роскошные подарки, которые могут вызвать чувство неловкости у партнеров.

Между тем в традициях буддийских даров есть еще один интересный вид подношений, о котором мало известно в научных кругах. Речь идет о целом классе традиционных азиатских игр, которые возникли и развивались преимущественно в буддийской среде и издавна считались ценными подарками, в том числе и в дипломатической сфере.

Об этом говорят многочисленные примеры в мировой практике. Одной из самых показательных в этом смысле является коллекция из знаменитой японской сокровищницы Сё:со:ин (正倉院) при древнем буддийском храме То:дайдзи (東大寺) в Нара, где собраны редкие предметы из Китая, Индии, Персии, Европы, Египта, стран Центральной Азии, попавшие в Японию в качестве дипломатических подарков еще при императоре Сёму (聖武天皇, 701–756) и его супруге Комё (光明皇后, 701–760), бывших ревностными покровителями распространявшегося на островах буддизма.

Среди раритетов немало роскошных игровых наборов на инкрустированных перламутром лаковых столиках-подставках (китайские облавные шашки 围棋 *вэйци*, японские шашки 囲碁 *и-го*, шахматы 将棋 *сё:ги*, шашки на доске 盤双六 *бан-сугороку*), музыкальных инструментов, редких ширм и ковров, искусных курильниц и благовоний, изделий из стекла, керамики и драгоценных металлов, что позволяет говорить о сложившейся авторитетной континентальной традиции, по которой к шедеврам мирового уровня еще в раннем Средневековье стали относить и различные виды интеллектуальных игр Восточной Азии ².

В этом плане даже игральные кости (кубики), которые первоначально были элементом гадательных и ритуальных практик, предшествовавших появлению многих стратегических настольных игр шахматного типа, наделялись особым сакральным смыслом: зачастую на его

¹ Несмотря на то, что изначально «поющие чаши» использовались преимущественно в Тибете и Непале (об этом говорят их китайские названия – «тибетские поющие чаши» 西藏唱鉢 *сицзан чанбо*; «гималайские чаши» 喜马拉雅碗 *сималай вань* и некоторые другие), в настоящее время они получили большое распространение во многих буддийских школах разных стран, в том числе в Восточной Азии. Наряду с устоявшимися терминами теперь используется и такое название, как «буддийские звуковые чаши» (кит. 佛音鉢 *фоинь бо*), что свидетельствует о степени их распространения среди буддистов. Есть много интересных экспериментальных практик, связанных с их использованием (например, с бурлящей в них водой от звуковых волн, в которую часто добавляют лепестки цветов и аромамасла), вплоть до массовых сеансов релакс-терапии.

² Количество сокровищ в коллекции огромно – около 9 000 предметов, почти все они в хорошей сохранности. Среди них большая часть семейных императорских реликвий четко атрибутируется, поскольку является хорошо каталогизированной. По этой причине сокровищницу Сё:со:ин часто называют «конечным пунктом Великого Шелкового пути». См. подробнее о коллекции на портале национальной японской сокровищницы Сё:со:ин. URL: <https://shosoin.kunaicho.go.jp/about/treasure/> (на яп. яз.) (дата обращения 03.01.2025).

шести гранях вырезались не только числовые значения, но и знаки четырех сторон света, а также понятия 天 «небо» и 地 «земля». Изображения на кубике тем самым оказывались символами идейно-философского осмысления реальности, когда целый мир вмещался в понятие 天地 – «всё, что между небом и землей».

Многие исследователи убеждены, что в становлении и распространении различных игр и развлечений Восточной Азии самое живое участие принимали представители высшего класса, придворная знать, интеллектуалы, которые собирались в буддийских храмах, выполнявших роль идеологических и культурных центров, во многом сохраняющих свой образовательный и духовный статус и поныне (см., например, [Такахаси Хиронори, 2020; Нихон-но сё:ги..., 2002]).

В этом смысле чрезвычайно показательна эволюция некогда родственных настольных игр, которые многие столетия развивались параллельно из одного русла, но окончательно размежевались в середине II тыс. н. э., дав толчок к формированию не только нового класса игр, но и социальных явлений. Многократно проходя в своей истории периоды взлета популярности и забвения, запретов и трансформаций, эти интеллектуальные развлечения, впитав в себя историко-культурные достижения огромного региона, его моральные и нравственные принципы, породили целую новую реальность в своем развитии.

Основываясь на большом количестве разнообразных игр в упомянутой коллекции из сокровищницы Сёсо:ин, можно утверждать, что в древности и раннем Средневековье во многих регионах, соединенных Шелковым путем в глобальную сеть, уже хорошо знали азартные игры в кости на доске (нарды на Кавказе, в Персии и Центральной Азии, *триктрак* и *бэк-гаммон* в Европе, шашечные игры «двойная шестерка» 双六 *шуанлю* в Китае и *ссанъюк* в Корее, «двойная шестерка на доске» 盤双六 *бан-сугороку* в Японии). Многократные упоминания о шашках «двойная шестерка» в законодательных сводах, письменной и художественной традиции Восточной Азии свидетельствуют о настоящем увлечении этой игрой во всех социальных слоях. Как оказалось, X–XIV вв. были временем расцвета игры *бан-сугороку* в Японии и шашечных игр в «двойную шестерку» в регионе – в дальнейшем интерес к ним был утрачен, а к XVII в. свои позиции они уступили другим настольным стратегическим играм интеллектуального характера – шашкам *го* и шахматам *сянци*, *чанги* и *сё:ги* (см. подробнее [Войтишек, 2011, с. 46–60]).

Тем не менее шашки *бан-сугороку* окончательно не ушли с исторической арены – на смену играм на доске пришли игры на бумаге: в начале XVII в. в буддийских монастырях Японии придумали игру «двойная шестерка с картинками» (繪双六 *э-сугороку*). Истоки ее исследователи связывают с рисунками, по которым обучали монахов буддийской школы Тэндай. Неслучайно первые бумажные игры *сугороку* изготавливались с буддийской символикой и изображением мандалы. Так, разработанная в храмах школы Чистой Земли (浄土宗 *Дзё:до-сю:*) игра «*сугороку* Чистой земли» (浄土双六 *дзё:до сугороку*)³ в доступной форме разъясняла прихожанам буддийские доктрины, попутно используя для наглядности известные образы народных верований, включая изображения Семи богов счастья (яп. 七福神 *ситифукудзин*), духов, привидений-ё:кай (妖怪), оборотней-бакэмоно (化物) и др. Бросая шестигранный игральный кубик с высеченными знаками молитвенного обращения «Восславляю Будду Амида» (南無阿弥陀仏 *Наму амида буцу*)⁴, игроки передвигали фишки по картинкам на поле, где они могли попасть и в «ад», и в «рай», «достичь просветления», отринуть «мирские желания», достигнуть мифологической горы Сумеру, центра буддийского мироздания. В наши дни эта старинная игра успешно реконструирована и пользуется определенной популярностью.

³ Наряду с этим существовали и другие названия игры, например: «двойная шестерка Закона Будды» 仏法双六 (*буппо: сугороку*), «двойная шестерка Вечного погружения [в ад]» (永沈双六 *ё:тин сугороку*) и др.

⁴ В других амидаистских школах могли использоваться также варианты с тем же значением (например, 南無分身諸仏 *наму бунсин сё буцу*).

стью, что дает основания предполагать, что ее полный набор можно использовать в качестве достойного тематического подарка⁵.

В фокусе внимания данной статьи находится культурный и идеологический потенциал родственных настольных логических игр – китайских, японских и отчасти корейских шахмат (соответственно 象棋 *сянци*, 将棋 *сё:ги* и 將棋 *чанги*), которые считаются едва ли не самыми сложными играми шахматного типа в мировой культуре. Истоки их за давностью происхождения точно установить практически невозможно, но очевидно, что они имеют много общего с индийскими шахматами *чатуранга*, а также – с логическими играми типа *шатрандж* арабского Востока, Центральной и Восточной Азии⁶.

При анализе культурного потенциала упомянутых шахматных игр было бы значительным упрощением сводить всё исключительно к буддийскому значению их содержания, – оно им, разумеется, не исчерпывается. Умение играть в настольные стратегические игры приравнивалось к необходимым навыкам всякого образованного человека – наряду с каллиграфией, живописью, поэзией и игрой на цитре этот талант издавна входил в число занятий, традиционно считавшихся благородными развлечениями ученых, важной формой досуга и четырьмя главными ипостасями «человека культуры» 文人 (кит. *вэньжэнь*, кор. *мунин*, яп. *бундзин*). Игра в шахматы давала повод для нравоучительных суждений, требовала хорошей памяти, умения разыгрывать хитроумные комбинации и быстро принимать правильные решения. В конфуцианстве сообразительность 敏 *минь* и острый ум входили в число почитаемых добродетелей, которые совершенствовались путем изучения тактики игры и тренировки необходимых игровых качеств. Такие известные высказывания, как «благородный муж смотрит на игру в шахматы молча» (观棋不语真君子 *гуань ци бу юй чжэнь цзюнь-цзы*) и «не жалеет после хода» (落子无悔 *ло цзы у хуэй*), отражают требования к поведению игроков.

В китайской шахматной литературе общепринятой точкой зрения является представление о том, что шашки и шахматы, будучи важной частью традиционной культуры, демонстрируют основные идейные постулаты трех главных учений – конфуцианства, даосизма и буддизма, находясь в неразрывной связи с ними. Более того, согласно традиционным представлениям, именно даосские и буддийские монахи были носителями сакральных знаний о секретах шахматного мастерства, которым приписывалось сочинение канонов и трактатов, посвященных премудростям игры. Неслучайно традиция связывала с деятельностью даосов и буддистов также и гадательные манипуляции на игральной доске, когда исход сражений предсказывался путем проведения определенных эзотерических ритуалов⁷.

По традиционным представлениям, согласно которым небо мыслилось круглым, а земля – квадратной, в древних сочинениях о шашках и шахматах фигуры были круглыми сверху и квадратными снизу. Шахматная доска тоже имела квадратную форму, где с помощью восьми триграмм из китайской «Книги перемен» можно было описать все превращения черно-белых фигур как носителей женского и мужского начал *инь-ян* [У Ючжан, 2019, с. 40–41].

Эпоха Тан (618–907) в Китае характеризуется в истории культуры быстрым распространением и укреплением буддийского вероучения, в связи с чем буддизм стал также одним из важных факторов развития шашечных и шахматных игр. В это время произошла унификация размеров доски (8 × 8 клеток) и состава фигур, фигуры стали располагаться не в клетках, а на пересечении линий. Постепенно ремесленники стали свободнее экспериментировать с формой и содержанием шахмат – добавлять в оформление фигур знаки традиционного китайского календаря с «небесными стволами и земными ветвями», символы 12-летнего зодиакального животного календаря, выпускать объемные фигуры, имитирующие реальные

⁵ Современная реплика этой игры находится в коллекции Е. Э. Войтишек.

⁶ Об истории и взаимосвязи традиционных игр Восточной Азии подробнее см. [Войтишек, 2011].

⁷ Об этом пишут культурные антропологи и специалисты по истории шахмат, отмечая, что в древности существовал целый ритуал, созданный для понимания искусства ведения военных действий и предсказания исхода сражения, который со временем превратился в игру [Ли Цяоцзюй, 2012, с. 6–7].

черты предметов (пушек, колесниц) и животных (слонов, коней), украшать шахматы изысканной каллиграфией и живописью.

Доска для игры в китайские шахматы *сянци* представляет собой поле, разделенное на два прямоугольника в 8×4 клетки, между которыми пролегает «граница», разделяющая древние царства Чу и Хань (楚河漢界 *чу хэ хань цзе*). Разделительная полоса *чу хэ хань цзе* возникла в результате аллюзии на исторический прецедент борьбы царств Чу и Хань за гегемонию, когда военачальник области Западная Чу Сян Юй (232–202 гг. до н. э.) и Лю Бан (256/247–195 гг. до н. э.), будущий основатель империи Хань, император Гао-цзу, в течение четырех лет сражались в Синьяне. В 205–202 гг. до н. э. стороны Чу и Хань согласились использовать древний канал Хунгоу (鴻溝) в качестве границы, чтобы разделить мир: «Тот, у кого река на западе, – это Хань, а тот, у кого река на востоке, – это Чу»⁸. Эта фраза часто использовалась как метафора для обозначения линии фронта во время военных действий.

Одним из важных принципов оформления фигур в китайской игре *сянци*, перешедших со временем в корейские и японские шахматы, стало использование разных названий для некоторых фигур своей и вражеской армии. «Красные» фигуры имеют приоритет в начале игры, что отражает официальную конфуцианскую точку зрения, согласно которой историческая справедливость была на стороне легитимного правителя, основателя будущей мощной империи Хань. С этой точки зрения, все фигуры армии Лю Бана имеют в игре более благородные и уважительные наименования.

Название фигуры	Армия «черных» Чу (Сян Юй)	Армия «красных» Хань (Лю Бан)
Военачальник (генерал)	將 <i>цзян</i>	帥 <i>шуай</i> (более уважительно)
Воин (офицер)	士 <i>ши</i>	仕 <i>ши</i> (советник, более благородно)
Слон	象 <i>сян</i>	相 <i>сян</i> (министр)
Солдат (пехотинец)	卒 <i>цзу</i>	兵 <i>бин</i> (солдат регулярной армии)
Конь	馬 <i>ма</i>	馬 <i>ма</i> (конь и всадник)
Пушка	砲 <i>пао</i>	砲 <i>пао</i> (более мощное орудие)

Вместе с тем линия на доске между двумя вражескими армиями стала со временем переосмысливаться в категориях буддизма, символизируя границу между двумя мирами – земным и духовным (см. рисунок, 1). В буддизме река часто ассоциируется с циклом перерождений (сансарой), который необходимо преодолеть для достижения просветления. По аналогии с шахматными фигурами, которые ограничены в своих действиях в разных частях доски, человек, будучи связан своей кармической судьбой, всё же стремится преодолеть ограничения.

В мире китайских и японских шахмат необычайно почитается бодхисаттва Пусянь-пуса (普賢菩薩, яп. Фугэн-босацу, санс. Самантабhadра), которая покровительствует всем, кто изучает буддийское учение, занимается духовными практиками, посвящает себя медитации и размышлениям. Бодхисаттва Пусянь часто изображается верхом на белом слоне с шестью бивнями, символизируя бесконечную мудрость и «безграничность природы ума».

⁸ См., например, о разделе сфер влияния между Лю Баном и Сян Юем в труде Сыма Цяня «Исторические записки» («Основные записки о деяниях Сян Юя» и «Основные записки о деяниях императора Гао-цзу»). URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Tom_II/frametext7.htm; https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Tom_II/frametext8.htm (дата обращения 10.01.2025).

Традиционные шахматы Восточной Азии:

1 – доска и фигуры китайских шахмат 象棋 *сянцзи* из коллекции Яо Сун; 2 – позолоченные фигуры японских шахмат *сё:ги* из коллекции Е. Э. Войтишек; 3 – «народные шахматы» – фестиваль традиционных шахмат в Японии (г. Тэндо); 4 – Буддийский храм Бонвонса (奉元寺) с поучительными буддийскими фресками (Сеул, Республика Корея) (1, 2, 4 – фото Е. Э. Войтишек; 3 – туристический сайт префектуры Ямагата – фестиваль сакуры в г. Тэндо. URL: https://yamagatakanko.com/festivals/detail_7740.html (на яп. яз.))

Traditional chess of East Asia:

1 – Chinese chess board and pieces 象棋 *xiangqi* from collection of Yao Song; 2 – gold-plated pieces of Japanese chess *sho:gi* from collection of E. E. Voytishek; 3 – “People’s Chess” – traditional chess festival in Japan (Tendou City); 4 – Bonwonsa Temple (奉元寺) with educational Buddhist murals (Seoul, Republic of Korea) (1, 2, 4 – photo by E. E. Voytishek; 3 – Yamagata Prefecture Tourism Website – Tendou City Cherry Blossom Festival: URL: https://yamagatakanko.com/festivals/detail_7740.html (in Jap.))

В буддийской иконографии шесть бивней белого слона, на котором восседает бодхисаттва Пусань-пуса, олицетворяют собой шесть способов («шесть ступеней») достижения просветления: щедрость, заповедь, терпение, усердие, медитация и праджня. Эти шесть путей подобны «колесницам, лошадям, артиллерии, воинам, слонам и солдатам» (车马炮士象兵) в шахматах. Образно говоря, они «охраняют печать в сердце на шахматной доске, выложенной Буддой». Шаг за шагом вместе с фигурами слонов, которые контролируют пространство на доске, игроки практикуют цель «следования пути Будды и преобразования всех живых существ». На самом деле эта формула означает лишь принесение пользы себе и другим, а также стремление к высшему счастью и совершенству в жизни, когда каждый, подобно шахматным фигурам на доске, играет свою роль и трудится ради собственных идеалов. Это общее дело является высшим идеалом жизни, ее счастьем и смыслом – и на шахматной доске, и в мирских делах⁹.

Игроки в китайские шахматы движение и функции основных фигур часто осмысливают как раз в этих категориях. Так, советник-ши (仕), ограниченный в своих передвижениях пределами «дворца», символизирует мудрость и внутреннюю сосредоточенность, что отражает буддийский идеал духовного развития. Слон-сян (相), не имеющий права пересекать реку, напоминает о привязанностях, которые удерживают человека в пределах земного существования. Пешка-цзу (卒), которая становится сильнее после пересечения реки, демонстрирует буддийскую идею роста и трансформации через преодоление препятствий.

В целом, несмотря на то что шахматы *сянци* разыгрывают на доске военное сражение, целью игры является не уничтожение противника, а достижение баланса между атаками и защитой путем грамотного использования стратегии и тактики. Эта идея перекликается с буддийской концепцией «срединного пути», которая учит избегать крайностей и стремиться к гармонии.

Вероятно, этим же целям служат красочные фестивали в странах Восточной Азии – так называемые народные шахматы (кит. 人间象棋 *жэньчзянь сянци*, яп. 人間将棋 *нингэн сё:ги*), когда любители шахмат в ярких костюмах разыгрывают многочасовые показательные шахматные партии¹⁰. В последние годы такие фестивали приобрели особую популярность в Китае, Корее и Японии, куда съезжаются ценители игры со всего мира. Один из таких знаменитых центров – г. Тэндо на востоке префектуры Ямагата в Японии, где даже улицы, площади и мосты украшены шахматной атрибутикой (см. рисунок, 3). Каждая страна обыгрывает свои национальные варианты шахмат необычным образом. К примеру, в отличие от китайских и японских шахмат, где доска разделена на 9 горизонтальных и 9 вертикальных рядов, корейская доска для игры в *чанги* имеет размер 9 × 10 клеток. Этот факт обыгрывается в Республике Корея самым примечательным образом: каждый год в 9-й день 10-го месяца (9 октября) отмечается день шахмат *чанги* и проводятся шахматные фестивали, организуемые Корейской Ассоциацией *чанги* (см. подробнее: [Войтишек, 2011, с. 57–59]).

В шахматных баталиях людей привлекают нравственные идеи и ценности, характерные для всех традиционных восточных учений, в том числе такие конфуцианские принципы, как доброжелательность, целеустремленность, этикет и долг; даосские премудрости ведения искусных стратегий, а также медитация, созерцание и гармония, свойственные буддийской мысли. И, пожалуй, одним из самых ценных качеств игры является ее непредсказуемость, способность приводить к неожиданным результатам.

Среди перечисленных игр шахматного типа японский вариант – 将棋 *сё:ги* – представляется одним из самых интересных с точки зрения связи с буддийской идеологией и религиоз-

⁹ См. материалы блогов любителей китайских шахмат *сянци*. Самантабхадра и шахматы [普贤菩萨与中国象棋]. URL: <http://travel.people.com.cn/n/2014/0314/c382755-24639402.html> (дата обращения 03.01.2025).

¹⁰ Согласно историческим свидетельствам, такие представления разыгрывались еще при дворе танского императора Сюань-цзуна (810–859), который любил играть в шахматы со своей возлюбленной Ян Гуйфэй [Чжан Чао-ин, 2003, с. 77–78].

ными практиками¹¹. Цель этой позиционной и стратегической игры состоит в том, чтобы с помощью своих и чужих фигур на доске первым захватить короля (генерала) соперника. При достижении «лагеря противника» правилами предусмотрена не только возможность «превращать» свои фигуры в более сильные, но и возвращать в игру захваченные у противника фигуры. Главную идею игры – победу через грамотное использование ресурсов – можно трактовать как буддийскую метафору о преобразовании жизненных невзгод и препятствий в мудрость, веру и сострадание.

Первоначальная форма игры *сё:ги* впервые была зафиксирована в период Хэйан (794–1185)¹². На основе этих шахмат развились все известные разновидности игры, в разработке правил которых принимали участие и влиятельные буддийские храмы, и знатные самурайские роды, и известные шахматные школы. В результате в течение XI–XIV вв. появилось несколько десятков вариантов игры, в том числе шахматы с очень большим количеством клеток и фигур на доске, которые были добавлены в целях разнообразия и повышения увлекательности игры. Так, игровое поле варьировалось от доски в 12×12 клеток до доски в 36×36 клеток (соответственно, на доске было от 46 до 402 фигур у каждого игрока), что давало любителям игры развивать множество интересных позиционных решений и отрабатывать определенные идеологические задачи¹³.

Одной из ярких особенностей всех видов японских шахмат *сё:ги*, где задействовано большое количество клеток и инвентаря, является наличие фигур, чьи названия так или иначе связаны с буддийскими персонажами, образами и легендами. К примеру, встречаются такие названия фигур, как «Неведение» (無明 *Мумё:*), «Дхарма» (法性 *Хоссё:*), символ могущественной власти «Ваджра» (金剛 *Конго:*); демоническое божество «Девадатта» (提婆 *Дайба*), демоны «Ракшасы» (羅刹 *Расэцу*) и «Якши» (夜叉 *Яся*); сильное божество «Ваджрапани», защищающее закон и буддизм (金剛力士 *Конго: рикиси*); «белый слон» (白象 *хакудзо:*)¹⁴ и др. Все эти названия и образы отражают сильное влияние буддийской идеологии в те периоды, когда создавались игры. Так, подчеркнуто нравоучительным выглядит правило, согласно которому слабая фигура «Неведение» по мере продвижения может обернуться очень сильной фигурой под названием «Дхарма» (см.: [Нихон-но сё:ги..., 2002, с. 32–35]).

В ряде разновидностей игры *сё:ги* с большим количеством инвентаря есть чрезвычайно интересная фигура «Пьяный слон» (酔象 *суйдзо:*), в чьем названии также усматривается сильное влияние буддизма. По известной легенде, один из учеников Будды, приходившийся ему еще и двоюродным братом, – Девадатта (яп. 提婆達多 *дайбадатта*) – из зависти к его славе среди людей пытался навредить Учителю. Он столкнул большой камень с горы, нацеливаясь на Будду, напоил огромного слона, который в ярости метался по улицам, убивая и затаптывая множество невинных людей. Однако, приблизившись к Учителю, буйный слон пал ниц к ногам Будды и последовал его учению¹⁵, тем самым завистник Девадатта был посрамлен.

¹¹ Как и многие другие явления культуры, игра появилась на Японском архипелаге в эпоху Нара (710–794), во время активного заимствования и освоения материковых технологий, но стала популярной позднее, к середине периода Хэйан (794–1185).

¹² Это утверждение подкреплено рядом археологических открытий 1993 и 2013 гг. на территории храма Ко:фукудзи (興福寺) в Нара, когда были найдены несколько деревянных фигур шахмат *сё:ги*, датированных серединой XI в. [Нихон-но сё:ги..., 2002, с. 4–5].

¹³ В настоящее время в классическом японском варианте игры противостояние двух игроков разыгрывается на доске в 9×9 клеток с 40 фигурами (у каждого игрока по 20 фигур).

¹⁴ Белые слоны в индуизме и буддизме до сих пор почитаются как священные животные и символ монаршей власти.

¹⁵ Примечательно, что в правилах шахмат *сё:ги* фигура «пьяный слон» считается очень сильной маневренной фигурой. Она охраняет самые важные фигуры – короля (王將 *о:сё:*) и «наследного принца» (太子 *тайси*), что отражает уважение людей к этому сильному и величественному животному. В этом также можно увидеть влияние поучительного буддийского рассказа о поведении этого животного, которое в неистовой ярости крушило всё на своем пути. По правилам, фигура «пьяного слона» (酔象駒 *суйдзо:кома*) могла двигаться в семи направлениях

По всей вероятности, выражение «пьяный слон» впоследствии было переосмыслено в категориях буддийской метафоры как состояние «жестокости ума» и помрачения сознания, когда в гневе невозможно контролировать свои эмоции и действия. Монахи могли использовать поучительную историю о «пьяном слоне» в своих проповедях в качестве инструмента идеологического воздействия на прихожан – на стенах буддийских монастырей часто помещали изображения соответствующих сюжетов. Сохранившиеся буддийские статуи, фрески и рельефы ярко свидетельствуют о силе эмоционального воздействия этих образов (см. рисунок, 4).

В шахматах *сё:ги* с большим количеством инвентаря представлено несколько категорий фигур, чьи названия могут отражать военно-стратегическую концепцию игры («золотой генерал», «летающая колесница», «пехотинец» и др.) или быть связаны с множеством реальных и мифологических животных (лев, змея, кот, олень, медведь, дракон, феникс и пр.), что позволяет решать по ходу противостояния игроков разнообразные идеологические и религиозные задачи. Так, ряд фигур животных связан с широко известными буддийскими притчами-джатаками (см. рисунок, 2).

Согласно такому сюжету, в одном из своих предыдущих рождений Будда был принцем – Милосердной Черепахой. Однажды он подплыл к берегу, чтобы отдохнуть. Проплывающие мимо торговцы приняли его панцирь за сушу и разожгли на нем огонь, чтобы согреться. Принц-Черепаха бросился в воду, но затем сжался над торговцами, спас их и вывел на берег. Шахматные фигуры «большой черепахи» (大亀 *о:камэ*) и «малой черепахи» (小亀 *ко-камэ*), возможно, иллюстрируют эту идею. По другой знаменитой буддийской легенде, высоко в горах жил аскет-подвижник, и однажды у него не осталось еды. Он умирал от голода, и тогда обезьяна и заяц решили ему помочь. Обезьяна пошла искать молоко, а заяц сказал подвижнику: «Хотя мое тело и мало, оно тебя насытит!» – и бросился в огонь. Этот пример буддийского самопожертвования и одновременно традиционной конфуцианской сыновней почтительности отражен в составе фигур *сё:ги* («серебряный заяц» 銀兔 *гинто*¹⁶ и «старая обезьяна» 古猿 *коэн*)¹⁷.

История японских шахмат тесно переплетена с историей некоторых буддийских храмов Японии. Эта связь просматривается через обширное духовное наследие, культуру, эстетику и философию. Так, в старейшем храме Нинна-дзи (仁和寺) в Киото осенью проводятся престижные всеяпонские турниры по шахматам *сё:ги* на звание Короля Драконов (竜王戦 *Рю:о:-сэн*), которые собирают множество любителей шахмат, приезжающих со всех концов Японии посмотреть на перипетии баталий, разыгрывающихся в дзэнской тишине храма¹⁸.

на квадрат (вперед, вправо и влево), без возможности отступать назад (где «находился» Будда, сдерживавший его натиск).

¹⁶ Между тем в старых японских рукописях по истории игры «Гигантские *сё:ги*» (大局将棋 *Тайкёку сё:ги*), которая была изобретена в конце периода Эдо (1603–1868), сообщается, что эта фигура использовалась наряду с фигурой «серебряный чёрт» (銀鬼 *гинки*), что не вносит ясности в трактовку сюжета. Материалы Е. Э. Войтишек из Музея мировых и японских игр Института индустрии развлечений Университета коммерции Осака (大阪商業大学 アミューズメント商業研究所), июль 2024 г.

¹⁷ Впечатляющие фрески V–VI вв. из пещерных монастырей Кизила древнего тохарского царства Куча в Синьцзяне, иллюстрирующие буддийские идеи сострадания и доброты, изложенные в этих притчах, находятся в коллекции Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Материалы Е. Э. Войтишек, февраль 2022 г., Санкт-Петербург.

¹⁸ См. репортаж о соревнованиях по шахматам *сё:ги*, проводившихся в 2021 г. при поддержке крупнейшей японской газеты «Йомиури-симбун». URL: <https://www.yomiuri.co.jp/s/ims/34gyuoh72/> (дата обращения 07.01.2025). Попутно заметим, что таким же почетом пользуется и игра *го*. Например, в небольшом дзэнском храме Рёгэн-ин (龍源院) школы Риндзай, построенном в 1502 г. в знаменитом комплексе Дайтоку-дзи (大徳寺), хранится большая доска для игры в шашки *го*, за которой, по преданию, сражались видные военачальники Тоётоми Хидэёси (1536–1598) и Токугава Иэясу (1543–1616). Шахматная доска расписана с четырех сторон цветочными и растительными узорами (бамбук, сосна, хризантема, нарцисс, между которыми резвятся бабочки) и покрыта лаком. По традиции, турниры в *го* устраивали в одной из комнат храма с видом на сад с сухим ландшафтом из белого гравия, символизирующий вместе с мифической горой Хорай и островками в виде журавля и черепахи всю Вселенную. Рядом

Рассмотренные шахматные игры воплощают философские принципы буддизма, фокусируются на противостоянии и поиске гармонии в конфликте, учат игроков принимать пустоту и работать с пространством. Важным общим элементом азиатских шахматных игр является акцент на стратегическое мышление и внутреннюю дисциплину, которые соответствуют буддийским ценностям. Шахматы *сянци* и *сё:ги* – это не просто традиционные игры, а символические системы, через которые можно постичь основы восточной философии и религиозных учений. Буддийские мотивы в шахматах помогают не только понять культуру Азии, но и взглянуть на жизненные задачи под другим углом зрения. С динамикой шахмат переключается буддийская идея об изменчивости и бренности мира, где каждое решение может привести к новой реальности.

Многие традиционные игры и развлечения Азии учат равновесию, терпению и искусству видеть за пределами очевидного. К таким играм в странах Восточной Азии издавна относят шахматы, шашки, мацзян (маджонг), традиционные литературные карточные игры типа лото, разнообразные мандалы-пазлы и изящные головоломки из геометрических фигур или шка-тулки с секретом. Эти игры не только не потеряли свой высокий культурообразующий статус и значение в эпоху тотальной цифровизации современной культуры, но и приобрели новые смыслы – их принято дарить и в кругу любителей этих игр, и всем тем, кто искренне интересуется культурой Востока. Азиатские шахматные фигуры отличаются чрезвычайным изяществом и зачастую выступают в качестве «послов доброй воли» на выставках и международных мероприятиях¹⁹. В последнее время их стали широко использовать как ультрамодный дизайн интерьеров и коллекционных предметов.

Любая из этих проверенных временем игр может быть ценным дипломатическим подарком, поскольку представляет собой элегантный способ выстроить заинтересованный диалог сторон через культуру и традиции.

Список литературы

- Войтишек Е. Э.** Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. 311 с., 44 с. илл.
- Ли Цяоцзюй.** Цун шэхуэй фэньцэн кань миндай сянци вэньхуа ходун [李巧菊。从社会分层看明代象棋文化活动]. Развитие культуры шахмат в период династии Мин и социальное расслоение. Сиань: Шаньси шифань дасюэ, 2012. 51 с. (на кит. яз.)
- Нихон-но сё:ги то бунка тэн [日本の将棋と文化展]. Каталог выставки, посвященной японской культуре и шахматам сё:ги. Осака: Институт индустрии развлечений Университета коммерции Осака, 2002. Специальный выпуск № 13. 59 с. (на яп. яз.)
- Такахаси Хиронори.** Дэнто: гэ-му. Дайдзитэн. Кодомо-кара отона мадэ асобэру сэкай-но ю:ги [高橋浩徳。伝統ゲーム。大辞典。子供から大人まであそべる世界の遊戯]. Традиционные игры. Энциклопедия. Мир игр для детей и взрослых. Токио: Асакура сётэн, 2020. 304 с. (на яп. яз.)
- У Ючжан.** Сянци цзяньши [吴幼章。象棋简史]. Краткая история китайских шахмат. Чэнду: Чэнду шидай чубаньшэ, 2019. 506 с. (на кит. яз.)
- Чжан Чаоин.** Гудай чжунго сянци цизюй [张超英。古代中国象棋棋具]. Инструментарий китайских шахмат в Древнем Китае. Шанхай: Байцзя чубаньшэ, 2003. 113 с. (на кит. яз.)

с доской *го-бан* установлены круглые шкатулки для белых и черных камней, украшенные узорами и фамильными гербами обоих военачальников. Полевые исследования Е. Э. Войтишек в храме Дайтоку-дзи, сентябрь 2024 г.

¹⁹ Так, на всемирной выставке ЭКСПО в Шанхае в 2010 г. в павильоне Китая высоким гостям – главам государств и представителям различных стран – были вручены китайские шахматы в качестве национального подарка. Внутри хрустальных шахматных фигур остроумно была помещена модель китайского павильона. См. [水晶象棋内“藏着”中国馆模型]. Модель китайского павильона внутри хрустальных шахматных фигур. URL: <https://news.sina.com.cn/o/2010-09-08/041118081296s.shtml> (дата обращения 02.01.2025).

References

- Li Qiaojie.** Cong shehui fenceng kan mingdai xiangqi huodong [李巧菊。从社会分层看明代象棋文化活动]. The development of chess culture during the Ming Dynasty and social stratification. Xi'an, Shanxi Normal University, 2012, 51 p. (in Chin.)
- Nihon no shō:gi to bunka ten [日本の将棋と文化展]. Catalogue of the exhibition dedicated to Japanese culture and shō:gi chess. Osaka, Institute of Entertainment Industry, Osaka University of Commerce, 2002, Special issue no. 13, 59 p. (in Jap.)
- Takahashi Hironori.** Dento: Ge-mu. Daijiten. Kodomo-kara otona made asoberu sekai-no yu:gi. [高橋浩徳。伝統ゲーム。大辞典。子供から大人まであそべる世界の遊戯]. The World of Games for Children and Adults. Tokyo, Asakura Shoten, 2020, 304 p. (in Jap.)
- Voytishek E. E.** Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostocnoi Azii (Kitai, Yaponiya, Koreya) [Gaming traditions in the spiritual culture of East Asian countries (China, Japan, Korea)]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 2011, 311 p., 44 p. ill.
- Wu Yuzhang.** Xiangqi jianshi [吴幼章。象棋简史]. A Brief History of Chinese Chess. Chengdu, Chengdu shidai chubanshe, 2019, 506 p. (in Chin.)
- Zhang Chaoying.** Gudai zhongguo xiangqi qiju [张超英。古代中国象棋棋具]. Chinese Chess Instruments in Ancient China. Shanghai, Baijia chubanshe, 2003, 113 p. (in Chin.)

Информация об авторах

Елена Эдмундовна Войтишек, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 25931793000

WoS Researcher ID R-3936-2016

RSCI Author ID 140290

SPIN 7927-4952

Яо Сун, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57216856131

WoS Researcher ID HDM-4632-2022

RSCI Author ID 1087558

SPIN 7789-3830

Information about the Authors

Elena E. Voytishek, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 25931793000

WoS Researcher ID R-3936-2016

RSCI Author ID 140290

SPIN 7927-4952

Yao Song, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57216856131

WoS Researcher ID HDM-4632-2022

RSCI Author ID 1087558

SPIN 7789-3830

Статья поступила в редакцию 09.01.2025;

одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 30.01.2025

The article was submitted on 09.01.2025;

approved after reviewing on 15.01.2025; accepted for publication on 30.01.2025

Научная статья

УДК 82-792

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-21-29

Роль новых медиа в продвижении китайского оперного искусства

Ай Хуэйжун

Цзянсуский университет науки и технологий
Чжэньцзян, Китай

ahr.2006@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-2166-2199>

Аннотация

Рассматривается вопрос об использовании новых медиа в продвижении традиционного театра. Актуальность исследования обусловлена изменениями в зрительских предпочтениях, особенно представителей молодого поколения, под влиянием цифровизации разных сфер жизни. Отмечается, что традиционная опера стала испытывать недостаток зрительской аудитории, в частности молодежной. На примере спектакля «Гостиница «Новые врата дракона»» показано, как решалась проблема привлечения новых зрителей посредством использования интернет-ресурсов: распространения коротких видеороликов с фрагментами спектакля и закулисной жизни, организация интерактивного взаимодействия в социальных сетях и др. Приведены цифровые данные увеличения количества зрителей благодаря использованию цифровых форматов, которые значительно расширяют аудиторию за счет привлечения молодежи. Отмечены риски использования новых медиа для продвижения традиционной оперы. С целью сохранения и популяризации традиционной китайской культуры планируется оцифровка культурных продуктов и создание национальной базы больших данных к 2035 г.

Ключевые слова

новые медиа, шаосинская опера «Юэцзюй», цифровые технологии, технологии продвижения культурного продукта

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Исследования по философии и социальным наукам в колледжах и университетах провинции Цзянсу» (江苏省高校哲学社会科学研究项目, соглашение № 2021SJA2088)

Для цитирования

Ай Хуэйжун. Роль новых медиа в продвижении китайского оперного искусства // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 21–29. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-21-29

The Role of New Media in Promoting Chinese Opera

Ai Huirong

Jiangsu University of Science and Technology
Zhenjiang, China

ahr.2006@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-2166-2199>

Abstract

The effectiveness of using new media to promote traditional art forms, particularly opera, is now beyond doubt among specialists. Furthermore, the declining interest in opera, especially among young people, has led theaters to turn to new media practices. In 2023, the audience for new media in China exceeds 1 billion people. Research shows that modern

© Ай Хуэйжун, 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 21–29
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 21–29

viewers prefer short texts over lengthy ones and videos over printed works. Chinese theaters are leveraging these characteristics in their approach to traditional art forms. The article illustrates how the Shaoxing opera “Yueju” is being popularized through the performance “The Hotel New Dragon Gates”. To promote the show, internet resources were utilized, particularly platforms like Weibo, Xiaohongshu, and TikTok. Short videos featuring excerpts from the performance and behind-the-scenes life were created, and interactive engagement on social media was organized, including discussions, contests, and more. The leading actors of the performance actively participated in the talk show, which also influenced the audience’s attention to the opera. The article presents digital data showing a 50% increase in audience numbers on TikTok during 2023 alone. At the same time, it highlights the risks associated with using social media to promote traditional opera. Among these risks are a decline in audience interest in traditional performance formats and an excessive focus on recording videos by actors at the expense of rehearsals. Meanwhile, the government is striving to preserve and popularize traditional Chinese culture and plans to create a digital database of works of art by 2035. This project aims to meet the needs of the Chinese audience, which prefers using digital technologies to obtain information, including cultural content.

Keywords

new media, Shaoxing opera “Yueju”, Digital technologies, Cultural product promotion technologies

Acknowledgements

This article was supported by the Project of Philosophy and Social Science Research in Colleges and Universities in Jiangsu Province (江苏省高校哲学社会科学研究项目, no. 2021SJA2088)

For citation

Ai Huirong. The Role of New Media in Promoting Chinese Opera. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 21–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-21-29

Использование новых медиа дает широкие возможности для распространения информации о культурных объектах среди практически неограниченной аудитории реципиентов. Согласно 53-му статистическому отчету о развитии Интернета в Китае от Информационного центра интернет-инфраструктуры Китая (CNNIC), по состоянию на декабрь 2023 г. число интернет-пользователей в стране достигло 1,092 млрд (самое большое число интернет-пользователей в мире), что на 24,8 млн больше по сравнению с декабрем 2022 г., а уровень проникновения Интернета составил 77,5 %¹.

Распространение новых медиа обусловило появление исследований, связанных с влиянием технологий на продвижение культурной информации [Фэн Цзунжэнь, 2017; Пакулина, Попова, 2020; Сазонова и др., 2020; Оян Жогу, 2024; Романишина, Карасева, 2024]. В связи с популярностью медийных практик исследователи рассматривают в качестве самого актуального продвижения различных культурных институций интернет-маркетинг – «постоянная коммуникация с потребителями услуги, создание позитивного имиджа, возможность привлекать новую молодую аудиторию, развивать интересные форматы взаимодействия, публиковать актуальный контент и устанавливать партнерские связи с институциями по всему миру» создают неизвестные ранее возможности [Пакулина, Попова, 2020, с. 365]. При этом в выборе инструментов продвижения культурного продукта через новые медиа играет роль сложность презентуемого объекта культуры. Например, «некоторые услуги филармонии или опера как продукт, являются более сложными по сравнению с кинотеатральными услугами, так как требуют от потребителя специальных знаний, чтобы оценить их качество» [Сазонова и др., 2020, с. 50]. Одним из таких сложных культурных объектов является шаосинская опера *юэцзюй*, вторая по величине опера в Китае, зародившаяся в провинции Чжэцзян. *Юэцзюй* – форма оперы, развившаяся из народного рэпа, имеющая репертуар, который состоит в основном из любовных историй региона Цзяннани. Она любима зрителями за ее протяжное, чистое, уникальное звучание и красивую, элегантную форму исполнения. С момента своего рождения в конце правления династии Цин (начало XX в.) шаосинская опера *юэцзюй* прошла несколько этапов развития, создала такие популярные классические произведения, как «Влюблённые бабочки» («梁祝»), «Сон в красном тереме» («红楼梦»), «Западный флигель»

¹ Ди 53 цы Чжунго хуляньван фачжань чжуанкуан тунци баогао [第53次中国互联网络发展状况统计报告]. 53-й Статистический отчет о развитии интернета в Китае. Информационный центр интернет-инфраструктуры Китая (CNNIC). 2024. (на кит. яз.) URL: cnnic.cn/n4/2024/0322/c88-10964.html (дата обращения 03.07.2024).

(«西厢记») и др. Из стен оперы вышли исполнителей, известные как в стране, так и за рубежом. Однако в последние годы в связи с влиянием цифровизации на общество наблюдается трансформация привычек в культурном потреблении: основные зрители *юэцзюй* представлены старшим поколением. Традиционные формы оперы, основанные преимущественно на пении, малопривлекательны для молодого поколения, привыкшего к восприятию информации в цифровом формате. Как следствие, перед *юэцзюй* встала жизненно важная задача – адаптироваться к требованиям времени, чтобы не только не потерять своих поклонников старшего возраста, но и привлечь как можно больше молодых зрителей, сохранив при этом традиционные основы оперного искусства.

Практика использования новых медиа в культурной сфере уже показала, что медиаресурсы обладают высокой степенью интерактивности, оперативности распространения информации и являются важной платформой для объединения людей на основе общности интересов, что, в свою очередь, способствует распространению культурного контента и продвижению искусства [Чжоу Сяохуэй, 2024, с. 53]. Цель данной статьи – представить российскому читателю китайский опыт использования новых медиа для популяризации оперы «Юэцзюй» на примере произведения «Гостиница “Новые врата дракона”» (新龙门客栈).

Опера «Гостиница “Новые врата дракона”» была адаптирована из одноименного фильма известного гонконгского режиссера Цуй Харка (徐克), который, в свою очередь, в 1992 г. переснял фильм Ху Цзиньцюаня (胡金铨) «Гостиница “Ворота дракона”» под новым названием «Новые врата дракона», последний стал классикой китайского кино о боевых искусствах и добился выдающегося кассового успеха [Ян Сыи, 2024, с. 105]. Это было важной причиной, по которой опера была принята многими зрителями. Опера сохраняет содержание оригинального фильма, делая повествование более увлекательным. Действие оперы разворачивается во времена середины правления династии Мин, когда власть была в руках евнухов. Цао Шаоцин (曹少钦), глава ведомства Дунчан (придворной спецслужбы), убивает военного министра Ян Юйсюаня (杨宇轩), преследует его потомков, а также пытается поймать его старого соратника Чжоу Хуайяня (周淮安). Героическая женщина Цю Моянь (邱莫言) спасает сирот Ян и, переодевшись мужчиной, бежит в пустыню на границе, где в «Гостинице “Новые врата дракона”» происходят захватывающие события. Опера имеет напряженный сюжет, который основывается на интенсивности конфликтов, на бесконечных интригах и глубоком изображении сложной и многообразной человеческой натуры.

С момента премьеры в марте 2023 г. было показано более 200 спектаклей. Кроме того, количество просмотров размещенных на платформах фрагментов видеозаписи оперы в формате коротких роликов превысило 1,8 млрд [Мао Вэйтао, 2004, с. 2], что демонстрирует огромный потенциал синтеза традиционной культуры и новых медиа. Формат коротких видео для продвижения *юэцзюй* стал одним из эффективных инструментов привлечения внимания молодежи, предпочитающей небольшие ролики объемным текстам. Данный способ продвижения во многом способствовал успеху распространения информации об опере «Гостиница “Новые врата дракона”» в социальных сетях. Перед премьерой произведения театральная труппа создала официальные аккаунты на ведущих платформах социальных сетей, таких как Weibo и Xiaohongshu, активно публикуя материалы, связанные с оперой, включая фотографии сцен и информацию об актерах. Эти предварительные мероприятия позволили привлечь внимание зрителей.

Реальный прорыв произошел после начала показов. Уже посетившие оперу зрители среди сильных сторон произведения назвали захватывающий сюжет, глубокую характеристику персонажей и великолепные декорации, вместе создающие впечатляющее произведение. Отзывы подписчиков сыграли роль «сарафанного радио» – одного из самых эффективных инструментов распространения информации.

Одновременно в социальных сетях получила распространение запись «Оригинальная финальная сцена» [Му Хайлян, Ма Хэнъи, 2024, с. 138], в которой особым впечатляющим спо-

собою артист прощается со зрителями в конце выступления. Данный ролик выполняет несколько функций: во-первых, демонстрирует яркую сцену из представления; во-вторых, особое прощание со зрителем показывает уважительное отношение к ним создателей оперы, дополняя позитивный эмоциональный фон восприятия произведения. Можно сделать вывод, что политика открытого распространения контента не только увеличивает охват зрителей оперы, но и усиливает их вовлеченность и желание делиться оценками с окружающими.

Особенностью оперы «Гостиница “Новые врата дракона”», которая привлекает молодых зрителей, является исполнение гендерных ролей актерами противоположного пола. В юэцзюй женщин, исполняющих мужские роли, называют «нью сяошэн» (女小生), они не только демонстрируют актерскую технику, но и бросают вызов традиционным гендерным представлениям. Так, одну из мужских ролей исполнила актриса Чэнь Лицзюнь (陈丽君). Ее игра – это демонстрация мастерства и глубокого понимания внутреннего мира персонажа, а также элегантный образ, который не только не скрывает привлекательности актрисы, но и усиливает ее. В сети широкое распространение получило видео, где Чэнь Лицзюнь одной рукой легко кружит Ли Юньсяо (李云宵), исполняющую роль хозяйки таверны. Этот момент вызвал бурные аплодисменты у зрителей во время представления, а после того как его распространили в социальных сетях, быстро стал популярным (см. рисунок).

Сцена из оперы в соцсетях и в жизни:

1 – скриншот из социальных сетей; 2 – «живая» сцена из оперы

Scene from the opera in social network and in life:

1 – screenshot from social network; 2 – “live” scene from the opera

Актриса сумела воплотить в исполняемом образе мужские черты и мужское обаяние как представление об идеальном образе мужчины, что позволило получить зрителям новый эстетический опыт, который был положительно ими воспринят. Под видео в TikTok появились одобрительные комментарии типа: *Я хочу пойти в театр, чтобы увидеть живое представление; Это просто самый красивый сяошэн и самая красивая хуадань, идеальная пара; Мне очень нравится, я пересматривал видео сотни раз!; Фантастика.* Такого рода комментарии привлекают внимание потенциальных зрителей, побуждая их покупать билеты на представление, которые продаются онлайн, что существенно сокращает временную дистанцию между получением информации о представлении и приобретением билетов. Кроме того, о взрослой

популярности оперы среди молодежи свидетельствует вирусность роликов с ее фрагментами, поскольку основными пользователями социальных сетей и зрителями видеороликов являются молодые люди. Это подтверждается статистикой, собранной самим театром, согласно которой 70 % зрителей на каждом представлении стали составлять люди в возрасте от 20 до 40 лет [Ма Миньюэ, 2024, с. 110].

В результате использования новых медиа для продвижения оперы «Гостиница “Новые ворота дракона”» с момента премьеры в марте 2023 г. за несколько месяцев шоу превратилось из представления с 80-процентной посещаемостью в «труднодоступное» [Там же, с. 111], что свидетельствует об интересе зрителей к традиционным видам искусства при правильном информировании. Между тем, по данным театра, порядка 80 % зрителей, купивших билеты, никогда раньше не были знакомы с шаосинской оперой «Юэцзюй» [Там же].

Получив положительные результаты использования новых медиа, театр продолжил практику продвижения спектакля на официальных платформах социальных сетей, запустив серию видеороликов с участием главных актеров. Это не просто рекламный ход с демонстрацией сцен из спектакля, а представление закулисной жизни актеров, цель которого – позволить зрителям глубже проникнуть в эмоциональный мир театра через наблюдение за его повседневной жизнью. Погружение зрителя в мир закулисы параллельно с презентацией сцен из оперного представления создает прочную ассоциативную связь между героями оперы и актерским составом. Кроме того, так сокращается дистанция между исполнителями и зрителями, привлекается новая аудитория.

Другим способом интегрирования зрителя в творческий процесс является организация интерактивных мероприятий в онлайн-формате. Например, зрителям предлагается поделиться своими незабываемыми воспоминаниями о просмотре спектакля или фотографиями с мероприятий, а в качестве вознаграждения устраиваются розыгрыши подарков. Такие формы взаимодействия с аудиторией активизируют ее, поскольку позволяют зрителям почувствовать себя активными участниками культурного проекта.

Результатом внедрения указанных онлайн-мероприятий (видео с фрагментами оперы и закулисной жизни, размещение зрителями фото, розыгрыши и др.) стало увеличение количества просмотров контента, посвященного спектаклю: согласно статистике официального аккаунта WeChat оперы, к концу 2023 г. количество просмотров видеороликов на TikTok превысило 1,8 млрд, официальные прямые трансляции на той же платформе посмотрели более 9,24 млн человек, видео на официальном аккаунте TikTok набрали 30 млн просмотров. Показатели на Weibo также впечатляют: видеоматериалы на официальном аккаунте Weibo набрали 1,8 млн просмотров; статьи, посвященные спектаклю, прочитали более 100 млн раз; объем обсуждений достиг 180 тыс. комментариев, а количество участвующих в обсуждении по смежным темам более 300 тыс. На платформе Xiaohongshu просмотры по теме оперы «Юэцзюй» «Гостиница “Новые ворота дракона”» достигли почти 98 млн. Более 40 национальных СМИ осветили эти события ².

После успеха «Гостиницы “Новые ворота дракона”» одна из главных звезд, Чэнь Лицзюнь, была приглашена для участия в ряде популярных развлекательных шоу. В шоу «Сестры, покоряющие волны» (乘风破浪的姐姐) Чэнь Лицзюнь не только исполнила «Песнь о рыцаре» (侠客吟) из шаосинской оперы, но и рассказала интересные факты об опере, общаясь с другими участниками передачи. Кроме того, певица реализовала интересный эксперимент по созданию нового произведения путем синтеза оперного пения и поп-музыки, что не только

² 甘ьсе нинь пэйбань вомэнь цзоуго сыцзи. Цин чашоу сяо кэжэнь 2023 няньду баогао[感谢您陪伴我们走过四季. 请查收小客栈 2023 年度报告] Благодарим за сопровождение на протяжении всех четырех времен года. Пожалуйста, ознакомьтесь с годовым отчетом за 2023 год. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzUxMDMzMjM4MQ==&mid=2247579820&idx=1&sn=2c7418b4f21b154117df9aa62b95e3ee&chksm=f862d2e2899b63c26bde8fe2e79178fb739f45a5597c224d79837229051d0986dd2dc5c0e4bd&mpshare=1&scene=23&srcid=0203oqRgDQOd2ZMDQf1gWaLW&sharer_shareinfo=fa06e71b456140b13cd0bd17b4928659&sharer_shareinfo_first=8e7b0932ae9ed9cfde98ebfe3928206d#rd (дата обращения 03.07.2024).

привлекло внимание аудитории на самом шоу, но и расширило круг зрителей, особенно среди молодежи и более взрослой аудитории, не интересующихся оперой. Активное обсуждение шоу в позитивном ключе после его эфира в социальных сетях свидетельствует о росте популярности как самого спектакля «Гостиница “Новые врата дракона”», так и традиционной оперы в целом.

Цифровизация, затронувшая практически все сферы жизнедеятельности людей, оказала влияние и на эстетическое восприятие ими действительности, и на их образ жизни. Традиционные носители информации уже не могут удовлетворить потребности современной зрительской аудитории, в то время как цифровые технологии открывают новые возможности и для распространения, и для получения информации. Появление таких форматов, как короткие видеоролики, прямые трансляции и метавселенные, создает возможности для продвижения традиционных видов искусства, в частности оперы. В связи с этим целью национальной стратегии в сфере культуры является создание инфраструктуры оцифровки культурных продуктов к концу 14-й пятилетки и формирование национальной базы больших данных в этой сфере к 2035 г., чтобы факты китайской культуры в цифровом формате стали доступны широкой зрительской аудитории.

Согласно отчету в TikTok за 2023 г., прямые трансляции оперы стали важной частью экосистемы платформы. Так, в 2023 г. только прямых трансляций шаосинской оперы насчитывается 160 тыс., они собрали 890 млн просмотров, что на 50 % больше по сравнению с предыдущим годом. В это же время другие виды музыкального искусства, такие как хуанмэйская опера, хэнаньская местная опера, пекинская опера, также получили широкую аудиторию в TikTok.

В то же время новые медиа не всесильны. Более того, исследователь Чжоу Фань, проанализировавший особенности продвижения традиционного оперного искусства в современных медиа, пришел к выводу, что в настоящее время в мире оперного искусства наблюдается чрезмерная зависимость от новых медиа, которая проявляется в том, что исполнители стремятся выпускать короткие видеоролики и вести прямые трансляции на собственных медиаплатформах для формирования личного творческого имиджа и получения коммерческой выгоды, что может привести к изменению актерами концепции и способов исполнения в угоду зрительским запросам, к ухудшению технических навыков оперного исполнения, пренебрежению физической средой исполнения, снижению интереса к посещению реального пространства театра и др. [Чжоу Фань, 2024, с. 49–50] Перечисленные факторы создают определенные риски для развития оперного театрального искусства. Другой исследователь, Инь Ганшэн, рассматривая стратегии выживания государственных оперных театров, отметил, что использование новых медиа для продвижения оперы может привести к нивелированию «чувства присутствия», а это разрушает эстетическое восприятие оперы [Инь Ганшэн, 2024, с. 54].

Новые медиа формируют у пользователей Интернетом привычку читать небольшие по объему тексты, смотреть короткие видеоролики, что создает опасность предпочтения данных видов контента полноформатным жанрам, в частности опере. Кроме того, знакомство с произведениями искусства преимущественно в сетевом формате может привести пользователей Интернета к поверхностному восприятию оперы как исключительно зрелищного культурного продукта, не требующего глубокого осмысления. С другой стороны, чрезмерная погоня самого учреждения культуры за трафиком и коммерческой выгодой также может привести к упрощению традиционных форм с сопутствующей потерей художественной ценности классических произведений и даже к установке «искусство ради трафика». Самой сложной задачей в сфере продвижения культурных продуктов посредством новых медиа, таким образом, становится установление баланса между сохранением традиционных художественных ценностей оперного искусства и использованием новых технологий для его популяризации.

Успешное продвижение юэцзюй «Гостиница “Новые врата дракона”» всего лишь в течение одного года, которое выразалось не только в увеличении числа зрителей, но и в качественном изменении состава аудитории, в частности в привлечении молодежи, осуществлено благодаря использованию новых медиа. В процессе продвижения театр активно использовал технологии распространения информации в социальных сетях, такие как создание вирусных роликов, содержащих фрагменты спектакля и записи из закулисной жизни оперных исполнителей, мотивирование зрителей к обсуждению шоу на интернет-платформах, розыгрыши призов и др. Данные действия привели к существенному увеличению количества зрителей не только интернет-контента, но и традиционного формата оперы с посещением театра.

Непрерывное развитие технологий позволяет предположить, что они продолжают играть определяющую роль в популяризации культурных проектов, специалисты будут искать способы их оптимального использования, которые могут быть применены для продвижения как оперного искусства, например Пекинской оперы и Куньцзюй, так и других традиционных видов искусства – музыки, танцев и др. Между тем специалисты отмечают и определенные риски, которым подвержено традиционное искусство при продвижении в социальных сетях: упрощение подачи материала в угоду невзыскательному вкусу пользователей Интернета, особенно молодежи, ухудшение исполнительского мастерства актеров, увлекающихся развитием личного бренда через социальные сети и др.

Список литературы

- Оян Жогу.** Виртуальная реальность и культурное взаимодействие: виртуальные цифровые технологии в продвижении китайской культуры за рубежом // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2024. Т. 3, № 2. С. 89–101. DOI 10.21603/2782-4799-2024-3-2-89-101
- Пакулина К. А., Попова Н. Е.** Интернет-маркетинг как новый способ продвижения социально-культурных институций // Инновационный потенциал молодежи: гражданственность, профессионализм, творчество: Сб. науч. тр. Междунар. молодежной науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 24 ноября 2020 г.). Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. С. 364–369.
- Романишина Т. С., Карасева С. О.** Технология смартфоб (умная толпа) в специальных коммуникационных проектах по продвижению брендов // Сервис plus. 2024. Т. 18, № 1. С. 198–209. DOI 10.5281/zenodo.10969497
- Сазонова Е. В., Фатова С. А., Калегина А. А.** Современные технологии продвижения в сфере культуры // Петербургский экономический журнал. 2020. № 4. С. 48–55. DOI 10.24411/2307-5368-2020-00037
- Фэн Цзунжэнь.** Сохранение и продвижение художественной культуры АРВМ КНР: Ордос как культурный проект // Вестник Кем. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. Т. 39. С. 72–78.
- Инь Ганшэн.** Идун Хуляньван Шидай Гою Сицзюйюань Ванлохуа Шэнцунь Сяньчжуан Юй Фачжань Цэлюэ [尹港胜. 移动互联网时代国有戏曲院团网络化生存现状与发展策略] Состояние и стратегия развития сетевого выживания государственных театров оперы в эпоху мобильного Интернета // Культурная индустрия. 2022. № 9. С. 52–54. (на кит. яз.)
- Ма Миньюэ.** «Юэцзюй» + цялянъ вэньлюй жунхэ синь минпянь [马铭悦. “越剧+”擦亮文旅融合新名片] «Юэцзюй+» – новый бренд культурно-туристического синтеза // Китайская экономическая неделя. 2024. № 12. С. 110–111. (на кит. яз.)
- Мао Вэйгао.** Цзема «Синь Лунмэнь кэчжань»: цзай 2024 нянь Чжэцзяншэн вэньхуа гуандянь хэ люйю гунцзо хуэйъи дэ фаъянь [茅威涛. 解码《新龙门客栈》：在 2024 年浙江省文化广电和旅游工作会议上的发言] Расшифровка «Гостиницы Новые врата дракона»: выступление на конференции по культуре, радио, телевидению и туризму провинции Чжэцзян 2024 г. // Вестник Чжэцзянского профессионального института искусств. 2024. № 4. С. 2–4. (на кит. яз.)

- Му Хайлян, Ма Хэнйи.** Куацзэ гайбянь, синтай чуансинь юй сицхой чуаньбо цюаньцэнхуа дэ тупо [穆海亮, 马恒怡. 跨界改编、形态创新与戏曲传播圈层化的突破] Междисциплинарная адаптация, инновации в форме и прорыв в круговороте оперной коммуникации – инновационные пути и просветительское значение шаосинской оперы «Гостиница “Новые врата дракона”» // Вестник Нанкинской академии искусств (Искусство и представление). 2024. № 3. С. 137–141. (на кит. яз.)
- Чжоу Сяохуэй.** Синь мэйти иньлин сицхой инши вэньсюэ чуанцзо фэнбао [周小惠. 新媒体引领戏剧影视文学创作风暴]. Новые медиа возглавляют революцию в литературном творчестве театра, кино и телевидения // Культурная индустрия. 2024. № 18. С. 52–54. (на кит. яз.)
- Чжоу Фань.** Чэн е Сяохэ бай е Сяохэ. Синь мэйти юйцзин чжун чуаньтун сицхой дэ вэйцзи юй индуй [周帆. 成也萧何, 败也萧何 新媒体语境中传统戏曲的危机与应对]. Отрадное и губительное: кризис и вызовы для традиционной оперы в контексте новых медиа // Китайская драматургия. 2024. № 5. С. 48–50. (на кит. яз.)
- Ян Сян.** Цзэду юэцзюй «Синь Лунмэнь кэчжань» дэ люлян мима [杨斯奕. 解读越剧《新龙门客栈》的流量密码]. Расшифровка кода популярности в шаосинской опере «Гостиница “Новые врата дракона”» // Китайская литературная критика. 2024. № 6. С. 105–113. (на кит. яз.)

References

- Feng Zongzren.** Sokhranenie i prodvizhenie khudozhestvennoji kul'tury ARVM KNR: Ordos kak kul'turnyi proekt (Preservation and promotion of the artistic culture of the People's Republic of China: Ordos as a cultural project). *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2017, no. 39, pp. 72–78. (in Russ.)
- Ma Mingyue.** “Yueju+” calian wenlu ronghe xin minpian [马铭悦. “越剧+”擦亮文旅融合新名片] “Yueju+” is a new brand of cultural and tourist synthesis. *Chinese Economic Week*, 2024, no. 12, pp. 110–111. (in Chin.)
- Mao Weitao.** Jiema “Xin Longmen ke zhan”: zai 2024 nian Zhejiangsheng wenhua guangdian he luyou gongzuo huiyi de fayan [茅威涛. 解码《新龙门客栈》: 在 2024 年浙江省文化广电和旅游工作会议上的发言] Decoding “The New Dragon Gate Hotel”: Speech at the 2024 Zhejiang Provincial Culture, Radio, Television and Tourism Work Conference. *Bulletin of Zhejiang Vocational Institute of Arts*, 2024, no. 4, pp. 2–4. (in Chin.)
- Mu Hailiang, Ma Hengyi.** Kuajie gaibian, xingtai chuangxin yu xiqu chuanbo quancenghua de tupuo [穆海亮, 马恒怡. 跨界改编、形态创新与戏曲传播圈层化的突破]. Cross-border adaptation, innovations in form and a breakthrough in the cycle of opera communication – innovative ways and educational significance of the Shaoxing opera “New Dragon Gate Hotel”. *Bulletin of the Nanjing Academy of Arts (Art and Performance)*, 2024, no. 3, pp. 137–141. (in Chin.)
- Ouyang Zhogu.** Virtual Reality and Cultural Interaction: Digital Virtual Technologies in Promoting Chinese Culture Abroad. *Virtual communication and social networks*. 2024, vol. 3, no. 2, pp. 89–101. (in Russ.) DOI 10.21603/2782-4799-2024-3-2-89-101
- Pakulina K. A., Popova N. E.** Internet-marketing kak novyi sposob prodvizheniya sotsial'no-kul'turnykh institutsii [Internet marketing as a new way to promote socio-cultural institutions]. In: *Innovatsionnyi potentsial molodezhi: grazhdanstvennost', professionalizm, tvorchestvo: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-issledovatel'skoi konferentsii* (Ekaterinburg, 24 noyabrya 2020 goda). Ekaterinburg, Ural Federal Uni. Press, 2020, pp. 364–369. (in Russ.)
- Romanishina T. S., Karaseva S. O.** Tehnologiya smartmob (umnaya tolpa) v special'nykh kommunikatsionnykh proektakh po prodvizheniyu brendov [Smartmob technology (smart crowd) in

- special communication projects for brand promotion]. *The plus service*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 198–209. (in Russ.) DOI 10.5281/zenodo.10969497
- Sazonova E. V., Fatova S. A., Kalegina A. A.** Sovremennye tekhnologii prodvizheniya v sfere kul'tury [Modern technologies of promotion in the field of culture]. *St. Petersburg Economic Journal*, 2020, no. 4, pp. 48–55. (in Russ.) DOI 10.24411/2307-5368-2020-00037
- Yang Siyi.** Jiedu yuequ “Xin Longmen kezhan” de liuliang mima [杨斯奕。解读越剧《新龙门客栈》的流量密码]. Decoding the flow code in the Shaoxing opera “The New Dragon Gate Hotel”). *Chinese Literary Criticism*, 2024, no. 6, pp. 105–113. (in Chin.)
- Yin Gangsheng.** Yidong hulianwang shidai guoyou xiqu yuantuan wangluohua shengcun xian-zhuang yu fazhan celue [尹港胜。移动互联网时代国有戏曲院团网络化生存现状与发展策略]. The state and strategy of development of the network survival of state opera theaters in the era of mobile internet. *Cultural industry*, 2022, no. 9, pp. 52–54. (in Chin.)
- Zhou Fan.** Cheng ye Xiaohe bai ye Xiaohe: Xin meiti yujing zhong chuantong xiqu de weiji yu yingdui [周帆。成也萧何，败也萧何 新媒体语境中传统戏曲的危机与应对]. Gratifying and Ruinous: Crisis and challenges for traditional opera in the context of new media). *Chinese Drama*, 2024, no. 5, pp. 48–50. (in Chin.)
- Zhou Xiaohui.** Xin meiti yinling xiju yingshi wenxue chuanguzuo fengbao [周小蕙。新媒体引领戏剧影视文学创作风暴]. New media are leading a revolution in the literary creativity of theater, cinema and television). *Cultural industry*, 2024, no. 18, pp. 52–54. (in Chin.)

Информация об авторе

Ай Хуэйжун, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Ai Huirong, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 15.12.2024;
одобрена после рецензирования 01.02.2025; принята к публикации 10.02.2025
The article was submitted on 15.12.2024;
approved after reviewing on 01.02.2025; accepted for publication on 10.02.2025

Научная статья

УДК 316.772.4

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-30-41

Persuasive Discourse: Metadiscourse Practices in Chinese Live Streaming

Chen Qian¹, Li Yaping²

^{1,2} Northwest Normal University
Lanzhou, China

¹ qian-chen-li@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5249-7421>

² qian-chen-li@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1515-7496>

Abstract

In e-commerce live streaming, businesses are increasingly turning to “TikTok short video + live streaming”, which features as a key marketing method. This study attempts to investigate how persuasive discourse is constructed in this genre through metadiscourse practices. By drawing on Hyland’s (2005) interactional models of metadiscourse and Verschueren’s (1999) metapragmatic awareness theory, this study examines the pragmatic functions of persuasive discourse and the metapragmatic awareness of the streamers reflected on TikTok. This research provides streamers with insights on how to achieve their marketing goals more effectively by enhancing their own metapragmatic awareness and using appropriate practices of persuasive discourse.

Keywords

live streaming, persuasive discourse, metadiscourse, metapragmatic awareness

Acknowledgements

This paper was made possible with the financial support of the Ministry of Education Research of Social Sciences (Youth project funding), China (21YJC740006) and NWN, China (NWN-SKQN2021-05)

For citation

Chen Qian, Li Yaping. Persuasive Discourse: Metadiscourse Practices in Chinese Live Streaming. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 30–41. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-30-41

Персуазивный дискурс: практики метадискурса в китайских живых трансляциях

Чэнь Цянь¹, Ли Япин²

^{1,2} Северо-западный педагогический университет
Ланьчжоу, Китай

¹ qian-chen-li@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5249-7421>

² qian-chen-li@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1515-7496>

Аннотация

Предпринята попытка исследовать, каким образом конструируется персуазивный дискурс на китайском языке при помощи методов метадискурса. Авторами анализируются прагматические функции персуазивного дискурса на китайском языке, а также метапрагматическая осведомленность стримеров в социальной сети TikTok. Предваряет работу обзор зарубежных научных трудов по проблематике исследования, который нацелен на

© Chen Qian, Li Yaping, 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 30–41

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 30–41

анализ 9 интеракционных источников, а также анализ частоты их употребления, подкрепленный статистическими данными и многочисленными примерами: 50 237 лексических единиц были расшифрованы авторами из прямой трансляции, хронометраж которой составил 180 минут. В результате ими выделяются четыре типа метапрагматической осведомленности: 1) установление гармоничных межличностных отношений с клиентами; 2) удовлетворение когнитивных ожиданий потребителей при совершении покупок; 3) установление взаимодействия и эмоциональной идентификации с потребителями; 4) инициирование взаимодействия с потребителями и совершения покупок. Основываясь на критериях классификации метадискурса, предложенных К. Хайландом, все интеракционные ресурсы метадискурса в статье классифицируются по подкатегориям и идентифицируются при помощи современной среды для аннотирования текстовых корпусов UAM Corpus Tool.

Ключевые слова

живая трансляция, персуазивный дискурс, метадискурс, осведомленность о метапрагматике

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Молодежного проекта исследований в области общественных наук Министерства образования Китая (21YJC740006) и проекта, финансируемого NWNNU, Китай (NWNNU-SKQN2021-05)

Для цитирования

Чэнь Цянь, Ли Япин. Персуазивный дискурс: практики метадискурса в китайских живых трансляциях // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 30–41. (на англ. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-30-41

Introduction

TikTok is a musically-creative social media software that can record and produce short videos. It was launched in September 2016 and is becoming a community platform focusing on musical short videos for young people. TikTok has huge commercial value potential, because of its high traffic support and intelligent distribution capabilities, brand communication capabilities, penetration and guidance capabilities of interactive platforms, and user transformation capabilities of short video platforms. It has become the birthplace of brand marketing and the frontier content field of new media marketing, and it is a collection of “short videos + live streaming”, which can help businesses achieve their sales goals. Therefore, how to communicate with consumers more appropriately is a matter of concern, and this paper mainly focuses on the persuasive discourse in the process of living streaming on TikTok.

It is noteworthy that the successful realization of sales, or the construction of persuasive discourse in live streaming is inseparable from the metadiscourse practices. The persuasive discourse in this study is regarded as the discourse that is constructed through specific metadiscourse practices. It is usually defined as “discourse about discourse or communication about communication” [Kopple, 1985]. The concept of metadiscourse provides a framework for analyzing discourse as a form of social engagement. It can help speakers to show their stance on a proposition, negotiate with the audience and draw them into an argument, which has a strong persuasive effect. This paper focuses on the role of metadiscourse in business context according to Hyland’s model of interactional metadiscourse [Hyland, 2005]. The exploration of the essence and categories of metadiscourse within the theoretical framework of metapragmatics can better dynamically match the form and function of discourse in specific natural communication contexts [Chen Xinren, 2020]. In addition, examining the metapragmatic awareness of the streamers can also delve deeper into the motivation behind language, and clarifying the regulation of metapragmatic awareness can more effectively promote the effectiveness of language use and achieve “words make things happen”. This paper gives some inspiration to the streamers through more appropriate metadiscourse practices to achieve sales goals more smoothly.

1. Literature review

1.1 Persuasive discourse

Persuasion is often seen as a language behaviour and strategy used to change the attitude and response of the interlocutor, or to influence their beliefs and consistency. Persuasive discourse is an everlasting research topic, which has also been given different comprehensive explanations [O’Keefe,

2002; Van Dijk, 2006; Jones, Simons, 2017]. Many scholars have studied it from multiple dimensions, such as rhetoric, social psychology, communication, economics, and advertising [Kashiha, 2022; Humă, 2023]. H. Kashiha investigates the persuasive meaning of metadiscourse markers in political speeches and how persuasive discourse is constructed in this genre through metadiscourse practices. Through literature review, it has been found that most discourse on persuasion is concentrated in political speeches or commercial advertisements, with little research focusing on the context of live streaming sales. Therefore, in order to fill this gap, this paper examines the persuasive discourse in live streaming sales.

There are two perspectives for persuasive discourse research, one is social communication perspective, and the other is cognitive perspective. The former shows that in the process of producing persuasive discourse, the persuader constantly adjusts, negotiates, and selects appropriate language in order to achieve the best persuasive effect [Van Dijk, 2006]. The latter mainly indicates that the persuader expects to strengthen or change the cognitive environment of the persuasive object through the information conveyed, making the cognitive environment of both parties clear, achieving the persuasive object's identification with the persuasive discourse, producing persuasive effects, and ultimately achieving their communicative intention [O'Keefe, 2002]. This study follows the perspective of social communication and aims to investigate the types of persuasive discourse in live streaming and the speaker's control of language.

1.2 Metadiscourse

The term “metadiscourse” was proposed by Z.S. Harris [Harris, 1970]. According to its role in language, researchers gave different definitions [Beauvais, 1989; Kopple, 1985; Hyland, 2013]. Among them, the widely accepted concept is that metadiscourse is “discourse about discourse”, which is also “communication about communication” [Kopple, 1985]. It has nothing to do with propositional content and is mainly used to guide readers to organize, classify, interpret and evaluate the information conveyed by the text. With the maturity and improvement of metadiscourse theory, metadiscourse has been widely used in discourse analysis of various genres, covering scientific, academic, and economic discourses [Mauranen, 1993; Valero-Garcés, 1996; Ädel, 2008; Kuhi, Behnam, 2011]. A few studies have tackled the effects of metadiscourse on advertising language. Jiang Hui, based on the metapragmatic theory, investigated the metapragmatic awareness embodied by the audience's metadiscourse in his TED speech [Jiang Hui, 2020]. He Zhongqing and Yan Yufei made a comparative analysis of the use of metadiscourse in the introduction of interdisciplinary academic papers [He Zhongqing, Yan Yufei, 2021]. Obviously, oral metadiscourse in live streaming is seldom explored, therefore, this paper used K. Hyland's model of interactional metadiscourse to explain and analyze the persuasive discourse in live streaming sales [Hyland, 2005]. Metadiscourse research is mostly based on the classification framework proposed by K. Hyland (fig. 1).

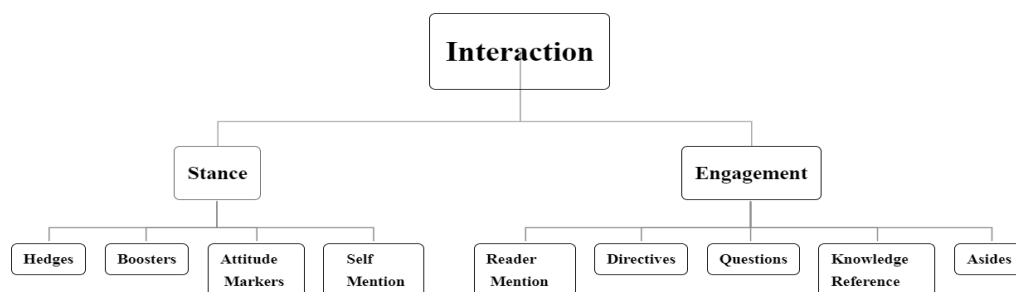

Fig.1. Model of interactional metadiscourse. As per: [Hyland, 2005]

Рис. 1. Модель интеракционного метадискурса. По: [Hyland, 2005]

According to K. Hyland, stance can be seen as “an attitudinal dimension and includes features which refer to the ways writers present themselves and convey their judgements, opinions, and commitments” [Hyland, 2005]. Whereas engagement is “an alignment dimension where writers acknowledge and connect to others, recognizing the presence of their readers, pulling them along with their argument, focusing their attention, acknowledging their uncertainties, including them as discourse participants, and guiding them to interpretations”. The interactional dimension concerns the ways writers conduct interaction by introducing and commenting on their message. According to this paper, the detailed interpretations of the subcategories are briefly summarized in the following table.

Table 1

The categories of interactional model

Interactional model	Categories	Function	Language sources
Stance	Hedges	Suppress commitment or start a conversation	might, perhaps, possible, about
	Boosters	Emphasize certainty or end the conversation	in fact, definitely, it is clear that...
	Attitude markers	Contribute to the theme of the text	mild, beautiful, lovely, nice...
	Self mention	Explicitly point to the author	I, we, my, me, our
Engagement	Reader mention	Bring the reader into the text	you, your, yourself
	Directives	Instruct the reader to perform an action in a way determined by the writer	do, start, get, shop, save...
	Questions	Guide interlocutors into the author's point of view	Rhetorical ones requiring a decision rather than a verbal answer

1.3 Metapragmatic awareness

Different metadiscourse can reflect different metapragmatic awareness, communicative intentions of the communicator, and levels of effective information. J. Verschueren formally proposed “metapragmatics”, and he pointed out what forms of language expression can be selected to effectively achieve their own communicative purposes, make corresponding negotiations and adjustments to them, and finally make appropriate language choices. The whole process is made in the brain and belongs to the category of consciousness, which calls “metapragmatic consciousness” [Verschueren, 1999]. Later he put forward one of the ways to reflect the function of the indicator of metapragmatic awareness which is a sign for language users to reflect and interpret speech activities [Verschueren, 2000]. Many scholars interpret metapragmatics, based on J. Verschueren's theory of metapragmatic awareness, so as this study [Culpeper, Haugh, 2014; Hyland, 2017].

Metadiscourse reveals the awareness of the hearers or readers in terms of the type and extent of their need for elaboration, classification, guidance and interaction. The scope of research based on metapragmatic awareness is also expanding [Liu Ping, Ran Yongping, 2020; Jiang Hui, 2022]. Although those studies have explored metapragmatic awareness in written, even oral contexts, there is a lack of research on the business genre of live streaming. This paper discusses what metapragmatic awareness the persuasive discourse embodies in the live streaming context.

2. Research Methodology

2.1 Research questions

In order to explore how persuasive discourse on TikTok is constructed through metadiscourse practices, this paper selects persuasive discourse on the TikTok live streaming platform as a corpus, and specifically answers the following two research questions:

- (1) How is persuasive discourse constructed through metadiscourse practices on TikTok?
- (2) What pragmatic functions and metapragmatic awareness do persuasive discourse embody on TikTok?

2.2 Data collection and annotation

The current research corpus consists of discourse from 25 beauty and personal care live streams on TikTok, and in order to explore the distribution characteristics and use of the persuasive discourse on TikTok, about 50,237 words were transcribed from the 3 hours of live streaming to form a small self-built corpus. This paper selects the live streams with the highest traffic on Double Eleven (a festival of shopping in China) to ensure its effectiveness and representativeness. UAM Corpus Tool 3.3 is used in this paper to annotate the interactional metadiscourse resources so as to ensure the accuracy and objectivity of analysis. The UAM Corpus Tool is a state-of-the-art environment for annotation of text corpora. This study mainly adopted the method of manual annotation to improve the data accuracy and statistical efficiency.

Referring to K. Hyland's classification criteria for metadiscourse, all interactional metadiscourse resources are classified into subcategories and identified in the UAM Corpus Tool by way of manual annotation. First, create a new project on the UAM Corpus Tool and upload the previously live streamed transcripts, then, the interactional metadiscourse scheme is manually created, and the hierarchical creation is implemented in line with the subcategories. Finally, the manual annotation is carried out, stance resources, engagement resources and their subcategories are manually annotated, and the results of the data are exported. The text is manually annotated according to the language resource form of interactional metadiscourse mentioned in 2.2.

3. Results and Discussion

In this part, this paper analyzes the linguistic manifestation and pragmatic functions of persuasive discourse on TikTok and the metapragmatic awareness reflected by persuasive discourse. The manifestation and distribution of the persuasive discourse are presented in the form of a table according to stance and engagement resources, and an analysis with examples is provided. After classifying them, the pragmatic function and metapragmatic awareness of each type of metadiscourse are discussed.

Table 2

The Frequency and Proportion of Interactional Resources

Interactional resources	Number	Percentage
Stance	12806	71.2
Hedges	653	3.6
Self mentions	1460	8.1
Boosters	2254	12.5
Attitude markers	8439	46.9
Engagement	5179	28.8
Reader mentions	1807	10.0
Questions	373	2.1
Directives	2999	16.7
Total	17985	100

According to data statistics, the use of stance resources is more than engagement resources. Among them, there are 8439 attitude markers (46.9%), followed by directives (16.7%), reader mentions (10.0%), boosters (12.5%), self-mentions (8.1%), hedges (for 3.6%) and questions (2.1%). It is worth noting that attitude markers and directives markers appear most frequently, indicating that the main focus of the streamers is consumers, because they are more effective means of persuasion. The following sections describe the results in more detail.

3.1 The manifestations and distribution of the persuasive discourse

4.1.1 Stance

As mentioned before, stance can be seen as an attitudinal dimension and refers to the ways writers present themselves and convey their judgements, opinions, and commitments. The following are the stance resources embodied in the persuasive discourse.

Table 3

The manifestation form and distribution of Stance resources on TikTok

Catego- ries	Examples	Number	Percentage
Hedges	可能会有点油腻的感觉，会感觉不太舒服。 It may feel greasy and uncomfortable.	653	3.6
Self mention	我家这款粉底液，不管你是干皮、油皮、中性肌肤、混合性肌肤，以及你是男生啊还是女生啊，都是可以来用的。 Our liquid foundation can be used no matter whether you have dry skin, neutral skin, mixed skin, or whether you are a boy or a girl.	1460	8.1
Boosters	粉质很细腻，一根头发横切面的十万分之一， 完全 都是零粉感哦。 The powder of this liquid foundation is very delicate, and it is as fine as one hundred thousandth of the cross section of a hair, completely no sense of powder.	2254	12.5
Attitude markers	咱们家是，来，氨基酸的洁面乳， 温和不刺激 ，知道吗？ Our product is, come on, an amino acid facial cleanser, mild and non-irritating , you know?	8493	46.9

4.1.2 Engagement

Engagement is an alignment dimension where writers acknowledge and connect to others, recognizing the presence of their readers, pulling them along with their argument, focusing their attention, acknowledging their uncertainties, including them as discourse participants, and guiding them to interpretations. The following are the engagement resources embodied in the persuasive discourse.

3.2 The pragmatic functions of the persuasive discourse

4.2.1 Beautifying products and conveying product details

The most prominent one in the persuasive discourse on TikTok is attitudinal adjectives, which is the main grammatical category to express the attitude to propositions. The live streamers can emphasize the information and quality of different products through attitudinal adjectives. The following are data examples:

(1) 清新的葡萄柚加上高级的晚香玉，橙花和茉莉花的味道，超级**优雅大气**的一款香水。

The perfume, together with the fragrance of the fresh grapefruit, the high-grade tuberose, orange flower and jasmine, is **in good taste** and super **elegant**.

(2) 它是香奈儿 coco 小姐香水味的护手霜，质地很**丝滑**，涂在手上很**滋润**，没有任何油腻的感觉。

Table 4

The manifestation form and distribution of Stance resources on TikTok

Categories	Examples	Number	Percentage
Directives	你们手速怎么这么快的？宝宝们直接 去拍 。 Why are you so fast? Babies just go buy this.	2999	16.7
Reader mention	如果 你们大家 脸上毛囊孔比较严重的，有没有小闭口啊，小粉刺呀，都没有问题。 If you guys have serious hair follicles on your face, there is no problem whether you have small acne.	1807	10.0
Questions	好像一瞬间开启了一键美颜，一键磨皮的，太高级了啊！ 这持妆能力给不给力啊？ 姐妹们。 It seems that a key to beautify the skin has been turned on in an instant, so advanced! Is this makeup holding ability awesome? Sisters.	373	2.1

It is a hand cream with the flavour of Chanel's Coco perfume. It is very **silky** and **smooth**. It is very moist when applied to the hands, without any greasy feeling.

The above bold items are explicit representations of attitudinal adjectives, for example, adjectives such as "elegant" and "silky", used to describe the different products during the live stream are instances of the attitude markers since the streamers use these items to stress the qualities of the products and the message of buying it. The streamers often use attitudinal adjectives to directly express the advantages, characteristics and brand information of the product, stimulating consumers to find out more and finally buy the product.

4.2.2 Emphasizing product advantages and enhancing credibility

The live streamers can guarantee the quality or efficacy of the product through the boosters and establish strong trust with consumers, so as to guide consumers to buy. Here are some examples:

(3) 用粉底液搭配我们家的粉饼进行一个“一加一大于二”的一个妆感，并且**肯定**一整天都不会脱妆。

Using liquid foundation to match our powder for a sense of "one plus one is more than two", and this **definitely** won't rub off throughout the day.

(4) 这款口红是枫叶橘棕色的，营造一个高级优雅的女明星的既视感，**肯定**让你看起来很干练。

This lipstick is like an orange maple leaf, creating the sense of a senior and elegant female star that **must** make you look very capable.

Boosters usually emphasize certainty at the end of the statement, for example, words such as "definitely" and "must" can strengthen the certainty of the proposition. Affirmative suggestive words are very helpful to sales success, which give consumers positive psychological hints, guide consumers to be satisfied, and help streamers to achieve transactions. Consumers' understanding of product information is only the premise and basis for sales. The streamers should realize that the discourse information with strong certainty can give consumers a preconceived memory and help them make decisions quickly. Therefore, boosters can build a good trust relationship, give customers psychological hints, and let customers believe that the product really has the efficacy described by reinforcement.

4.2.3 Generating resonance and establishing trust relationships with consumers

The first-person plural pronoun “we” and the self-mentioning singular form “I” are frequently used to create the sense of traders and manufactures being one team. Here are some examples:

(5) 没错啊，**我们家**一号链接粉底液销量已经突破 60 万了，不好用的话，不会有这么多宝贝愿意回来复购的。

Sure, the sales volume of **our** No. 1 Link liquid foundation has exceeded six hundred thousand, and if it is not good to use, there will not be so many babies willing to come back for repurchase.

(6) 我用了三年哦，**我**觉得效果非常好，任何肌肤都可以用。

I have used it for three years, and **I** think it is very effective.

Self-mentions explicitly point to the author, that is, the streamers. Selling products in the first person make consumers feel real, friendly and natural. According to research, the streamers often put themselves in the shoes of the consumers, use the first person to describe, and talk about their feelings and experiences in the process of use. Their own experience is the best way to impress consumers, conducive to reducing the pressure of the consumers. In addition, the use of the first-person plural can present the streamers and the business as a community, so that a good relationship can be built between the consumers and the streamers.

4.2.4 Inducing further understanding and making verbal concessions

Hedges indicate probable, rather than absolute, truth of a claim. Hedges are considered to be a sign of powerless language. The live streamers are willing to show more absolute authenticity of the discourse than the possible authenticity when promoting products, so as to guide consumers to make a positive evaluation of its credibility. Here are some examples:

(7) **可能**会有点油光感，不适合追求哑光妆感的宝贝们。

It **may** be a little greasy and not suitable for babies who pursue matte makeup.

(8) 这款卸妆油**可能**有点油腻的感觉，比较不舒服。

This makeup remover **may** feel greasy and uncomfortable.

Generally, powerless language, the hedges, are realized by modal auxiliaries and are used to tone down the message by lowering the force of the preposition in the live streaming discourse. For example, the use of “may” above. Contrary to the boosters, the use of hedges is actually not conducive to sales, because it implies some uncertainty and often suppresses propositions. However, in the face of such a large and complex group of consumers, the streamers can also make some concessions to the perfect functions described by them.

4.2.5 Stimulating customers to make decisions and purchasing products

Directives are signaled mainly by imperatives, modals of obligation, and predicative adjectives expressing judgements of necessity or importance. These directives are used to stimulate consumers to perform immediate actions as the following example illustrates:

(9) 今天只要 9.9，**你试**一下，我不需要多说，姐姐们啊，能够征服你的，这个产品的品质跟效果。

Today, it's only 9.9. **You try it.** There's no need to say much. Sisters, what will conquer you is the quality and effect of this product.

The streamers use directives to instruct the consumers to perform an action in a way determined by the streamers. The directives are used to stimulate consumers to perform immediate actions. It is worth mentioning that most directives are imperative to achieve a persuasive effect and directing consumers to do actions in the real world.

4.2.6 Attracting customer attention and establishing interaction

The frequent use of second person pronouns is an explicit means of appealing to an audience, which personalizes the discourse, and more closely involves readers by directly addressing them [Hyland, 2005]. Here are some examples:

(10) 来，如果**你们**特别爱化妆的女生啊，来宝贝们不要眨眼睛，我要给你们看一下它的效果到底有多惊艳了啊。

Come on, if **you girls** especially love making up, please don't blink your eyes. I want to show you how amazing the effect is.

(11) 宝贝们啊，这一款香水持久留香，就是**你们男生女生**在任何场合可以随意驾驭的。

Babies, this perfume will last for a long time. **You boys or girls** can control it at will on any occasion.

Personalization creates meaningful, real-time personal interactions between interactants in discourse. The use of reader mention pronouns can attract consumers to interact, achieve good two-way interaction when purchasing products, learn product information faster and judge whether they need the products, as the above examples showed, produce a sense of solidarity with the targeted customers. They will bring customers a different consumption experience, make consumers feel respected, make it easier to enter the shopping state and establish a harmonious interpersonal relationship with consumers, so as to achieve sales more easily.

4.2.7 Emphasize and enrich product features

Most of these questions were simple ones requiring no answer. They are employed to arouse the consumers' interest and encourage them to explore the products. Most of the questions are rhetorical ones requiring a decision or an action from the addressee rather than a verbal answer.

(12) 巴黎的香水味道洗过之后自带体香，这个味道真的很高级，**也很撩人对不对？**

This perfume scented shower gel can make you bring your own body fragrance after washing, the smell is really advanced, and it's also very alluring, **isn't it?**

As the above examples showed, the questions are not real ones, instead, they are the equivalent of modifying ingredients. The streamers' multiple use of questions can attract consumers' attention, guide consumers to have a sense of identity, so that consumers have a positive psychological hint about the quality or function of the product, and it is easier to buy the product.

3.3 The metapragmatic awareness embodied in the persuasive discourse

In this study, there are mainly four types of metapragmatic awareness reflected in persuasive discourse through metadiscourse practices, as shown in (Table 5).

Table 5

The metapragmatic awareness embodied in the persuasive discourse

Metapragmatic awareness	Examples
Establishing harmonious interpersonal relationships with customers	小白款的水光隔离，真的非常的养活打造水光奶油肌， 是你们女生们真的是一定要入手的单品哦。 The water light isolation of Xiaobai style really supports the water light cream skin. It is a piece that you girls really must start with.
Satisfying consumers' cognitive expectations for shopping	这个颜色不施粉黛却又唇红齿白，看着好清新，好温柔纯欲对不对？ This colour is red and white without powder. It looks so fresh, gentle and pure, right?
Establishing interaction and emotional identification with consumers	这个气垫就是那种半哑光半高光的，我觉得它真的很高级，很贵妇感啊。 This air cushion is the semi matte and semi high gloss one. I think it is really advanced and noble.
Triggering consumer interaction and purchasing actions	如果你用再贵的还是会卡粉，会浮粉，你抓紧拍，抓紧秒。 If you use the expensive powder, it will still stick and float. Then you have a quick shop.

Throughout the entire live streaming and sales process, the streamers demonstrate the meta-pragmatic awareness of establishing good interpersonal relationships with customers through reader mentions, guiding consumers to personally participate in the interactive and creative marketing process, leaving a deep brand impression, and selling from the perspective of consumers, which can create a sense of satisfaction for consumers' psychological focus, such as "you girls" in the example. In addition, in order to meet consumer shopping expectations, the streamers establish a meta-pragmatic awareness of emotional identification, and reasonably choose the metadiscourse practices such as attitude markers, boosters and self-mentions, which can better present product information, establish trust relationships, and smoothly achieve sales goals. Finally, through the strategy of directives as a persuasive discourse, customers are urged to make quick decisions and purchase products, completing a series of sales processes.

4.4 Discussion

Research shows that in the context of business live streaming, the two types of attitude markers and directives are very obvious, which reveal a large number of interactional metadiscourse resources, with higher frequency of stance and engagement markers. Hedges in stance resources and questions in engagement resources are the two types of interactional metadiscourse with the lowest frequency. The reason is that the live streamers make full use of time to attract consumers' attention and establish trust during the promotion. Some suggestive resources like hedges and questions cannot provide product information so they are less used.

Moreover, the stance and engagement resources in the interactional metadiscourse model are fully utilized in the persuasive discourse and play a key role in enhancing the persuasive power of business promotion. Metadiscourse plays a vital role in constructing persuasive discourse, attracting audiences and consumers, and helping the streamers communicate with consumers well. In the process of sales, the streamers first organize information reasonably and then sell through metadiscourse practices. The product is described and beautified through attitude adjectives, so as to clearly convey various details of the product to customers. The role of reader mentions includes establishing a harmonious interpersonal relationship with customers, attracting customers' attention, giving customers the psychological feeling of being respected and valued, and putting customers into the shopping scene. It is effective to sell from the perspective of customers and the considerations of customers give them a sense of closeness. Establishing a good trust relationship through boosters, giving customers psychological hints, and making customers believe that the product really has the efficacy described by the streamers are the common methods to achieve persuasive discourse in live streaming. Using directives is also one of the most commonly used metadiscourse practices in live streaming to encourage customers to make decisions and buy product. Question resources are used to revise the product information, and gain customers' attention. Through hedges, customers are reminded of their psychological preparation, because products do not have the same effect on different individuals, so the streamers make concessions to the affirmation of their words. In addition, from the practice of the gathering of the corpus collection, it becomes apparent that the live streaming sales procedures are compact, and most of the live streaming discourse is repetitive.

4. Conclusion

This study shows that the persuasive discourse in oral discourse is the explicit expression of the communicators' metapragmatic awareness. They choose different metadiscourse to implement pragmatic behaviour and convey pragmatic meaning so as to achieve ideal pragmatic effects. In general, the interactional metadiscourse selected on TikTok live streaming reflects that the streamers pay enough attention to consumers and their time. They provide consumers with product information quickly and accurately within a limited time, and so they can establish harmonious interpersonal relationships with consumers, enhance trust between them, deepen consumers' understanding of product information through repetition, and make efforts to persuade consumers.

The streamers can adjust and control their own metapragmatic awareness, and choose the appropriate metadiscourse practices to construct the persuasive discourse in the whole process of sales, so as to maximize the persuasive effect.

References

- Ädel A.** Metadiscourse across three varieties of English: American, British, and advanced learner English. In: Connor U., Nagelhout E., Rozycki W. (eds.) *Contrastive Rhetoric: Reaching to Intercultural Rhetoric. Pragmatics and Beyond* New series, 169, published online on 1 July 2008, John Benjamins Publishing Company, pp. 45–62. DOI 10.1075/pbns.169.06ade
- Beauvais P. J.** A Speech Act Theory of Metadiscourse. *Written Communication*, 1989, vol. 6, no. 1, pp. 11–30. DOI 10.1177/0741088389006001002
- Chen Xinren.** A New Metadiscourse Classification Based on Metapragmatics. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*. 2020, no. 4, pp. 1–10, 24, 147. DOI 10.13458/j.cnki.flatt.004692
- Culpeper J., Haugh M.** *Pragmatics and the English language*. London, Palgrave Macmillan, 2014, 301 p.
- Harris Z. S.** Introduction to Transformations. In: *Papers in Structural and Transformational Linguistics. Formal Linguistics Series*. Dordrecht, Springer, 1970. pp. 383–389. DOI 10.1007/978-94-017-6059-1_22
- He Zhongqing, Yan Yufei.** A Comparative Study of Metadiscourse in the Introduction of Interdisciplinary Academic Papers. *Foreign Language Teaching*. 2021, vol. 42, no. 5, pp. 26–30. DOI 10.16362/j.cnki.cn61-1023/h.2021.05.005
- Humă B.** Language and Persuasion: A Discursive Psychological Approach. *Social and Personality Psychology Compass*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 1–14. DOI 10.1111/spc3.12755
- Hyland K.** Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 2005, vol. 7, no. 2, pp. 173–192. DOI 10.1177/1461445605050365
- Hyland K.** *Discourse Studies Reader: Essential Excerpts*. London, New Delhi, New York, Sydney, Bloomsbury Academic, 2013. 347 p.
- Hyland K.** Metadiscourse: What is it and Where is it Going? *Journal of Pragmatics*, 2017, vol. 113, pp. 16–29. DOI 10.1016/j.pragma.2017.03.007
- Jiang Hui.** Metapragmatic Analysis of Audience Metadiscourse in TED Talks. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*, 2020, no. 4, pp. 25–35, 147. DOI 10.13458/j.cnki.flatt.004694
- Jiang Hui.** Metapragmatic Interpretation of the Construction “What are you/we talking about”. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*, 2022, no.4, pp. 66–75, 147. DOI 10.13458/j.cnki.flatt.004871
- Jones J. G., Simons H. W.** *Persuasion in Society* (3rd ed.). New York, Routledge, 2017. 556 p. DOI 10.4324/9781315739816
- Kashiha H.** Academic Lectures Versus Political Speeches: Metadiscourse Functions Affected by the Role of the Audience. *Journal of Pragmatics*, 2022, vol. 190, pp. 60–72. DOI 10.1016/j.pragma.2022.01.003
- Kopple W. J.** Some Exploratory Discourse on Metadiscourse. *College Composition and Communication*, 1985, vol. 36, no. 1, pp. 82–93.
- Kuhi D., Behnam B.** Generic Variations and Metadiscourse Use in the Writing of Applied Linguists: A Comparative Study and Preliminary Framework. *Written Communication*, 2011, vol. 28, no. 1, pp. 97–141. DOI 10.1177/0741088310387259
- Liu Ping, Ran Yongping.** Complaint Responses: Metapragmatic Discourse and Negotiation Awareness. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*. 2020, no. 4, pp. 11–24, 147. DOI 10.13458/j.cnki.flatt.004693
- Mauranen A.** *Cultural Differences in Academic Rhetoric. A Textlinguistic Study*. Frankfurt, Peter Lang, 1993, 280 p.

- O’Keefe D. J.** Guilt as a mechanism of persuasion. In: Dillard, J. P. and Pfaff, M. (eds). *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice*. London, Sage Publications, 2002, pp. 329–344.
- Valero-Garcés C.** Contrastive ESP Rhetoric: Metatext in Spanish-English Economics Texts. *English for Specific Purposes*, 1996, vol. 15, no. 4, pp. 279–294. DOI 10.1016/S0889-4906(96)00013-0
- Van Dijk T. A.** Discourse and manipulation. *Discourse and Society*, 2006, vol. 17, no. 3, pp. 359–383. DOI 10.1177/0957926506060250
- Verschueren J.** *Understanding Pragmatics*. London, New York, Arnold, 1999. 295 p.
- Verschueren J.** Notes on the Role of Metapragmatic Awareness in Language Use. *Pragmatics*, 2000, vol. 10 no. 4, pp. 439–456. DOI 10.1075/prag.10.4.02ver

Информация об авторах

Чэнь Цянь
Ли Япин

Information about the Authors

Chen Qian
Li Yaping

*Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
одобрена после рецензирования 11.01.2025; принята к публикации 30.01.2025
The article was submitted 11.10.2023;
approved after reviewing 11.01.2025; accepted for publication 30.01.2025*

Научная статья

УДК 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-42-53

Метафоризация Шанхая в романе Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске»

Александр Владимирович Игнатенко

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

ignatenko-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

Аннотация

Статья посвящена исследованию метафоризации города как культурно-семиотического пространства на примере Шанхая в романе Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» (王安忆 《长恨歌》, 1995). Цель работы – проанализировать потенциал образно-когнитивных урбанистических переносов в процессе метафорообразования в художественном дискурсе на примере конкретного города и определить внутреннюю форму метафоры в ее структурно-стилистическом оформлении. Актуальность избранной проблематики определяется тем, что метафора выступает дискурсивным эмотивно-оценочным средством, которое оказывает существенное влияние на перцепцию художественного текста. В работе рассматриваются такие основные когнитивные художественно-метафорические модели, как «город – картина / полотно», «город – музыка», «город – архитектура», «город – текст», «город – женщина», «город – сад», «город – машина (механизм)», «город – запах», «город – улей / муравейник» и др. Метафора как стилистико-дискурсивный компонент текста во всех анализируемых моделях выступает объективированной формой номинации феномена города, благодаря которой можно познавать и понимать суть его существования в человеческой культуре. Доказывается, что когнитивная метафора способна транслировать ментальные структуры конкретной этнокультуры, а также может выступать продуктивным инструментом и приемом интермедиальной поэтики художественного дискурса и стиля, используя знаковые системы различных видов искусства, синтетически обрабатывая их и вербализуя в тексте. Роль когнитивно-урбанистической метафоры в романе рассматривается в качестве моделирования исторической, социальной и культурологической идентичности на художественном уровне, а также выполнения объяснительной функции важного для китайской истории периода читателю.

Ключевые слова

метафора, урбанистическая метафора, Ван Аньи, «Песнь о бесконечной тоске», Шанхай, город, китайская литература, перцепция

Для цитирования

Игнатенко А. В. Метафоризация Шанхая в романе Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 42–53. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-42-53

The Metaphorization of Shanghai in Wang Anyi's Novel "The Song of Everlasting Sorrow"

Alexander V. Ignatenko

RUDN University
Moscow, Russian Federation

ignatenko-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

Abstract

This article is devoted to the study of the metaphorization of the city as a cultural and semiotic space on the example of Shanghai in Wang Anyi's novel "The Song of Everlasting Sorrow" (王安忆. 《长恨歌》, 1995). The purpose of

© Игнатенко А. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 42–53

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 42–53

the work is to analyze the potential of figurative and cognitive urbanistic transfers in the process of metaphor formation in artistic discourse based on the example of a particular city and to determine the internal form of a metaphor in its structural and stylistic design. The relevance of the chosen problem is determined by the fact that metaphors act as a discursive emotive-evaluative tool that has a significant impact on the perception of a literary text. Such basic artistic and metaphorical models as “city – painting”, “city – music”, “city – architecture”, “city – woman”, “city – text”, “garden city”, “city – machine (mechanism)”, “city – smell”, “beehive city/anthill”, and so on. A metaphor as a stylistic and discursive component of the text in all analyzed models acts as an objectified form of nomination of the phenomenon of the city, due to which it is possible to know and understand the essence of its existence in human culture. It has been proven that the cognitive metaphor is able to translate the mental structures of a particular ethnoculture and can also act as a productive tool and technique for the intermediate poetics of artistic discourse and style, using the sign systems of various types of art, synthetically processing them and verbalizing them in the text. The role of cognitive-urban metaphor in the novel is considered as modeling historical, social and cultural identity at the artistic level, as well as performing an explanatory function of an important period for Chinese history to the reader.

Keywords

metaphor, urban metaphor, Wang Anyi, “The Song of Everlasting Sorrow”, Shanghai, city, Chinese literature, perception

For citation

Ignatenko A. V. The Metaphorization of Shanghai in Wang Anyi’s Novel “The Song of Everlasting Sorrow”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 42–53. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-42-53

В основе существования и развития города лежит процесс развертывания социальной сущности человека, при этом духовные аспекты урбанизации остаются малоизученными. Город как культурное явление представляет концептуально-систематическую структуру со сложным устройством и функциональной организацией. В данной работе рассматривается метафоризация города, а также функционально-стилистическая функция урбанистической метафоры в художественном дискурсе на примере романа Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» (王安忆. 《长恨歌》, 1995), в котором повествование происходит в Шанхае. Роман является попыткой передать дух Шанхая на протяжении более четырех десятилетий, с 40-х по 80-е гг. XX столетия. В центре городских перемен на протяжении этих лет находится процесс формирования социально-духовной сущности главной героини Ван Цяо (王琦瑶), бывшей мисс Шанхай. Материал обусловлен высоким интересом к творчеству Ван Аньи в Китае и за рубежом, а также к роману с момента его публикации. На 2024 г. в национальной научной базе данных Китая (CNKI) насчитывалось около полутора тысяч исследований, посвященных произведению, в которых не рассматривалась проблема использования в писательской практике автором метафорического приема и его потенциала.

Актуальность избранной проблематики определяется также тем, что метафора выступает дискурсивным эмотивным средством, которое оказывает существенное влияние на перцепцию художественного текста. Метафоризация текста может выступать «универсальным когнитивным инструментом создания эмоционально-экспрессивного или модального нарратива», является «одним из способов организации культурного опыта человека и неотъемлемой культурной (в том числе эмоциональной) парадигмой для носителей любого языка» [Игнатенко, 2023, с. 1007]. Интерес к метафорологии также подтверждается тем, что в последние годы выходят тематические выпуски журналов, посвященные этому явлению¹.

Метафоризация в исследовании рассматривается как проблема лингвистического анализа художественного дискурса в эстетической проекции идиодискурсивного и интегративного моделирования языка, где художественный дискурс понимается как особый способ эстетического и этнокультурного мировидения. Материалом выступает замкнутое пространство художественного текста, законы которого определяют лингвоэстетическую модель авторской совокупности приемов и средств, в котором метафора как стилистико-дискурсивный компо-

¹ См., например, спецвыпуски журналов «Критика и семиотика» (№ 1, 2023), «Russian Journal of Linguistics» (№ 1, 2024) и др.

нент текста выступает объективированной формой номинации феномена города, благодаря которой можно познавать и понимать суть его существования в человеческой культуре. В статье представлена попытка систематизации когнитивных художественно-метафорических моделей, таких как «город – картина / полотно», «город – музыка», «город – архитектура», «город – текст», «город – женщина», «город – сад», «город – машина (механизм)», «город – запах», «город – улей / муравейник» и др. Роль урбанистической метафоры в романе определяет моделирование исторической, социальной и культурологической идентичности на художественном уровне.

Научный статус метафоры определяется исходной ее противоречивостью. Исследования метафоры отличаются значительной широтой объектных и предметных границ, что, по мнению Э. В. Будаева и А. П. Чудинова, «отражает неоднозначность решения проблемы метафоры в современной науке» [Будаев, Чудинов, 2006]. Метафора, являясь одной из излюбленных тем современных лингвистов, рассматривается как средство украшения речи [Черемисова, 2019], как проявление динамики в сфере лексической семантики и один из способов словообразования [Гак, 1988; Арутюнова, 1999], как коммуникативное явление, обусловленное контекстом и интенцией автора [Gibbs et al., 2011], как средство эмоционально-экспрессивного воздействия [Николина и др., 2023], как механизм структурирования, преобразования и создания новых знаний [Chudinov, Shustrova, 2024; Solopova et al., 2023; Kalinin, Ignatenko, 2024; Беляевская, 2020; Красикова, 2022] и в других локальных аспектах. Важными представляются наблюдения Е. Г. Басалаевой, которая исследовала одорологическую метафоризацию интернет-дискурса в рамках ольфакторной поэтики, описав процессы восприятия и продуцирования запахов в ковидный период [Басалаева, 2023]. Также в последние годы расширяют понимание того, как происходит концептуализация и вербализация эмоциональных переживаний исследования передачи эмоций с помощью метафоры и метонимии [Гуань, Сунь, 2023; Díaz-Vera, 2024; Игнатенко, 2023; Musolff, 2021].

Согласно теории Д. Лакоффа и М. Джонсона, символичность нашего мышления оформилась в теорию концептуальной метафоры, по которой «наша концептуальная система в значительной степени метафорична, так как то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25]. Кроме того, метафора используется для отображения и создания языкового сознания, которое отражает национально-специфические и универсальные особенности мышления, характерные для определенной лингвокультурной группы [Kövecses et al., 2024; Proskurin, Proskurina, 2018; Игнатенко, 2022]. С точки зрения лингвоэстетики она может быть маркером этнокультурных особенностей носителей любого языка в художественном дискурсе.

Подобные когнитивно-универсальные свойства метафоры как лингвоэстетической универсалии и способа преобразования знаний об окружающем мире предполагают особую роль метафоры в художественном дискурсе. В то же время интерпретация окружающей действительности происходит через концептуализацию и категоризацию, одним из механизмов которых может считаться метафорический перенос [Zykova, 2023]. Так, дисперсия подходов и взглядов привела к необходимости детального изучения метафоры как средства речевого воздействия, которое рассматривается с позиций разных отраслей языкознания.

Развитие метафорологии сегодня подошло к такому рубежу, на котором интерес вызывают пограничные явления, задавая широкую исследовательскую перспективу. Исследования метафоры в современной науке, на наш взгляд, движутся в двух основных направлениях: с точки зрения условно «технического» подхода, когда с помощью механизма межсемиотического «скольжения» значения языковой единицы исследователи буквализируют семантику слова, используя методику соединения прямого значения слова с непрямым, принудительно метафоризируют выражение, условно выводя его из состояния «спящей» метафоры, и декларируют метафорический потенциал всего выражения, просчитывают индексы, силу, плотность, суггестивность и пр. метафорические показатели в рамках интенционального приме-

нения метафор (концептуальная метафора); и с точки зрения образно-когнитивного подхода, когда через процессы, связанные с мышлением и различного рода ментальными операциями, языковой материал продуцирует образные сравнения различных уровней (когнитивная метафора). Большинство исследователей работает на стыке этих двух направлений. И практически все сходятся во мнении, что метафора способна транслировать ментальные структуры конкретной этнокультуры.

В китайской лингвистике метафора традиционно дифференцируется на явные образные (明喻), скрытые (暗喻), гиперболические (博喻) и опосредованные сравнения (借喻). С помощью этих стилистических приемов исследуются различные литературные произведения, в том числе современной и новейшей литературы, например рассказы Лу Синя [Сун Чуньсяо, 2022], повесть «Золотая канга» (1943) Чжан Айлинь [Сюань Цзывэй, 2017], роман «Осажденная крепость» (1947) Цянь Чжуншу [Лю Цзяминь, 2022], роман «Равнина Белого оленя» (1993) Чэнь Чжунши [Ляо Минцзе, 2021], роман «Письменный город» (2021) Юй Хуа [Дан Яли, 2024] и мн. др.

Урбанистические метафоры и городские концепт-фреймы представляют полисемантические феномены. Метафора как один из ключевых идиостилистических элементов текста, активно участвует в коммуникации между автором и реципиентом художественного дискурса, формируя у него необходимые когнитивно-эстетические представления и картины. Ее роль в структуре текста заключается в уточнении привычного образа или явления и стимулировании и детерминировании их как реалемы с новой неожиданной стороны, отражая и выражая этнонациональное восприятие мира. В рамках данного исследования на примере романа Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» мы выделяем основные художественно-метафорические модели «город – картина», «город – музыка», «город – архитектура», «город – текст», «город – женщина», «город – сад», «город – машина (механизм)», «город – запах», «город – улей / муравейник» и пр. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Метафорическая модель «**город – полотно / картина**» в романе реализуется через живописную семантику при описании *лунтанов* (жилые районы старого Шанхая) или отдельных районов. Данная метафорическая модель при описании города продуцируется следующим семантическим рядом языковых единиц и их реляций: ‘смотреть на Шанхай с высоты’ (‘站一个制高点看上海’), ‘величественная картина’ (‘壮观的景象’), ‘словно фон’ (‘背景一样的东西’), ‘четкий контур’ (‘勾出轮廓’), ‘линии на картине в стиле «гунби»’ (‘细工笔似的’), ‘как будто нарисованы, настолько ясно можно разглядеть каждую их черточку’ (‘像是画上的, 一笔一画都清晰的’), ‘прорисовано тонко и четко’ (‘锐利的一笔’), ‘краски становятся ярче и сочнее’ (‘什么都加重了颜色’), ‘величественный пейзаж’ (‘壮观’), ‘кажутся выписанными тончайшей кистью, настолько видна каждая линия’ (‘全都像用细笔描画过的, 清楚得不能再清楚’) и др. Эти живописные описания, как правило, синестетически сопровождаются цветовыми пятнами: ‘ржаво-красные кирпичи’ (‘锈红色的砖’), ‘черный мох, казавшийся зеленым’ (‘绿苔原来是黑的’), ‘черные железные перила, покрытые желтыми пятнами ржавчины’ (‘阳台的黑铁栏杆生黄锈’), ‘зеленая трава’ (‘绿色的草’), ‘белые голуби превращаются в серых голубей’ (‘白鸽成灰鸽’) и т. д. Рассмотрим пример:

(1) 街道和楼房凸现在它之上, 是一些点和线, 而它则是中国画中称为皴法的那类笔触, 是将空白填满的².

Дома и улицы – это отдельные линии и точки над фоном лунтанов, в китайской живописи такой прием называется «цуньфа», штриховка кистью, он нужен, чтобы заполнить пустоту вокруг (с. 21)³.

² Текст на оригинальном языке цитируется по: 王安忆. 《长恨歌》. URL: <https://www.xingyueboke.com/changhenge/> (на кит. яз.) (дата обращения 19.10.2024).

³ Перевод на русский язык приведен по: Ван Аньи. Песнь о бесконечной тоске. М.: ИВЛ, 2015. 557 с.

В примере (1) живописная метафора, с одной стороны, выступает инструментом интермедальной поэтики, основным приемом которой является экфрасис. Он синтезирует различные виды искусства и полицентричные образы на вербальном уровне в рамках художественного текста. С другой стороны, такого рода метафоры суггестивно воспринимаются как эмотивные точки напряжения и художественно-эстетические доминанты.

Вместе с живописным полотном город, проявляя поливалентную природу, сравнивается с морем. Гидронимная когнитивная метафора «город – море» достигается за счет следующих художественных сравнений: ‘качающийся на поверхности’ (浮在面上的), ‘огромная бездна’ (深渊), ‘опускается на самое дно’ (沉了地), ‘крыши плывут’ ([屋脊]如水漫流), ‘волны черепичных крыш’ (波涛连天的弄堂的屋瓦) и др. Это позволяет представлять и «видеть» описываемую картину города в динамике и движении. Приведем несколько примеров:

(2) 这城市像一个干涸的海似的，楼房是礁石林立，还是搁浅的船只，多少生灵在受苦啊！

Этот город похож на дно пересохшего моря, а его здания напоминают обнажившиеся подводные скалы и рифы или выброшенные на берег остовы лодок, среди которых страдает и мучается огромное множество душ (с. 45).

(3) 高楼就像海上的浮标。

Высотные здания становятся похожими на морские буйки (с. 46).

(4) 那暗看上去几乎是波涛汹涌，几乎要将那几点几线的光推着走似的。<...> 那暗是像深渊一样，扔一座山下去，也悄无声息地沉了底。

Кажется, что темнота вздымается огромными волнами, она словно пытается вытолкнуть на поверхность светящийся узор. <...> В ней, похоже, прячется немало подводных камней и рифов, стоит потерять бдительность – и твоя лодка мгновенно перевернется (с. 21).

(5) 屋顶像海洋，它们像是海鸟。

Крыши напоминали ей морские волны, а голуби – летающих над ними морских птиц (с. 319).

В примерах (2)–(5) рассматриваемые когнитивные метафоры опираются на несколько донорских семантических областей, связанных с гидронимикой (‘дно моря’, ‘скалы и рифы’, ‘берег’, ‘остовы лодок’, ‘буйки’, ‘волны’ и пр.). В примере (4) также косвенно можно усмотреть производную метафору «город – корабль». Урбанистическая метафора здесь выражает и лаконично раскрывает полисемантическую и мультисемиотическую сущность города.

Отметим, что одной из характерных особенностей индивидуального стиля Ван Аньи является не столько использование идиоглоссов, сколько создание через метафорику особого индивидуального паратаксиста художественного дискурса. Гидронимная метафора в романе также представлена сравнением с рекой («город – река»), например:

(6) 它们还像是大河一般有着无数的支流，<...>。

Трущобы похожи на большую реку с бесчисленным множеством притоков, <...> (с. 24).

Также в романе пунктирно прослеживается образная метафора «город – текст», в которой силуэты города рассматриваются как элементы текста: ‘подобно знакам препинания, которые в тексте обозначают границы фраз и предложений’ (‘是文章里标点一类的东西，断行断句的’), ‘мокрые капли рисуют на стекле иероглиф «печаль»’ (‘写在窗上是个水淋淋的“愁”字’) и т.д. Рассмотрим несколько характерных примеров:

(7) <...> 那老饭店的建筑，砖缝和石棱里都是有字的，耐心去读，可读出一番旧风雨。

В зданиях старых гостиниц каждая трещинка между кирпичами, каждая каменная опора были текстом, который он внимательно и терпеливо читал, эти строки рассказывали историю всех испытаний, которые эти здания пережили в прошлом (с. 480).

(8) 这不夜城如今到处写着“夜”字，梧桐树影是夜色，候车的人满脸都是夜色，电车进场当当地敲着夜声，路灯霓虹灯全是夜的眼。

В этом Городе, в котором раньше не существовало ночей, теперь повсюду был начертан иероглиф «ночь»: тени от платанов были частью ночи, лица людей, ждущих автобус, тоже были исполнены ночью, трамвай, подъезжая к остановке, давал звонок – сигнал о наступлении ночи, а свет неоновых вывесок и уличных фонарей был глазами ночи, наблюдавшими за Городом (с. 269).

Объективная реальность города представлена семиотической материей города, в которой происходят синтез и единение горожанина и городской среды в рамках художественного универсума. Передача коннотативного значения текста проецируется наложением смысла начертанного иероглифа на элементы города, вовлекая их в образную систему города и придавая им многомерную образность.

Растительная метафорическая модель «**город – сад**» представлена присутствием большого количества растений, например, таких как ‘чайные розы’ (‘月季花’), ‘олеандры’ (‘夹竹桃’), ‘растущие в горшках бальзамины, толстянки и даже лук с чесноком’ (‘花盆里栽的凤仙花, 宝石花和青葱青蒜’), ‘лаванда’ (‘黄衣草’), ‘мох’ (‘绿苔’), ‘дикий виноград’ (‘爬墙虎’), ‘сирень’ (‘丁香花’), ‘французские платаны’ (‘法国梧桐’) и др. Также в романе активно функционирует одорическая метафора «**город – запах**». В доказательство этого тезиса также приведем несколько примеров:

(9) 这阴沉气有时是东西厢房的黄衣草气味, 有时是樟脑丸气味, 还有时是肉砧板上的气味。它不是那种板烟和雪茄的气味, 也不是六六粉和敌敌畏的气味。

Иногда это запах лаванды, доносящейся из флигеля, иногда – шариков нафталина, а порой – того, чем пахнет разделочная доска на кухне. Это не запах сигарет, сигар или каких-то химикалий, дихлофоса к примеру (с. 27).

(10) 上海的繁华其实是女性风采的, 风里传来的是女用的香水味, <...>。

На самом деле красота Шанхая – это женственная элегантность: в воздухе Города всегда разносится запах женских духов, <...> (с. 93–94).

(11) <...> 夹了油烟和计水的气味, 这其实才是上海芯子里的气味, <...> 。

<...> ароматы копоти и помоев, – это и есть настоящий запах самого сердца Шанхая, <...> (с. 229–230).

Обонятельное восприятие не является ведущей частью человеческого сознания по освоению предметного мира, однако этот сенсорный канал синестетически может оказывать эмоционально-эстетическое и волевое воздействие на читателя-реципиента художественного текста и формировать определенные образы [Игнатенко, 2023]. Поскольку запахи не имеют точных названий, то художественный дискурс вынужден с чем-то сравнивать, «нащупывать» метафору для описания конкретного запаха, в том числе в рамках ольфакторной поэтики, поднимая запах на уровень художественной доминанты (см. примеры (9)–(11)).

Энтомологическая метафора выражена моделью «**город – муравейник / улей**», например:

(12) 天空下的那一座水泥城, 叶陌交错的弄堂, 就像一个大深渊, 有如蚁的生命在作挣扎。

Бетонный город с переплетением лунтанов раскинулся под куполом неба огромной бездной, в которой копошатся и борются за жизнь крошечные, как муравьи, существа (с. 44).

(13) 在这城市许多水泥筑成的蚁穴一样的格子里, 盛着和撑持着这静。

Но в действительности в этом Городе, в этом муравейнике из бетона, существовало множество клетушек, ячеек, комнаток, в которых подобная тишина хранилась и поддерживалась (с. 196).

В примере (12) городская контекстуализация через сравнение с мелкими насекомыми населяющих этот город жителей моделирует устойчиво-универсальный и емкий метафорический образ муравейника. Художественный язык и организация текста примера (13) также предлагает обобщенное название города как «бетонного муравейника». Метафорический образ муравейника в примере (14) может также стимулировать сотни различных «массовых» персонажей, которые в проборос вырисовывают быт и содержание города, по сути, выступая декорациями (муравьями) многонаселенного мегаполиса:

(14) 老妈子的村话, 包车夫的俚语, 还有那隔壁大学生的狐朋狗友一日三回地来, 舞女的小姊妹也三日一回地来。

Отсюда доносятся деревенский говор служанок и жаргонные словечки рикш, по три раза на дню появляются какие-то непонятные дружки того самого студента, а порой заглядывают и подружки – девочки из дансинга (с. 35).

Метафорическую модель муравейника в романе продолжает метафора «город – слухи / сплетни». Рассмотрим некоторые примеры:

(15) 这城市的弄堂有多少, 流言就有多少, 是数也数不清, 说也说不完的。流言是上海弄堂的又一景观, 它几乎是可视可见的, <...>。它们就好像一种无声的电波, 在城市的上空交叉穿行; <...>。

Сколько в городе переулков-лунтанов – столько в нем и слухов: их век не сосчитать и не пересказать. Слухи обладают свойством распространяться и проникать всюду, <...>. Они летают в небе над городом, словно бесшумные электрические волны; <...> (с. 27–28).

(16) 然而, 这城市里的真心, 却唯有到流言里去找的。无论这城市的外表有多华美, 心却是一颗粗鄙的心, 那心是寄在流言里的, 流言是寄在上海的弄堂里的。

И все же – истинное сердце Города нужно искать только в слухах. Как бы ни был пышен и великолепен облик этого Города, суть его все равно пошлая и низменная, и она вверена на хранение слухам, а слухи хранимы лунтанами Шанхая (с. 30).

(17) 它们弥漫在城市的空中, 像一群没有家的不拘形骸的浪人, 其实, 流言正是这城市的浪漫之一。

Слухи наводняют небо над городом, они странствуют в нем, словно сонм бесприютных, бестелесных скитальцев, ведь на самом-то деле слухи – часть того, что составляет так называемую романтику этого Города (с. 32).

Механическая метафора «город – машина (механизм)» связана с техническим развитием мегаполиса и его промышленными достижениями, например:

(18) <...> 这城市像一架大机器, 按机械的原理结构运转, <...>。

<...> этот Город подобен огромной машине, которая функционирует по тому же принципу, что и всякий механизм, <...> (с. 339).

Интересным может оказаться рассмотрение эмотивной плотности через насыщение ее метафорической моделью «город – эмоции», например:

(19) 这是万籁俱寂的夜晚里的一点活跃, 活跃也是雅致的活跃, 温柔似水的活跃。也是尘嚣上的一片云。

Они [переживания] – толика оживления в безмолвии ночи, хотя и само оживление здесь получается изысканным и изящным, словно играющие струи воды. Но опять же все эти переживания – это что-то эфемерное, не более чем легкое облачко, парящее над суетной вселенной (с. 36).

Продуктивной также оказывается в романе интермедияльная метафора «город – музыка». В писательской практике музыка постоянно вербализуется на улицах города:

(20) 隐隐约约地, 好像有留声机的声音传来, 像是唱的周璇的《四季调》。

Откуда-то еле слышно доносится звук граммофона, похоже, это «Песня о четырех сезонах» Чжоу Сюань (с. 35).

(21) 收音机是供听评弹, 越剧, 还有股票行情的, 波段都有些难调, 丝丝拉拉地响。

Из приемника поочередно доносятся пинтань, опера Юэцзюй и биржевые сводки, но сигнал нечеткий, и звук то появляется, то пропадает (с. 47).

(22) <...>, “静声” 其实是最大的声音, 它是万声之首。

<...> «звук тишины» – самый громкий звук в Городе, и он важнее любых других (с. 382).

(23) <...>, 这就是这城市的大合唱, <...>。

Это [полифония] и есть хор Города <...> (с. 531).

Интермедияльная поэтика активно использует кодовые системы и знаки различных видов искусства, синтетически обрабатывая их и вербализуя в художественном нарративе. Другими примерами интермедияльной метафоры могут быть модели «город – архитектура», «город – театр» и др. Важную роль в примерах (20) и (21) играют названия конкретных мелодий или направлений музыки, они расширяют границы текста и смысла, контекстуализируют и дают характеристику жителям, их предпочтениям, времени и пр. Можно выделить производную метафорическую модель «город – шум / обилие звуков / гам»:

(24) 春夏的时候, 窗是推开的, 梧桐上的蝉鸣, 弄口的电车声, 卖甜食的梆子声, 邻家留声机的歌唱声, 一古脑儿地钻进来, 搅扰着你的心。

Весной и летом окна здесь всегда открывают настежь, и в комнату врываются одновременно пение цикад в ветвях платанов, звонок трамвая у ворот в переулок, стук колотушки продавца сладостей, песня, льющаяся из соседского граммофона, – и все это очень мешает (с. 39).

Также в романе активна метафора **«город – развлечение / вечеринка»**:

(25) 晚会是在城市的深处, 宁静的林 xx 道后面, 洋房里的客厅, 那种包在心里的欢喜。

Вечеринки – это радость, обитающая в самой глубине Города – в гостининых домов в западном стиле, спрятанных среди тихих аллей, счастье, хранящееся в самом сердце Шанхая (с. 85).

(26) 它还是欢情城市, 没有快乐一天没法过的。<...> 还有什么能比“上海小姐”这事情更得这城市的心? 这。已是像孩童一般天真, 有些恬不知耻的贪欢。

Еще это Город радости и любви, без развлечений и веселья он не может прожить и дня. <...> Что могло порадовать душу Города больше, чем конкурс «Мисс Шанхай»? Ведь у Города душа непосредственного ребенка, который стремится исключительно к развлечениям, совершенно не стыдясь этого (с. 87).

Пространство и время влияют на условия жизни и задают определенный образ жизни горожанина. В романе также опосредованно представлена антропологическая метафора **«город – женщина»**:

(27) 这城市本身就像是个大女人似的, 羽衣霓裳, 天空撒金撒银, 五彩云是飞上天的女人的衣袂。<...> 她们是这城市的精髓, 灵魂一样的。

Да и сам город похож на Женщину, облаченную в чудесный наряд небожительницы, который заливают все вокруг своим золотым и серебряным блеском, а разноцветные облачка – это рукава ее платья, которые развеваются, когда она взлетает в небо. <...> Они [женщины] были самой сутью этого Города, его душой (с. 94).

Пищевая метафора в романе представлена только моделью **«город – котёл каши»**:

(28) 灯光是如豆的一点一点, 虽然微弱, 却是稠密, 一锅粥似的。

<...> повсюду светятся лампы-горошины, и свет каждой отдельной довольно слабенький, но их тут такая плотная масса, словно это целый котёл гороховой каши (с. 24).

В городе как месте действия романа «Песнь о бесконечной тоске» можно определить также множество других художественно-метафорических моделей, например: «город – миф», «город – время», «город – тюрьма», «город – организм», «город – государство» и др.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что, во-первых, в идиостиле Ван Аньи на примере романа «Песнь о бесконечной тоске» активно функционирует урбанистическая метафора, а, во-вторых, роль метафоры в рамках художественного дискурса особенно важна в моделировании эмотивно-эстетической и лингвокогнитивной образности. В работе был проанализирован смыслопорождающий потенциал образно-когнитивных урбанистических переносов в процессе метафорообразования в художественном дискурсе на примере Шанхая. Рассмотрены такие художественно-метафорические модели как «город – картина / полотно», «город – музыка», «город – архитектура», «город – текст», «город – женщина», «город – сад», «город – машина (механизм)», «город – запах», «город – улей / муравейник» и др. Метафора как стилистико-дискурсивный компонент текста во всех этих моделях выступает объективированной формой номинации феномена города, благодаря которой можно познавать и понимать суть его существования в человеческой культуре. Затронутые в работе проблемы имеют перспективный потенциал дальнейших научных изысканий в различных областях, в том числе в сравнительном диахроническом метафорическом анализе с учетом взаимодействия культурных и исторических факторов в различные исторические периоды, описываемые в романе.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
Басалаева Е. Г. Перцептивная метафора в интернет-дискурсе ковидной эпохи // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 51–72. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-51-72

- Беляевская Е. Г. Метафоризация как механизм конструирования образов в языке // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: Сб. науч. ст. к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия. М.: Гнозис, 2020. С. 170–180.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. 208 с.
- Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11–26.
- Гуань Ш., Сунь Ю. Мультимодальные метафора и метонимия в формировании образа страны (на материале политических карикатур) // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27, № 2. С. 444–467. DOI 10.22363/2687-0088-31664
- Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньянь» // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия: Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14, № 3. С. 507–523. DOI 10.21638/spbu13.2022.308
- Игнатенко А. В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 4. С. 1004–1014. DOI 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014
- Красикова Е. А. Системная и дискурсивная метафорика в китайской фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2022. Т. 50, № 3. С. 261–265.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 252 с.
- Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Функционирование оценочных субстантивных метафор и сравнений в современной русской прозе // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 160–179. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-160-179
- Черемисова Е. А. Специфика использования компаративных средств (образных сравнений и метафор) в романе Нэнси Митфорд Pigeon Pie // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2019. Т. 141, № 8. С. 188–192.
- Díaz-Vera J. E. Old English EMOTION IS TEMPERATURE: Cultural influences on a universal experience // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 34–54. DOI 10.22363/2687-0088-34603
- Chudinov A. P., Shustrova E. V. Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 191–209. DOI 10.22363/2687-0088-35070
- Gibbs R. W., Tendahl M., Okonski L. Inferring Pragmatic Messages from Metaphor // Lodz Papers in Pragmatics. 2011. No. 7.1. P. 3–28. DOI 10.2478/v10016-011-0002-9
- Kalinin O. I., Ignatenko A. V. Metaphor power in the context of the author's opinion expression and perception // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 166–189. DOI 10.22363/2687-0088-34791
- Kövecses Z., Benczes R., Rommel A., Szelid V. Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, no. 1. P. 55–79. DOI 10.22363/2687-0088-34834
- Musolff A. Hyperbole and emotionalisation – escalation of pragmatic effects of metaphor and proverb in the Brexit debate // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, no. 3. P. 628–644. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644
- Proskurin S. G., Proskurina A. V. Linguosemiotic types of conceptualizations in Language and culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11, no. 3. P. 433–444. DOI 10.17516/1997-1370-0238
- Solopova O. A., Nilsen D., Nilsen A. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27, no. 3. P. 521–542. DOI 10.22363/2687-0088-35048
- Zykova I. V. Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse // Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27, no. 2. P. 334–362. DOI 10.22363/2687-0088-33206

- Дан Яли.** Юй Хуа «Вэньчэн» чжун дэ биюй цзицяо [党亚莉. 余华《文城》中的比喻技巧 // 名家名作]. Метафорический прием в романе «Книжный город» Юй Хуа // Минцзя минцзо [Шедевры великих писателей]. 2024. № 16. С. 54–56. (на кит. яз.)
- Лю Цзяминь.** Сяошо «Вэй чэн» чжун синли мяосе биюй сюцы юньюн дэ гунсяо [刘嘉敏. 小说《围城》中心理描写比喻修辞运用的功效 // 汉字文化]. Роль метафоры в психологических описаниях романа «Осаждённая крепость» // Вэньцзы вэньхуа [Культура китайской письменности]. 2022. № 2. С. 247–248. (на кит. яз.)
- Ляо Минцзе.** «Байлу юань» чжун биюй сюцы дэ ишу мэили [廖明洁. 《白鹿原》中比喻修辞的艺术魅力 // 名作欣赏]. Художественное своеобразие метафоры в «Равнине Белого оленя» // Минцзо синьшан [Знакомство с шедеврами]. 2021. № 9. С. 117–119. (на кит. яз.)
- Сюань Цзывэй.** Чжан Айлинь «Цзинь со цзи» чжун биюй сюцы гэ дэ яньцзю [宣梓维. 张爱玲《金锁记》中比喻修辞格的研究 // 芒种]. Метафора в «Золотой канге» Чжан Ай-линь // Ман чжун. 2017. № 17. С. 125–128. (на кит. яз.)
- Сун Чуньсяо.** Лю Сюнь цзопинь чжун дэ биюй юньюн яньцзю [宋春晓. 鲁迅作品中的比喻运用研究 // 名家名作]. Использование метафор в творчестве Лусиня // Минцзя минцзо [Шедевры великих писателей]. 2022. № 7. С. 66–68. (на кит. яз.)

References

- Arutunova N. D.** Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, Languages of Russian culture, 1999, 895 p. (in Russ.)
- Basalaeva E. G.** Pertseptivnaya metafora v internet-diskurse kovidnoi epokhi [Perceptual Metaphor in the Internet Discourse of the COVID Era]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2023, no. 1, pp. 51–72. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-51-72
- Belyaevskaya E. G.** Metaforizatsiya kak mekhanizm konstruirovaniya obrazov v yazyke [Metaphorization as a mechanism of image construction in language]. In: Language, culture, creativity: World research practices: a collection of scientific articles dedicated to the 90th anniversary of Professor Veronika Nikolaevna Teliya. Moscow, Gnosis Publ., 2020, pp. 170–180. (in Russ.)
- Budaev E. V., Chudinov A. P.** Metafora v politicheskom interdiskurse [Metaphor in political interdiscourse]. Ekaterinburg, USPU Press, 2006, 208 p. (in Russ.)
- Cheremisova E. A.** Spetsifika ispol'zovaniya komparativnykh sredstv (obraznykh sravnenii i metafor) v romane Nensi Mitford Pigeon Pie [The specifics of using comparative means (figurative comparisons and metaphors) in Nancy Mitford's novel Pigeon Pie]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 8 (141), pp. 188–192. (in Russ.)
- Chudinov A. P., Shustrova E. V.** Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, no. 1 (28), pp. 191–209. DOI 10.22363/2687-0088-35070
- Dan Yali.** Yu Hua “Wencheng” zhong de biyu jiqiao [党亚莉. 余华《文城》中的比喻技巧 // 名家名作]. A metaphorical device in the novel “Wencheng” by Yu Hua. *Ming jia ming zuo*, 2024, no. 16, pp. 54–56. (in Chin.)
- Díaz-Vera J. E.** Old English EMOTION IS TEMPERATURE: Cultural influences on a universal experience. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 34–54. DOI 10.22363/2687-0088-34603
- Gak V. G.** Metafora: universal'noe i spetsificheskoe [Metaphor: universal and specific]. In: Metaphor in language and text. Moscow, Nauka, 1988, pp. 11–26. (in Russ.)
- Gibbs R. W., Tendahl M., Okonski L.** Inferring Pragmatic Messages from Metaphor. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2011, no. 7.1, pp. 3–28. DOI 10.2478/v10016-011-0002-9

- Guan S., Sun Y.** Multimodal metaphor and metonymy in political cartoons as a means of country image construction. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 444–467. (in Russ.) DOI 10.22363/2687-0088-31664
- Ignatenko A. V.** Emotivnaya suggestivnost' v sovremennom kitaiskom khudozhestvennom diskurse (na primere romana Yuj Hua “Zhit”, 1992) [Emotive Suggestiveness in Contemporary Chinese Fictional Discourse: A Case Study of Yu Hua’s “To Live” (1992)]. *Oriental Studies*, 2023, no. 4 (16), pp. 1004–1014. (in Russ.) DOI 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014
- Ignatenko A. V.** Osobennosti yazykovoi igry v proze Lyu Chzhen'yunya na primere romana “Ya ne Pan' Czin'lyan” [Features of the language game in Liu Zhenyun’s prose on the example of the novel “I am not Pan Jinlian”]. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series: Oriental and African Studies*, 2022, vol. 14, no. 3, pp. 507–523. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu13.2022.308
- Kalinin O. I., Ignatenko A. V.** Metaphor power in the context of the author’s opinion expression and perception. *Russian Journal of Linguistics*. 2024, vol. 28, no. 1, pp. 166–189. DOI 10.22363/2687-0088-34791
- Kövecses Z., Benczes R., Rommel A., Szelid V.** Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 55–79. DOI 10.22363/2687-0088-34834
- Krasikova E. A.** Sistemnaya i diskursivnaya metaforika v kitaiskoi frazeologii [Systemic and discursive metaphor in Chinese phraseology]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2022, vol. 50, no. 3, pp. 261–265. (in Russ.)
- Lakoff J., Johnson M.** Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors that we live by]. Moscow, URSS, 2004, 252 p. (in Russ.)
- Liao Mingjie.** “Bailu yuan” zhong de biyu xiuci de yishu meili [廖明洁。《白鹿原》中比喻修辞的艺术魅力 // 名作欣赏]. The artistic originality of the metaphor in “Bailu yuan”. *Min zuo xinshang*, 2021, no. 9, pp. 117–119. (in Chin.)
- Liu Jiamin.** Xiaoshuo “Wei cheng” zhong xinli miaoxie biyu xiuci yunyong de gongxiao [刘嘉敏。小说《围城》中心理描写比喻修辞运用的功效 // 汉字文化]. The role of metaphor in the psychological descriptions of the novel “Wei cheng”. *Wenzi Wenhua*, 2022, no. 2, pp. 247–248. (in Chin.)
- Musolff A.** Hyperbole and emotionalisation – escalation of pragmatic effects of metaphor and proverb in the Brexit debate. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 628–644. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644
- Nikolina N. A., Petrova Z. Yu., Fateeva N. A.** Funktsionirovanie otsenochnykh substantivnykh metafor i sravnenii v sovremennoi russkoi proze [Functioning of Evaluative Substantive Metaphors and Similes in Modern Russian Prose]. *Kritika i semiotika [Critique and Semiotics]*, 2023, no. 2, pp. 160–179. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-160-179
- Proskurin S. G., Proskurina A. V.** Linguosemiotic types of conceptualizations in Language and culture. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 433–444. DOI 10.17516/1997-1370-0238
- Solopova O. A., Nilsen D., Nilsen A.** The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, vol. 27, no. 3, pp. 521–542. DOI 10.22363/2687-0088-35048
- Sun Chunxiao.** Lu Xun zuopin zhong de biyu yunyong yanjiu [宋春晓。鲁迅作品中的比喻运用研究 // 名家名作]. The use of metaphors in Lu Xin’s work. *Ming jia ming zuo*, 2022, no. 7, pp. 66–68. (in Chin.)
- Xuan Ziwei.** Zhang Ailin “Jin suo ji” zhong de biyu xiuci ge de yanjiu [宣梓维。张爱玲《金锁记》中比喻修辞格的研究 // 芒种]. A metaphor in Zhang Ailin’s “Jin suo ji”. *Mang Zhong*, 2017, no. 17, pp. 125–128. (in Chin.)

Zykova I. V. Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 334–362. DOI 10.22363/2687-0088-33206

Информация об авторе

Александр Владимирович Игнатенко, кандидат филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57223025263

WoS Researcher ID ABC-7865-2020

RSCI Author ID 1045741

SPIN 7534-3139

Information about the Author

Alexander V. Ignatenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57223025263

WoS Researcher ID ABC-7865-2020

RSCI Author ID 1045741

SPIN 7534-3139

*Статья поступила в редакцию 31.10.2024;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 31.01.2025
The article was submitted on 31.10.2024;
approved after review on 20.01.2025; accepted for publication on 31.01.2025*

Научная статья

УДК 811.581

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-54-65

Модели метафоризации при формировании фразеологизмов в китайском языке: языковая система vs дискурс

Елизавета Александровна Красикова

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

krasikova.liza@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9369-1370>

Аннотация

Проводится описание и сопоставление метафорических концептов, лежащих в основе системной и дискурсивной фразеологии китайского языка. Целью данного исследования является обсуждение принципов выделения устойчивых сверхсловных единиц и их классификации в китайской лингвистической традиции. Показано, что китайские лингвисты стремятся объединить структурные и семантические основания классификации, в результате чего границы выделяемых классов устойчивых словосочетаний становятся размытыми. Предпринимается попытка разграничить разные типы китайских фразеологизмов. Анализируются модели метафоризации и наиболее частотные метафорические концепты, формирующие фразеологические образы в китайском языке. Проводится сопоставление метафорических моделей формирования фразеологизмов в языке и кинодискурсе (жанр комедии). Проведенный анализ на материале лексикографических источников и комедийного кинодискурса в китайском языке позволил установить специфику характерных для китайского языка метафорических концептов.

Ключевые слова

метафора, метафорические концепты, кинодискурс, китайский язык, фразеология, типология фразеологизмов, фразеологический образ, паремии

Для цитирования

Красикова Е. А. Модели метафоризации при формировании фразеологизмов в китайском языке: языковая система vs дискурс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 54–65. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-54-65

Models of Metaphorization in the Formation of Phraseological Units in Chinese: Language System vs Discourse

Elizaveta A. Krasikova

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

krasikova.liza@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9369-1370>

Abstract

This article discusses the metaphorical concepts that underlie the formation of phraseological units of the Chinese language, their systematization and determination of their activity in the language system and cinematic discourse. Since the boundaries of the volume of phraseology in the Chinese language are blurred, one of the objectives of the study is to clarify the classification of the phraseological fund of the Chinese language, as well as the principles of the selection of stable phrases, which serve as the basis for the differentiation of phraseological units in the Chinese linguistic

© Красикова Е. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 54–65

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 54–65

tradition. The research proves that Chinese linguists strive to combine the structural and semantic bases of phraseological classification. An attempt is made to analyze the models of metaphorization and the most frequent metaphorical concepts forming phraseological images in the Chinese language. One of the important results of this study is the conclusion that the directions of metaphorization registered in the cinematic discourse are significantly more diverse than the metaphorical bases of phraseological images of Chinese phraseological units, which are the most frequent according to lexicographic sources. At the same time, it was revealed that phraseological units are more often implemented in the cinematic discourse, the imagery of which is based on the activation of two (or even more) metaphorical concepts acting together. The data obtained allowed the authors to formulate a hypothesis that the activity of metaphorical concepts, on the basis of which imagery is formed in Chinese cinematic discourse, may be related to the genre of cinematic discourse.

Keywords

metaphor, metaphorical concepts, cinematic discourse, Chinese language, phraseology, typology of phraseological units, phraseological image, paroemias

For citation

Krasikova E. A. The Models of Metaphorization in the Formation of Phraseological Units in Chinese: Language System vs Discourse. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 54–65. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-54-65

Статья посвящена рассмотрению метафорических концептов, которые лежат в основе формирования фразеологизмов китайского языка, их систематизации и определению активности данных сверхсловных единиц в языковой системе и кинодискурсе. Сначала представляется необходимым провести теоретический обзор научной литературы по исследуемому вопросу и уточнить понятийно-терминологический аппарат, который включает в себя понятие «метафорический концепт», а также различные подходы к выделению разных типов фразеологизмов.

Вслед за Е. Г. Беляевской, которая развивает классический подход к пониманию метафоры, предложенный В. Н. Телия, под метафорическим концептом мы понимаем «модели смыслового переноса, которые функционируют в языковой системе, привлекаясь по мере необходимости к процессу формирования речевого произведения» [Беляевская, 2020, с. 173]. Именно метафорические концепты часто являются когнитивным основанием формирования паремий и фразеологизмов, в том числе идиом.

Как отмечала В. Н. Телия, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9], поэтому одним из важных аспектов изучения фразеологии является исследование концептуальных оснований фразеологических знаков, или, в терминологии И. В. Зыковой, «макрометафорических концептуальных моделей» [Зыкова, 2014, с. 6], на базе которых формируется тот или иной фразеологический образ.

Рассмотрение материала китайского языка требует уточнения того, что понимается под фразеологией в отечественной лингвистике и китайской лингвистической традиции. Подходы в этих случаях разные, и они требуют теоретического осмысления. Как отмечает В. Н. Телия, появление фразеологии как науки связывают с выходом известной книги Ш. Балли «Французская стилистика» (1909), где впервые были сформулированы признаки устойчивых сочетаний слов. В отечественной лингвистике одна из самых значимых работ, посвященных выделению и классификации фразеологических единиц, принадлежит В. В. Виноградову [1977]. Опираясь на идеи «неразложимости сочетания слов» А. А. Шахматова, академик В. В. Виноградов выделяет три основных типа устойчивых словосочетаний. Во-первых, немотивированные и семантически неделимые, непроеизводные фразеологические единицы, основным признаком которых является абсолютная невыводимость значения целого из компонентов – **фразеологические сращения** (*кузькина мать*). Во-вторых, это фразеологические единицы, характеризующиеся потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов, – **фразеологические единства** (*из огня да в полымя, нет худа без добра, переливать из пустого в порожнее, валить с больной головы на здоровую*), и фразео-

логические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными, – **фразеологические сочетания** (например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т. п. при невозможности сказать *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т. п.) [Виноградов, 1977, с. 140–161].

Описывая объем фразеологии и типы фразеологических единиц в языках аналитического и синтетического типа, В. Н. Телия выделяет шесть классов фразеологизмов: 1) идиомы; 2) фразеологические сочетания; 3) паремии (пословицы и поговорки); 4) штампы; 5) клише; 6) крылатые выражения [Телия, 1996, с. 58].

В китайском языкознании реализуются иные подходы к описанию фразеологии. Процесс оформления фразеологии как науки начался в Китае после 50-х гг. XX в. В современном китайском языке фразеология обозначается термином *шуйюйсюэ* (熟语学). Термин *熟语* (*фразеология, фразеологизм, идиоматическое выражение*) пришел в китайский язык из русского или английского языка [Чжоу Цзянь, 2007, с. 255]. Начало развития фразеологии как самостоятельной дисциплины в китайской лингвистической традиции, по замечанию Чжоу Цзяня, относят к 1956 г., когда вышел в свет «Курс лекций по введению в языкознание» (*语言学概论讲义*), где Юй Минь (俞敏) и Хуан Чжисянь (黄智显) одними из первых вводят термин *шуйюй* (熟语), под которым понимают «устойчивые словосочетания, уникальные для тех или иных языков [Там же].

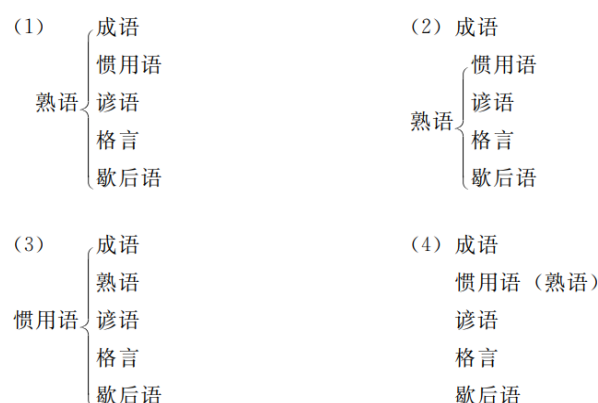
Далее, на протяжении второй половины XX в. китайскими лингвистами проводился ряд исследований, направленных на поиск принципов разграничения разных видов устойчивых языковых единиц в китайском языке [Ма Гофань, 1961; Сунь Вэйчжан, 1989; Чжоу Цзянь, 1997]. После заимствования термина *熟语* (*шуйюй*) в китайский язык возникли большие различия в его понимании и применении. Например, Син Фуи (邢福义) отмечает, что в современной китайской фразеологии выделяют следующие основные типы сверхсловных единиц: *谚语* (*яньюй*), *歇后语* (*сехоулюй*), *成语* (*чэньюй*), *惯用语* (*гуаньюньюй*) [Син Фуи, 2016, с. 228].

В рамках этой классификации к первой группе относятся *谚语* (*яньюй*) – сверхсловные образования, имеющие структуру предложения и близкие по своим характеристикам к пословицам и поговоркам в русском языке. Например: *爱徒如子, 尊师如父 ай ту жу цзы, цзунь ши жу фу* – ‘любить ученика как сына’, ‘уважать учителя как отца’ [Суйюэ Вэньхуа, 2022, с. 2]. Ко второй группе относятся *歇后语* (*сехоулюй*), или недоговорки, которые имеют особую, специфическую для китайской культуры структуру: это изречение или иносказание, основанное на сравнении и истолковании, состоящее из двух частей – иносказания и его раскрытия, при этом раскрытие обычно опускается. Иными словами, *сехоулюй* имеет двойную структуру: полную и усеченную. Примером *сехоулюй* может служить *鸡蛋碰石头 – (不自量力) цзидань пэн шитоу (бу цзы лян ли)* ‘яйцом разбить камень’ (переоценить свои силы).

Следующий тип устойчивых словосочетаний *成语* (*чэньюй*, дословно «готовое выражение») – это семантически неделимые фразеологические единицы, чаще всего имеющие четырехсложную структуру, сформированные согласно нормам древнекитайского языка и функционально являющиеся членом предложения. К этому типу относится, например, *程门立雪 чэн мэн ли сюэ* – ‘стоять на снегу у дверей (ученого) Чэна’ (обр. ‘почтительно ожидать наставлений’; ‘оказывать должное почтение учителю’, ‘уважать учителей’) [Чэньюй да цидянь, 2022, с. 190].

Завершающий тип устойчивых словосочетаний *惯用语* (*гуаньюньюй*) – это устоявшиеся, привычно употребляемые единицы трехчастной структуры, которые наиболее близки к образным выражениям, которые относят к фразеологии (или идиоматике) других языков. Например, *挨板子 айбань цзы* – ‘получить порицание, подвергнуться критике, получить на орехи’ (досл. ‘получить бато́гов’) [Суйюэ Вэньхуа, 2022, с. 1].

Рассмотренная выше классификация устойчивых словосочетаний и фраз (далеко не единственная в китайской лингвистике) подтверждает стремление китайских лингвистов объединить структурные и семантические основания классификации фразеологизмов. До сих пор наблюдается плюрализм точек зрения на объем и границы фразеологического фонда китайского языка; исследователями предложены различные принципы классификации устойчивых сверхсловных языковых единиц и разное понимание китайской фразеологии. Одна из наиболее исчерпывающих и авторитетных классификаций принадлежит Сунь Вэйчжану (孙维张), который выделял четыре варианта понимания границ и объема фразеологического состава китайского языка. Данные ситуации Чжоу Цзянь представляет в следующем виде (цит. по: [Чжоу Цзянь, 2007, с. 231]):

Рассмотрим эту классификацию подробнее. Основываясь на данных вышеуказанной схемы, можно сделать вывод, что автор предлагает несколько возможных классификаций фразеологического фонда китайского языка. В первом варианте (или в первой классификации) под названием 熟语 (*шуйюй*) автор предлагает объединить такие единицы, как 成语 (*чэньюй*, готовые выражения), 惯用语 (*гуаньюньюй*, привычные выражения), 谚语 (*яньюй*, народные выражения, пословицы и поговорки), 格言 (*гэянь*, афоризмы), 歇后语 (*сехоуюй*, недоговорки). Разрабатывая второй вариант классификации, автор рассматривает 成语 (*чэньюй*, готовые выражения) отдельно от 熟语 (*шуйюй*, устойчивые выражения). Во втором варианте классификации 熟语 (*шуйюй*, устойчивые выражения) включают в себя 惯用语 (*гуаньюньюй*, бытовые идиомы), 谚语 (*яньюй*, пословицы), 格言 (*гэянь*, афоризмы), 歇后语 (*сехоуюй*, недоговорки). В третьем варианте классификации общим названием для устойчивых языковых единиц является 惯用语 (*гуаньюньюй*, бытовые идиомы), которые подразделяются на следующие типы: 成语 (*чэньюй*, готовые выражения), 熟语 (*шуйюй*, устойчивые выражения), 谚语 (*яньюй*, народные выражения), 格言 (*гэянь*, афоризмы), 歇后语 (*сехоуюй*, недоговорки). В четвертом варианте 成语 (*чэньюй*, готовые выражения), 惯用语 (*гуаньюньюй*, бытовые идиомы) (熟语 (*шуйюй*, устойчивые выражения), 谚语 (*яньюй*, народные выражения), 格言 (*гэянь*, афоризмы) и 歇后语 (*сехоуюй*, недоговорки) рассматриваются отдельно.

Таким образом, автор выделяет в общем шесть типов устойчивых сверхсловных единиц и, по-разному группируя их, распределяет их по четырем возможным вариантам классификации, причем эти группы пересекаются между собой, и иерархия разных типов в каждом варианте классификации разная. Так, для автора важно не столько выделить разные виды устойчивых словесных комплексов в китайском языке, сколько уточнить, как они соотносятся друг с другом.

Как следует из вышеуказанного описания, границы терминов, номинирующих сверхсловные единицы, в китайском языке сильно размыты, и в некоторых случаях их разграничение представляет ряд трудностей для исследователей. Например, размытыми остаются границы между терминами 成语 (чэньюй) и 惯用语 (гуаньюньюй).

Сложности классификации сверхсловных сложных единиц в китайском языке, по нашему мнению, во многом связаны с тем, что китайские лингвисты пытаются одновременно учесть три основания или параметра их классификации: семантику сверхсловной единицы, сферу ее использования, а также структурные особенности этих образований, которые отражают лексико-грамматическую специфику китайского языка и которой трудно найти параллели в европейских языках. Как следствие, вышеуказанные множественные основания классификации устойчивых словесных комплексов начинают пересекаться, в связи с чем для нашего исследования мы сочли возможным выделить в качестве материала только одну группу единиц, а именно 惯用语 (гуаньюньюй), которые в наибольшей степени близки к фразеологизмам английского и русского языков, точнее – фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам в классификации В. В. Виноградова. Остановимся подробнее на отличительных особенностях данного класса фразеологических единиц от смежных с ним понятий, которые выделялись китайскими исследователями.

Ма Гофань определяет 惯用语 (гуаньюньюй) как «типизированные словосочетания с интегрированным значением», к которым автор относит устойчивые словосочетания типа 露马脚 (лоу мацзяо досл. ‘высунуть лошадиные копыта’; обр. ‘выплыть наружу’; ‘выдать себя с головой’; ‘тайное стало явным’), 吃不消 (чибусяо досл. ‘не переварить, не усвоить’; обр. ‘не вынести, не выдержать’; ‘нестерпимый’) [Ма Гофань, 1961]. Вышеуказанные примеры подтверждают, что в основе семантики данных устойчивых языковых единиц лежит метафорический перенос. Однако с этим положением согласны не все авторы. Так, известный китайский лингвист Ван Дэчунь отмечает, что «惯用语 – это своего рода ходовые устойчивые выражения в языке» [Ван Дэчунь, 1983]. К ним автор относит такие часто употребляемые фразы повседневного общения, как, например, 招呼用语 (чжаоху юньюй, речевые формулы приветствия) и 口头用语 (коутоу юньюй, разговорные выражения): 你好 (нихао, ‘здравствуйте’), 再见 (цзайцзянь, ‘до свидания’), 对不起 (дуэйбуци, ‘извините’), 碰钉子 (пэн динцзы досл. ‘напороться на гвоздь’; обр. ‘получить отказ, получить от ворот поворот, потерпеть фиаско, нарваться на неприятность’) и т. д. [Там же].

Значительный вклад в уточнение термина гуаньюньюй внес Чжан Цзунхуа [1985], который отвергает аргументы Ма Гофаня и других авторов о структурных и семантических особенностях 惯用语 (гуаньюньюй). Так, по мнению исследователя, структура 惯用语 (гуаньюньюй) должна состоять как минимум из двух слов, и по крайней мере одно из них должно являться 双音词 (шуаниныцы, двусложным / биномом). Таким образом, для образования структуры гуаньюньюй необходимо более трех иероглифических знаков.

Вышеуказанные идеи развивает Чжоу Цзянь, отмечая, что существуют различные мнения о том, каким образом, т. е. на основании каких критериев, следует разграничивать 成语 (чэньюй) и 惯用语 (гуаньюньюй). Во-первых, очерчивая границы идиоматизированных и неидиоматизированных сверхсловных единиц, автор выводит взаимосвязь между 四字语 (сыцзыюй) – выражениями из четырех иероглифических знаков, и 三字语 (саньцзыюй) – выражениями, состоящими из трех иероглифических знаков. Во-вторых, исследователь акцентирует внимание на том факте, что фразеологические единицы могут быть классифицированы в зависимости от наличия или отсутствия у них глубинного или образного значения. К единицам, обладающим образным значением, автор относит 成语 (чэньюй, готовые выражения): 惹火烧身 (жэхо шаошэнь досл. ‘обжечься, разжигая огонь’; обр. ‘навлечь беду на собственную голову’) и 背黑锅 (бэй хэйго досл. ‘нести на спине чёрный котёл’; обр. ‘отдуваться за чужую вину, нести ответственность за чужие проступки’). К единицам, обладающим только поверх-

ностным значением, Чжоу Цзянь относит 惯用语 (*гуаньюньюй*): 望闻问切 (*ван вэнь вэнь це*, ‘медицинский осмотр, включающий прослушивание, опрос и прощупывание пульса’ – четыре основных метода освидетельствования больного) [Чжоу Цзянь, 1997, с. 26–31].

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно отметить следующие отличительные характеристики такого класса устойчивых языковых единиц, как 惯用语 (*гуаньюньюй*), поскольку именно они в наибольшей степени соответствуют тому, что в отечественной лингвистической традиции относят к фразеологии (идиоматике). Отметим, что в отечественной лингвистической традиции устоялись следующие варианты перевода 惯用语 (*гуаньюньюй*): «народные речения», «привычные выражения», «бытовые идиомы». Во-первых, *гуаньюньюй* в подавляющем большинстве случаев обладает четкой трехморфемной структурой (однако могут быть исключения), основными компонентами которой являются двуслог (бином) и однослог. Во-вторых, семантическая организация *гуаньюньюй* характеризуется образностью и в то же время не характеризуется такой высокой степенью устойчивости, как у 成语 (*чэньюй*). Отметим, что определение семантического объема данных сверхсловных единиц представляется затруднительным на сегодняшний день, поэтому дискуссия о природе и сфере применения фразеологического состава китайского языка является актуальным направлением современных лингвистических исследований.

В задачи проводимого нами исследования входило изучение основных направлений метафоризации, характерных для китайских фразеологизмов. С этой целью мы фиксировали те метафорические концепты, которые обеспечивают формирование фразеологического образа. С учетом необходимости разграничения системной и дискурсивной активности метафорических концептов, лежащих в основе семантики китайских фразеологических единиц, были проанализированы китайские *гуаньюньюй* на материале лексикографического источника «101 Гуаньюньюй» [Чжан Цзиньюй, 2017], куда были включены наиболее частотные, по мнению китайских лексикографов, трехслоговые словосочетания. В материал нашего исследования вошли 100 *гуаньюньюй*ев, одна идиома была исключена из рассмотрения, поскольку она базируется на омонимии.

В ходе проведенного исследования было установлено, что входящие в данный словарь наиболее частотные *гуаньюньюй* используются как для характеристики человека (30 ед.), так и для описания ситуации (46 ед.). Также была выделена третья группа идиом, описывающих одновременно и человека, и ситуацию (24 ед.). Отметим, что подавляющее большинство проанализированных *гуаньюньюй*ев являются культурно-специфичными и исторически обусловленными. К примеру, *гуаньюньюй* 东道主 (*дундао чжу*, досл. ‘владелец дорог в восточном направлении’; обр. ‘хозяин, принимающий’; ‘страна-хозяйка, государство-устроитель, организатор’) берет истоки из памятника исторической прозы Древнего Китая, представляющего собой подробнейшие комментарии к краткой хронике «Чуньцю» (春秋) о событиях периода Весен и Осеней – «Цзо-чжуань» (春秋左傳), которые описал историк этого периода Цзо Цюмин [Там же, с. 59]. В исследуемом материале также были зафиксированы единицы (немногочисленные), основанные на современных образах; в качестве примера можно привести словосочетание 挤牙膏 (*цзи ягао*, досл. ‘выдавливать зубную пасту’; обр. ‘выжимать, выдавливать информацию, сведения’; ‘делать что-либо неохотно, через силу’; ‘в час по чайной ложке’).

На следующем этапе анализа были выделены и проанализированы 15 характерных для китайской фразеологии метафорических концептов, составляющих когнитивное основание образности устойчивых словосочетаний. Согласно полученным данным, наиболее продуктивными в китайской фразеологии оказались следующие концептуальные метафоры.

1. **ЗООМЕТАФОРА** (19 ед.): 旱鸭子 (*ханьяцзы*, досл. ‘сухопутная утка’; обр. ‘не умеющий плавать’), 驴脾气 (*люй пици*, досл. ‘нрав осла’; обр. ‘ослиное упрямство’).

2. **СОМАТИЗМЫ** (18 ед.): 胆小鬼 (*дань сяогуэй*, досл. ‘черт с маленьким желчным пузырем’, обр. ‘трусиска’), 一根筋 (*и гэн цзинь*, досл. ‘с одним мускулом’, обр. ‘твердолобый’), 有眉目 (*ю мэйму*, досл. ‘иметь брови и глаза’, обр. ‘дело пошло, есть продвижение’).

3. **ПРИРОДА** (15 ед.): 飘飘然 (*пяоцяожань*, досл. ‘парить в воздухе’, обр. ‘окрыленный’, ‘гнаться за дешевой популярностью’), 桃花运 (*таохуаюнь*, досл. ‘судьба персикового цветка’, обр. ‘успешный в отношениях с противоположным полом’).

4. **ГАСТРОНОМИЯ** (14 ед.): 醋坛子 (*цзю таньцзы*, досл. ‘кувшин с уксусом’, обр. ‘ревнивец’), 黄粱梦 (*хуанлянемэн*, досл. ‘сон просяной каши’, обр. ‘радужные мечты, напрасные мечты, несбыточные иллюзии’).

5. **ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ** (10 ед.): 占上风 (*чжань шанфэн*, досл. ‘занять положение по направлению ветра’, обр. ‘занять выигрышное положение’), 钻空子 (*цзуань кунцзы*, досл. ‘протиснуться в щель’, обр. ‘находить лазейку’).

Среднюю продуктивность демонстрируют следующие метафорические концепты.

6. **ДЕНЬГИ** (7 ед.): 摇钱树 (*яо тяньшу*, досл. ‘мифологическое дерево с деньгами вместо листьев’, символизирует богатство; обр. ‘источник доходов’, ‘рог изобилия’), 小算盘 (*сяо суаньпань*, досл. ‘маленький абак’, обр. ‘мелочные расчеты’).

7. **ДВЕРИ** (6 ед.): 门外汉 (*мэньвайхань*, досл. ‘кто-то за дверью’, обр. ‘профан, невежда, дилетант’), 鬼门关 (*гуэй мэньгуань*, досл. ‘врата демонов’, обр. ‘опасное место’).

8. **ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО** (6 ед.): 走过场 (*цзоуго чан*, досл. ‘пересечь сцену’, обр. ‘для проформы, халтурно’), 唱反调 (*чан фаньдяо*, досл. ‘напевать противоположную мелодию’, обр. ‘препираться’).

9. **ВОЙНА** (6 ед.): 打游击 (*да юцзи*, досл. ‘вести партизанскую войну’, обр. ‘перебиваться, зарабатывать на жизнь случайными заработками’), 挡箭牌 (*дан цзяньпай*, досл. ‘щит’, обр. ‘предлог, оправдание’).

10. **ОДЕЖДА И АКСЕССУАРЫ** (5 ед.): 乌纱帽 (*уша мао*, досл. ‘шапка из чёрного тонкого шёлка’, летний парадный головной убор с династии Тан; обр. ‘чиновничье кресло, должность чиновника, служебный пост’).

Также при изучении мотивационных оснований формирования семантики китайских *гуаньюньюев* были отмечены наименее частотные концепты.

11. **МЕДИЦИНА** (4 ед.): 定心丸 (*динсиньвань*, досл. ‘успокоительное лекарство’, обр. ‘отлегло от сердца’), 吃错药 (*чи цюяо*, досл. ‘выпить не то лекарство’, обр. ‘белены объелся’).

12. **РЕЛИГИЯ** (4 ед.): 护身符 (*хушэньфу*, досл. ‘оберег’, обр. ‘покровитель’), 抱佛脚 (*бао фочяо*, досл. ‘обнимать ноги Будды’, обр. ‘спохватиться в последний момент’).

13. **СПОРТ** (3 ед.): 擦边球 (*ца бяньцю*, досл. ‘коснувшийся края мяч в настольном теннисе’, обр. ‘действовать на грани фола, рисковать’), 耍花招 (*шуахуа чжао*, досл. ‘показывать трюки из Кунфу’, обр. ‘хитрить, прибегать к уловкам’).

14. **ТРАНСПОРТНОЕ ДВИЖЕНИЕ** (3 ед.): 开夜车 (*кай ечэ*, досл. ‘вести машину ночью’, обр. ‘работать до глубокой ночи’), 开绿灯 (*кай людэн*, досл. ‘давать зеленый свет’, обр. ‘разрешать что-либо’).

15. **ХОЛОД** (3 ед.): 冷板凳 (*лэн баньдэн*, досл. ‘холодная скамейка’, обр. ‘прозябать на задворках, не пользоваться благосклонностью’), 放冷箭 (*фан лэнцзянь*, досл. ‘выпустить холодную стрелу’, обр. ‘нанести удар в спину’).

Отметим, что некоторые сверхсловные единицы «вбирали» в себя сразу несколько метафорических концептов. Так, был выделен концепт **ЦВЕТ**, который может взаимодействовать с другими метафорическими концептами. Например: 红眼病 (*хунъянь бин*, досл. ‘болезнь красных глаз, конъюнктивит’, обр. ‘страдать от зависти’), 老黄牛 (*лаохуанью*, досл. ‘старый желтый бык’, обр. ‘добросовестный работник’).

Заметим, что наиболее активные когнитивные основания образных сверхсловных единиц в китайском языке репрезентируют сферы, наиболее близкие повседневному эмпирическому опыту представителей китайской культуры. На основании вышеперечисленных примеров можно сделать выводы о том, что зоометафора, концепты, связанные с соматизмами, а также природные метафорические концепты играют важнейшую роль в формировании наиболее частотной фразеологии в языковой системе китайского языка. Метафорические концепты средней активности более конкретизированы, однако они во многом близки к обобщенным моделям метафоризации сверхсловных единиц первой группы. Так, концепт *ДВЕРИ* близок к пространственным концептам и, прежде всего, к метафорическому концепту *КОНТЕЙНЕР*, так как выводит на первый план идею *границы* и стремления войти в некоторое ограниченное пространство или выйти из него. Метафорический концепт *ХОЛОД* можно считать одним из «природных» концептов. Кроме того, следует отметить, что данный метафорический концепт коррелирует с такими метафорами, как *ОГОНЬ – ВОДА* и *СВЕТ – ТЬМА*, часто выступая в качестве одной из их концептуальных составляющих. «Игровые» концептуальные метафоры *ВОЙНА*, *СПОРТ*, *ТЕАТР* используются для репрезентации повседневной трудовой и социальной деятельности человека. Особый интерес представляет концепт *ДЕНЬГИ*, так как он тесно связан с метафорой *КОЛИЧЕСТВО*, которая в нашем словарном материале не представлена отдельно, но часто сочетается с другими метафорическими концептами, формирующими фразеологический образ, причем чаще фиксируется небольшой размер объекта (т. е. небольшое количество).

Однако хорошо известен тот факт, что «система» собирает необходимые для коммуникации образы, а разные типы дискурса позволяют проследить функционирование данных образов в «живой речи». Исходя из целей настоящего исследования, мы не только рассмотрели мотивационные основания метафоры в системном аспекте, но и оценили, насколько креативными могут оказаться метафорические концепты в китайском кинодискурсе (жанр кинокомедии).

В качестве исследовательского материала нами было отобрано 3 кинопроизведения комедийного жанра тематико-сюжетной направленности «социальная комедия»: «重返 20 岁» (*чжунфань 20 суэй* пер. «Снова 20 лет», реж. Чэн Чжэндао (陈正道), 2015), «婆婆比妈亲» (*попо би ма тинь* пер. «Свекровь лучше матери», реж. Да Хуэй (大辉), 2018), «一家亲» (*ицзятинь* пер. «Сваты», реж. Сюй Хайянь (徐海燕), 2018), которые относятся ко второму этапу развития китайского киноискусства (2018 г. выпуска, после 18-го съезда Коммунистической партии Китая) (подробнее см.: [Красикова, 2023]). Выбор данного типа дискурса (кинопроизведения комедийного жанра) в качестве материала исследования обусловлен тем, что он принадлежит к ключевым сферам социальной жизни, где ярко проявлены национально-специфические особенности современного китайского быта. Отметим, что с целью расширения исследовательского материала в синематическом дискурсе мы рассматривали разнотипные фразеологические единицы.

В анализируемом киноматериале всего было выявлено 46 фразеологизмов, в основе которых лежат 18 метафорических концептов. В ходе анализа установлено, что в кинодискурсе наиболее активными являются такие метафорические концепты, как: *КОЛИЧЕСТВО* (13 ФЕ), *СОМАТИЗМЫ* (12 ФЕ), *ЗОМЕТАФОРА* (10 ФЕ), *ПРИРОДА* (8 ФЕ). Приведем наиболее яркие примеры.

В контексте 样不是丢妈的脸吗? (*ян буши дю ма дэ лян ма* «разве это не позор для твоей матери?») реализуется фразеологизм 丢脸 (*дюлян* ‘потерять лицо’), где в основе фразеологического образа лежит метафора группы *СОМАТИЗМЫ*, уподобляющая потерю лица потере репутации в обществе. Данная метафора может также взаимодействовать с метафорой *КОЛИЧЕСТВО*, например в следующем контексте: 你知道吗张桂花可会演戏了两面三刀人前呀? (*ни чжидао ма Чжан Гуйхуа кэхуэй яньси лэ лянмяньсяндао жэнь цян я* «ты знаешь, что Чжан Гуэйхуа могла притворяться перед людьми и вести двойную игру?») Во фразеоло-

гизме 两面三刀 (*ляньмянь саньдао*), который на русский язык может быть интерпретирован несколькими способами: *вести двойную игру, двуличный, криводушный, лицемерие*, а дословно переводится как *два лица, три ножа*, реализуется сразу несколько метафорических концептов, а именно метафоры групп КОЛИЧЕСТВО и СОМАТИЗМЫ.

Примечательным для исследования представляется тот факт, что в китайском кинодискурсе используются инвективы, сформированные на основе ЗООМЕТАФОРЫ. В китайских кинокомедиях данный концепт может лежать в основе стилистически окрашенных фразеологизмов для передачи негативных эмоций и чувств. Например: 你不要狗眼看人低 (*ни буюо гоу янь кань жэнь ди* «не будь снобом!»), где фразеологизм 狗眼看人低 (*гоу янь кань жэнь ди* ‘определять своё отношение к людям в зависимости от их социального положения’; ‘быть снобом’) построен на образе собаки, занимающей зависимое от человека положение, и дословно означает *смотреть на людей глазами собаки*.

Ряд фразеологизмов в китайском кинодискурсе построен на метафорическом осмыслении явлений ПРИРОДЫ, в частности при формировании фразеологического образа весьма активна метафора ВОДЫ (жидкости). Рассмотрим следующий пример: 不要往我们这样的优秀家庭泼脏水 (*буюо ван вомэнь чжэян дэ юсю цзятин по цзан шуэй* ‘не поливайте грязной водой такую хорошую семью, как мы’). В приведенном примере вместо нейтральной лексемы использовано метафорическое выражение 泼脏水 (*по цзан шуэй* ‘поливать грязной водой’), которое формирует негативную оценку эмоционального состояния человека.

Среднюю активность в кинодискурсе демонстрируют такие концепты, как: СМЕРТЬ (3 ФЕ), СВЕТ – ТЬМА, ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, ЦВЕТ, ГАСТРОНОМИЯ, ВОЙНА, ХОЛОДНОЕ – ГОРЯЧЕЕ, ДОРОГА (2 ФЕ). Рассмотрим наиболее интересные примеры.

Так, метафорический концепт ХОЛОДНОЕ – ГОРЯЧЕЕ активизируется в следующем контексте: 你对你亲娘孝顺又体贴, 可你如何对待你婆婆。一头冷来一头热 (*ни дуй ни цинь нян сяошунь ю циче, кэ ни жухэ дуйдай ни попо* «Ты почтительно относишься к матери, но как ты относишься к свекрови? Не проявляешь заинтересованности»). В данном примере используется усеченная форма 一头热 (*итоужэ*, досл. ‘с одной стороны жарко’) от фразеологизма 剃头挑子一头热 (*ти тоу тьяоцзы итоужэ* ‘на коромысле жар с одной стороны’). В этимологии данного фразеологизма указывается, что бродячие цирюльники носили на коромысле с одной стороны ящик с инструментами, а с другой печурку для разогревания воды. В образном употреблении передаются следующие значения: *одна сторона заинтересована, а другая – нет; любовь без взаимности, безответное чувство; не проявлять заинтересованности; односторонний*¹.

Метафорические концепты ЦВЕТ + ДЕНЬГИ одновременно реализуются во фразеологизме 白费 (*байфэй*), образное значение которого ‘тратить впустую’, ‘напрасно проживать’. Данный фразеологизм состоит из двух иероглифических знаков 白 (*бай* «белый») + 费 (*фэй* «тратить»), демонстрируя характерную для китайского языка ассоциацию пустоты и бесцельности с белым цветом.

Одним из важных, на наш взгляд, результатов проведенного нами исследования является вывод о том, что направления метафоризации, зарегистрированные в кинодискурсе, отличаются значительно большим разнообразием, чем метафорические основания фразеологических образов китайских фразеологизмов, являющихся наиболее частотными, по мнению лексикографов. Так, нами были отмечены единичные случаи реализации концептов ЧАСТЬ СТРОЕНИЯ, ИГРА, МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО, РЕЛИГИЯ, ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ФОРМА. При этом обнаружилась еще одна интересная тенденция: в кинодискурсе чаще реализуются фразеологизмы, образность которых основана на активизации двух (и даже более) совместно действующих метафорических концептов. Рассмотрим наиболее интересные примеры. Концепт ЧАСТЬ СТРОЕНИЯ, который взаимодействует с концептом ПРОСТРАН-

¹ 汉典. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения 05.08.2023).

СТВО лежит в основе идиомы 一墙之隔 (*и тянчжигэ*, досл. ‘перегородка в виде одной стены’; обр. ‘малое расстояние, стена в стену’). В пространственном концепте МАЛОЕ РАССТОЯНИЕ носитель китайского языка выводит на первый план идею *границы*, которая становится доминантой формируемого фразеологического образа. Вышеуказанные концепты также близки к метафорическому концепту ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ФОРМА, который часто сочетается с другими метафорическими концептами, но может выступать и самостоятельно. Например, в основе сверхсловной единицы 叫不立规矩, 不成方圆 (*цзяо були гуйцзюй, бу чэн фаньюань*, досл. ‘без норм и правил не получаются круг и квадрат’; обр. ‘делая что-либо, необходимо строго следовать правилам и законам’) лежит идея геометрических фигур.

Таким образом, проведенный анализ на материале лексикографических источников и комедийного кинодискурса в китайском языке позволил выявить специфику тех характерных для китайского языка метафорических концептов, которые лежат в основе формирования фразеологических образов как в системе языка, так и в речевом употреблении. В целом анализ подтвердил единство концептуально-метафорической базы китайской фразеологии в обоих случаях, однако в киноматериале наиболее продуктивным оказался такой метафорический концепт, как КОЛИЧЕСТВО, который в лексикографическом материале кажется малопродуктивным. В кинодискурсе также отмечены концепты, которые не были выявлены у фразеологизмов, фиксирующихся в словарях как частотные. К ним были отнесены концепты ХОЛОДНОЕ – ГОРЯЧЕЕ, СВЕТ – ТЬМА, ДОРОГА, СМЕРТЬ, ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ФОРМА. Полученные данные позволили сформулировать гипотезу о том, что активность метафорических концептов, на основании которых формируется образность в китайском кинодискурсе, может быть связана с конкретным жанром кинодискурса.

С целью дальнейшего расширения представления о культурно-обусловленных особенностях реализации потенциала метафорических концептуальных моделей китайского языка, необходимо продолжить комплексное исследование на материале других разновидностей китайского полимодального дискурса.

Список литературы

- Беляевская Е. Г. Метафоризация как механизм конструирования образов в языке и тексте // Язык, культура, творчество: мировые практики изучения: Сб. науч. ст. к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия. М.: Гнозис, 2020. С. 170–180.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 322 с.
- Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. 52 с.
- Красикова Е. А. Креативный потенциал форм обращения в китайском кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54) С. 463–467.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Ван Дэчунь. Цыхуэйсюэ яньцзю [王德春。词汇学研究]. Исследования по лексикологии. Цзинань: Цзяюй чубаньшэ, 1983. 332 с. (на кит. яз.)
- Ма Гофань. Яньюй сехоуяй гуаньюньюй [马国凡。谚语·歇后语·惯用语. 辽宁: 人民出版社]. Пословицы, недоговорки, привычные выражения. Шэньян: Жэньминь чубаньшэ, 1961. 77 с. (на кит. яз.)
- Син Фуи. Ханьюй юйфасюэ [邢福义。汉语语法学]. Китайская грамматика. Пекин: Шанъу иньшугуань, 2016. 310 с. (на кит. яз.)
- Суйюэ Вэньхуа. Яньюй суюй гуаньюньюй 1800 тiao [随阅文化。谚语俗语惯用语 1800 条]. 1800 поговорок, пословиц и устойчивых выражений. Пекин: Бэйцзин гуньимэйшу чубаньшэ, 2022. 212 с. (на кит. яз.)

- Сунь Вэйчжан.** Ханьюй шуьюйсюэ [孙维张。汉语熟语学]. Фразеология китайского языка. Чанчунь: Цзяоюй чубаньшэ, 1989. 395 с. (на кит. яз.)
- Чжан Цзиньюй.** 101 Гуаньюньюй [张锦玉。惯用语 101]. 101 Привычное выражение. Пекин: Хуаюй цзяосюэ чубаньшэ, 2017. 204 с. (на кит. яз.)
- Чжан Цзунхуа.** Гуаньюй сигуаньюньюй цыдянь дэ шоуцы вэньти [张宗华。关于惯用语词典的收词问题。辞书研究]. К вопросу о принципах отбора и включения в словарь гуаньюньюев // Цышу яньцзю. 1985. № 5. С. 70–71. (на кит. яз.)
- Чжоу Цзянь.** Лунь саныцзыюй хэ сыцзыюй [周荐。论三字语和四字语: 语文研究]. Об устойчивых языковых сочетаниях, состоящих из трех и четырех иероглифических знаков // Юйвэнь яньцзю. 1997. № 4. С. 26–31. (на кит. яз.)
- Чжоу Цзянь.** 20 Шицзи чжунго цыхуэйсюэ [周荐。20 世纪中国词汇学]. Китайская лексикология двадцатого века. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2007. 434 с. (на кит. яз.)
- Чэньюй да цыдянь** [成语大词典: 彩色本/《成语大词典》编委会编 一 2 版]. Большой словарь чэньюев. Пекин, 2022. 1541 с. (на кит. яз.)

References

- Belyaevskaya E. G.** Metaforizatsiya kak mekhanizm konstruirovaniya obrazov v yazyke i tekste [Metaphorization as a mechanism for constructing images in language and text]. In: Language. Culture. Art. Sbornik nauchnyh statei k 90-letiyu professora Veroniki Nikolaevny Teliya. Moscow, Gnosis Publ., 2020, pp. 170–180. (in Russ.)
- Krasikova E. A.** Kreativnyi potentsial form obrashcheniya v kitaiskom kinodiskurse [The creative potential of address forms in the Chinese cinematic discourse]. In: Cognitive studies of language, 2023, no. 3-2(54), pp. 463–467. (in Russ.)
- Teliya V. N.** Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1996, 288 p. (in Russ.)
- Vinogradov V. V.** Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka, 1977, 322 p. (in Russ.)
- Zykova I. V.** Rol' kontseptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov [The role of the conceptsphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, IL RAS, 2014, 52 p. (in Russ.)
- Wang Dechun.** Cihuixue yanjiu [王德春。词汇学研究]. Lexicological research. Jinan, Jiaoyu chubanshe, 1983, 332 p. (in Chin.)
- Ma Gofan.** Yanyu xiehouyu guanyongyu [马国凡。谚语·歇后语·惯用语]. Proverbs, omissions, familiar expressions. Shenyang, Renmin chubanshe, 1961, 77 p. (in Chin.)
- Xing Fuyi.** Hanyu yufaxue [邢福义。汉语语法学]. Chinese Grammar. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2016. 310 p. (in Chin.)
- Suiyue Wenhua.** Yanyu suyu guanyongyu 1800 tiao [随阅文化。谚语俗语惯用语 1800 条]. 1800 proverbs, sayings and idioms. Beijing, Beijing gongyi meishu chubanshe, 2022, 212 p. (in Chin.)
- Sun Weizhang.** Hanyu shuyuxue [孙维张。汉语熟语学]. Phraseology of the Chinese language. Changchun, Jiaoyu chubanshe, 1989, 395 p. (in Chin.)
- Zhang Jinyu.** Guanyongyu 101 [张锦玉。惯用语 101]. 101 Modern Chinese Phrases. Beijing, Huayu jiaoxue chubanshe, 2017, 204 p. (in Chin.)
- Zhang Zonghua.** Guanyu guanyongyu cidian de shouci wenti [张宗华。关于惯用语词典的收词问题。辞书研究]. On the question of the principles of selection and inclusion in the dictionary of guanyunyu. Cishu yanjiu, 1985, no. 5, pp. 70–71. (in Chin.)

- Zhou Jian.** Lun sanziyu he siziyu [周荐。论三字语和四字语:语文研究]. About stable language combinations consisting of three and four hieroglyphic signs. *Yuwen yanjiu*, 1997, no. 4, pp. 26–31. (in Chin.)
- Zhou Jian.** 20Shiji zhongguo cihui xue [周荐。20 世纪中国词汇学]. Twentieth Century Chinese Lexicology. Beijing, Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2007, 434 p. (in Chin.)
- Cheng yu da cidian [成语大词典: 彩色本/《成语大词典》编委会编 一 2 版]. Big Dictionary of Chinese Idioms. Beijing, 2022, 1541 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Елизавета Александровна Красикова, кандидат филологических наук
RSCI Author ID 1116666
SPIN 2211-7783

Information about the Author

Elizaveta A. Krasikova, Candidate of Sciences (Philology)
RSCI Author ID 1116666
SPIN 2211-7783

*Статья поступила в редакцию 03.11.2023;
одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 31.01.2025
The article was submitted on 03.11.2023;
approved after reviewing on 24.01.2025; accepted for publication on 31.01.2025*

Научная статья

УДК 811.581

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-66-77

Метафора как средство формирования *гуаньюнъюй* в интернет-коммуникации на китайском языке

Александр Николаевич Сбоев

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

sboev.an@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3926-3978>

Аннотация

Анализируются привычные выражения (*гуаньюнъюй*), употребляемые в интернет-коммуникации на китайском языке. Цель работы – изучить модели метафоризации и метафорические концепты при формировании интернет-*гуаньюнъюй*. В качестве материала исследования были выбраны 89 выражений из социальных сетей, микроблогов и видеоплатформ. Исследование проводилось на основе классификации метафор, предложенной А. П. Чудиновым. Результаты исследования показывают, что метафорические концепты, связанные с животными, пищей и телом человека, занимают важное место в китайской культуре. Результаты исследования важны для понимания китайской культуры и языка. Они способствуют налаживанию взаимопонимания между носителями и не носителями китайского языка и могут быть полезны в преподавании китайского языка как иностранного.

Ключевые слова

фразеологизмы, привычные выражения, *гуаньюнъюй*, метафора, интернет-коммуникация

Благодарности

Статья выполнена в рамках международного исследовательского проекта по преподаванию китайского языка Центра языкового образования и сотрудничества при Министерстве образования КНР (22YH27C) и научно-исследовательского проекта «Финансирование фундаментальных научных исследований университетов провинции Хэйлунцзян» (2021-KYYWF-0137)

Для цитирования

Сбоев А. Н. Метафора как средство формирования *гуаньюнъюй* в интернет-коммуникации на китайском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 66–77. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-66-77

Metaphor as a Means of Forming *guanyongyu* in Chinese Internet Communication

Aleksandr N. Sboev

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation

sboev.an@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3926-3978>

Abstract

This paper focuses on the study of internet “*guanyongyu*” (common expressions) based on metaphors in Chinese internet communication. The research problem lies in exploring how metaphorical concepts form these expressions and their implications for understanding Chinese culture and language. The objective is to investigate the metaphorization

© Сбоев А. Н., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 66–77

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 66–77

models and various metaphorical concepts in the formation of internet “guanyongyu”. The research materials consist of 89 common expressions collected from social media platforms such as Weibo, Douyin, and Xiaohongshu. The method adopted is the classification of metaphor types proposed by A. P. Chudinov. This classification, which includes natural – form metaphors, artifact – based metaphors, anthropomorphic metaphors, and sociomorphic metaphors, offers a structured framework for dissecting the metaphorical nature of “guanyongyu”. Through this method, the paper analyzes these expressions from the perspectives of different conceptual metaphors. The main findings are as follows: zoomorphic metaphors are a primary means of forming “guanyongyu”, which indicates that Chinese people use it to vividly describe people’s emotions and behaviours. Expressions with “chi” (eat) and gastronomic components reflect the importance of food in Chinese culture. Additionally, expressions related to body parts also occupy a significant proportion, highlighting the special place of the human body in the Chinese worldview. This study makes a substantial contribution to resolving a big research problem, since, decoding these metaphor – based expressions, non – native speakers can gain a better grasp of Chinese cultural connotations and linguistic peculiarities. Moreover, it enriches the academic research on Chinese internet language, filling a gap in the exploration of the intersection between metaphor, language, and culture in the digital age.

Keywords

Idioms, fixed expression, guanyongyu, metaphor, Internet communication

Acknowledgements

This study was funded by the International Chinese Language Education Research Project of the Center for Language Education and Cooperation, Ministry of Education of China (22YH27C); Research Project: Fundamental Research Funding for Universities in Heilongjiang Province (2021-KYYWF-0137)

For citation

Shoev A. N. Metaphor as a Means of Forming *guanyongyu* in Chinese Internet Communication. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 66–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-66-77

Сегодня новая социальная реальность, также известная как виртуальное пространство или Интернет, занимает значимую часть жизни современного человека. Интернет – это относительно новое средство массовой коммуникации, характеризующееся отсутствием организационного контроля, высокой скоростью распространения информации и интерактивностью общения. Лингвистика уделяет особое внимание изучению языковых особенностей интернет-общения, так как посредством его в языке появляется новый стиль, который имеет признаки уникальности и оказывает большое влияние на речь социума.

Метафора является распространенным тропом, использующимся при формировании привычных выражений (*гуаньюньюй*). Из-за неоднозначности данный вид тропа привлекает особое внимание лингвистов, так как, с одной стороны, метафора является отклонением от языковой нормы, а с другой стороны, она украшает речь. Подробное изучение метафоры в формировании *гуаньюньюй* в китайской интернет-коммуникации дает представление о специфике мировоззрения и системе ценностей современных китайцев, что и объясняет актуальность выбранной темы. Кроме того, исследование актуально и с точки зрения преподавания китайского языка как иностранного, так как позволяет не носителям китайского языка не только пополнить словарный запас, но и понять некоторые особенности культуры китайцев.

Объектом исследования являются интернет-*гуаньюньюй*, построенные на метафоре. Предметом исследования являются метафорические концепты, формирующие *гуаньюньюй* в китайской интернет-коммуникации. Цель данной работы состоит в исследовании моделей метафоризации и изучении различных метафорических концептов в формировании интернет-*гуаньюньюй*. Под интернет-*гуаньюньюй* в данной работе понимаются привычные выражения, созданные и применяемые пользователями Интернета в процессе сетевого общения. Материалом исследования послужили 89 привычных выражений, встречающиеся в комментариях и постах пользователей таких социальных сетей, микроблогов и видеоплатформ, как вэйбо (微博), доуинь (抖音), сяохуншу (小红书), юку (优酷), билибили (哔哩哔哩) и куайшоу (快手).

В 1961 г. Ма Гофань ввел в китайское языкознание термин «гуаньюньюй», который стал использоваться для обозначения устойчивых, обычно трехсложных словосочетаний [Ма Го-

фань, 1982, с. 179], например: 掉书袋 *diàoshūdài* ‘ронять мешки с книгами’ (блистать своей начитанностью).

В 80-е гг. прошлого века китайские лингвисты стали принимать *гуаньюньюй* за самостоятельный разряд фразеологических единиц, но, тем не менее, противоречия в определении данной категории фразеологизмов продолжались. Большинство китайских лингвистов к категории *гуаньюньюй* относят трехсложные глагольно-объектные сочетания, употребляющиеся как в прямом, так и в переносном смысле. Привычные выражения, состоящие из большого числа компонентов, являются редкостью. Некоторые ученые полагают, что *гуаньюньюй* преимущественно четырехсловный, а трехсловные сочетания они относят к отдельной категории трехсложных слов. Известный китайский лингвист Вэнь Дуаньчжэн полагает, что недостаточная изученность проблемы является причиной наличия таких отличающихся друг от друга точек зрения. Он считает, что *гуаньюньюй* является самостоятельным разрядом фразеологизмов [Вэнь Дуаньчжэн, 2005, с. 25]. Некоторые ученые считают, что *гуаньюньюй* является разновидностью поговорок [Кожевников, 2022, с. 71]. Заметим, что ряд трудностей для исследователей при разграничении сверхсловных единиц в китайском языке представляет размытость границы терминов, номинирующих их [Красикова, 2024, с. 111]. Е. А. Красикова отмечает, что «основания для классификации фразеологических единиц в первую очередь зависят от структуры языка, а также от того материала, который классифицирует исследователь» [Там же, с. 105].

Гуаньюньюй представляет тип устойчивого словосочетания, воспроизводимого в готовом виде, которое утратило свое прямое значение и обрело переносно-образное. Некоторые из обнаруженных в древних источниках привычные выражения в настоящее время активно используются в речи китайцев без изменения первоначального вида, например: 登龙门 *dēnglóngmén* ‘взойти на драконовые ворота’ (получить престижную должность с помощью влиятельных лиц; стать знаменитым).

Проблема возникновения *гуаньюньюй* является одной из самых актуальных проблем китайской фразеологии, при этом установить время их появления невозможно.

Согласно статистике, приводимой в статье «Исследование современных китайских *гуаньюньюй* и преподавание китайских *гуаньюньюй* иностранцам», около 80 % взрослого населения Китая употребляют в речи *гуаньюньюй* [У Цюн, 2016, с. 192]. В работе «Исследование семантики китайских *гуаньюньюй*» отмечается, что *гуаньюньюй* носят в основном пейоративный характер и отражают недовольство людей по отношению к событиям, происходившим в обществе, но при этом уничижительная форма не произносится напрямую – в китайском менталитете не принято показывать злость или недовольство открыто. Например, 唱高调 *chàng gāodiào* ‘петь высокую мелодию’ (заниматься краснобайством; бросаться громкими фразами); 拍马屁 *pāimǎpì* ‘хлопать коня по крупу’ (подхалимничать; льстить).

Как и любая другая устаревшая лексика, используемые в древних текстах привычные выражения постепенно выходят из употребления, так как с развитием общества они не могут отражать новые социальные явления, но в то же время появляются и новые *гуаньюньюй*. Например, выражение 蒜你狠 *suànnǐhěn* ‘чеснок, ты жесток’ стало популярным в интернет-среде после того, как в 2010 г. цены на чеснок резко увеличились (более чем в 100 раз) и по стоимости превысили цены на мясо и яйца. Данный *гуаньюньюй* являлся выражением-насмешкой в ответ на новости о повышении цен на чеснок. Стоит отметить, что сегодня китайские пользователи социальных сетей практически не используют данное выражение, так как ситуация с чесноком больше не является актуальной.

Известно, что информация, расположенная на китайских веб-страницах, цензурируется властями страны для того, чтобы подавлять критику правительства и обеспечивать контроль над населением Республики. В связи с этим существуют специальные привычные выражения для обмана цензоров, позволяющие пользователям сети открыто выражать мнение относительно различных политических тем. В качестве примера приведем выражение 擦边球

cābīānqiú ‘коснувшийся края мяч’, которое в настольном теннисе имеет значение «крайний мяч / касательный мяч». В Интернете данное выражение используется для описания действий человека или какой-либо организации, которые технически законны, но на деле не вызывают уважения у общественности. Данное выражение также означает избегание острых моментов или проблемных ситуаций во время разговора, кроме того, оно может использоваться в отношении тех, кто полагается только на удачу для достижения успеха.

Одними из главных источников появления новых *гуаньюньюй* в интернет-коммуникации являются ситуации, которые вызвали широкий резонанс в интернет-сообществе. На их основе пользователи сети и создают привычные выражения. Например, выражение 躲猫猫 *duǒmāomāo* имеет значение ‘играть в жмурки’. Оно стало популярно среди пользователей Интернета после внезапной смерти молодого мужчины в полицейском следственном изоляторе провинции Юньнань в феврале 2009 г. Полиция сообщила, что причиной смерти стала травма головы, которая была получена во время игры в жмурки с сокамерниками. После того как об этом инциденте стало известно, общественность усомнилась в правдивости данного объяснения, так как людям тяжело было представить взрослых мужчин, играющих в изоляторе в детскую игру, которая еще и убила одного из них. Выражение тут же стало популярным в Интернете и стало обозначать случаи «странной» гибели людей, содержащихся под стражей.

Из приведенных выше примеров мы можем увидеть, что *гуаньюньюй*, используемые в Интернете, имеют широкий диапазон эмоциональной окраски – от преимущественно уничижительной до ироничной. *Гуаньюньюй* являются отражением истории Китая и жизни китайского народа, благодаря чему мы имеем возможность отследить определенные события, их развитие и реакцию людей на них. Привычные выражения являются важной частью коммуникации большинства китайцев, так как благодаря краткой форме, но емкому содержанию говорящий может в полной мере передать свои чувства и эмоции.

Метафора – (от греч. *metaphora* – перенос) – вид тропа: переносное значение слова, основанное на уподоблении одного предмета или явления другому¹.

Метафора – это сложное явление, которое онтологически связано с человеком, оно пронизывает язык и культуру и отражает связь между мышлением и особенностями языковой реализации. Метафорические приемы позволяют сделать описание объектов ярким и наглядным, а также вызывают ассоциации и «включают» воображение, что придает им большую выразительность [Чжан Сюэмэй, 2022, с. 19]. Метафора является стилистическим средством для создания эффектных образов, способом воздействия на оппонента, средством познания действительности, а также способом передачи «картины мира» народа. А. Зибин и О. А. Солопова отмечают, что в разных языках, культурах и дискурсах метафора обладает специфическими чертами, так как зависит от «особенностей опыта взаимодействия того или иного сообщества, проживающего в определенных географических и социальных условиях, с физическими объектами окружающего мира» [Зибин, Солопова, 2024, с. 19].

Ученые не рассматривают метафору только как стилистическую фигуру или троп. «Она пронизывает концептуальную концепцию человека, существуя не только и даже не столько в области языка, сколько в области мысли и действия» [Кубрякова, 1992, с. 34]. В отличие от традиционного «лингвистического» понимания метафоры, когнитивная метафора является универсальным свойством мышления. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, она не принадлежит только сфере языка и может быть выражена вербально и невербально. Метафора представляет процесс, происходящий на уровне человеческого мышления и впоследствии отражающийся в языковых структурах. Лакофф и Джонсон описывают когнитивную метафору как взаимодействие двух доменов: домена-источника и домена-цели. В когнитивной лингвистике концептуальная метафора означает пересечение знаний об одной концептуальной области в другой концептуальной области.

¹ Словарь литературоведческих терминов. URL: <https://slovar.cc/lit/term/2145211.html> (дата обращения 05.06.2022).

Китайский лингвист Ван Цзиньань отметил, что образование слов на основе метафоры является одним из распространенных способов создания слов среди пользователей Интернета и важным методом обогащения сетевого сленга [Ван Цзиньань, Хэ Хайцзюй, 2024, с. 85]. Отметим, что популярные интернет-выражения, созданные с помощью метафоры, в основном воспринимаются только в контексте их нового значения [Лю Хуэй, Лю Цзыхуэй, 2019, с. 79]. Для того чтобы подробнее исследовать модели метафоризации современных *гуаньюньюй*, мы рассмотрим популярные в Интернете привычные выражения с точки зрения разных видов концептуальной метафоры, сущность которой «состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 389].

Хотя вариативность системы концептуальных метафор определяется социальными, историческими и этнокультурными факторами [Зибин, Солопова, 2024, с. 20], в данной работе мы рассматривали привычные выражения на основе классификации, предложенной отечественным лингвистом А. П. Чудиновым, который выделил четыре вида метафоры [Чудинов, 2013, с. 35–36].

1. Природоморфная метафора – метафора, для построения которой используются явления природы (в том числе животные, растения, вода и всё, что не создано руками человека).

吃土 *chī tǔ* ‘есть землю’ – часто встречающееся в Интернете выражение, используемое для того, чтобы в шуточной или саркастической форме указать на отсутствие денег. Данный *гуаньюньюй* приобрел популярность в 2015 г. во время глобальной ежегодной распродажи «11.11». После того как люди потратили большое количество денег на шопинг, они писали, что у них больше нет средств и теперь как минимум до зарплаты им придется питаться землей.

Выражение 泼冷水 *pō lěngshuǐ* ‘облить холодной водой’ обладает уничижительным оттенком и означает ‘гасить энтузиазм’; ‘охладить пыл’; ‘разочаровать’. Когда один человек испытывает сильное желание поделиться историей или рассказать какую-нибудь идею, а другой человек не проявляет никакого интереса и не участвует в беседе, разочарование может быть таким же неприятным, как если вылить ведро холодной воды на голову.

Природоморфную метафору можно разделить на зооморфную и фитоморфную. **Зооморфная метафора** рассматривается как результат метафорического переноса, при котором свойства животного приписываются человеку, а поведение человека уподобляется поведению животного.

Зооморфная метафора бывает двух типов:

1) номинативная метафора, которая состоит в замене одного значения другим. Данный вид метафоры не характеризует человека;

2) образная метафора появляется в результате перехода определяющего значения в предикатное. В семантике образных метафор преобладает эмоционально-оценочный признак, а по своей структуре они являются синтаксически обусловленными.

Метафоры с использованием животных помогают четко и ярко описывать людей, их эмоции и поведение в той или иной ситуации. Зооморфизмы распространены во многих языках. Однако в различных странах через образы животных могут характеризоваться разные, порой противоположные качества человека. Н. В. Солнцева отмечала: «Всякое животное имеет специфические черты, повадки, которые человек не может не заметить или которые он изучил в долгом процессе общения с животными. В этом случае один народ найдет эти черты и повадки привлекательными, другой неприятными» [Солнцева, 2004, с. 60]. Именно поэтому понимание символического значения животных в конкретной культуре помогает лучше узнать менталитет и языковую традицию народа. В современных привычных выражениях в качестве метафор чаще всего можно встретить разных представителей животного мира, таких как собака, кошка, свинья и т. д.

Собака в китайской культуре считается символом верности и преданности, но в китайском интернет-сленге данный символизм часто умаляется и используется в других значениях:

单身狗 *dānshēngǒu* (досл. 'одинокая собака') используют одинокие интернет-пользователи, чтобы в саркастической форме обозначить, что у них нет романтических отношений: 我是单身狗 快乐且自由 *wǒ shì dānshēn gǒu kuàilè qiě zìyóu* 'Я одинокая собака, счастливая и свободная'. В последнее время также используется для обращения к другим людям в несколько уничижительном смысле.

撒狗粮 *sā gǒuliáng* 'кидать собачий корм' означает 'публично показывать отношения / чувства со второй половинкой'. Данное интернет-выражение связано с гуаньюньюй 单身狗 *dānshēngǒu* 'одинокая собака': «Кидать собачий корм» значит 'демонстрировать чувства перед «одинокой собакой»'.

В Интернете можно встретить выражение 虐狗 *niègǒu* 'мучить собаку', которое также означает 'выставлять романтические отношения напоказ перед «одинокой собакой», тем самым причиняя этому человеку душевную боль.

吃狗粮 *chī gǒuliáng* 'есть собачий корм' также связано с «одинокой собакой» и имеет значение 'глазеть на обнимающиеся парочки и завидовать им'.

Выражение 钓鱼 *diào yú* 'удить рыбу' помимо прямого значения также означает 'обольщать кого-то'; 'засыпать (на учебе или работе)'. Но в Интернете чаще всего означает привлечение людей к различным постам на форумах при помощи громких заголовков. Кто-то также может написать пост на серьезную тему, но специально допустить в нем какие-либо ошибки, чтобы люди указывали на эти ошибки в комментариях, тем самым создавая активность под постом, т. е. 钓鱼 означает 'одурачивать людей при помощи «приманки»'.

吃鸡 *chī jī* 'есть курицу' означает 'занять первое место'. Выражение пришло из компьютерной игры «PlayerUnknown's Battlegrounds», в которой в случае первого места высвечивается фраза 大吉大利, 晚上吃鸡, которая является калькой с английского «Winner winner, chicken dinner».

Далее рассмотрим **фитоморфную метафору**, основанную на сравнении с растениями. В фитоморфных метафорах используются названия растений, их свойства, части, урожай, действия, совершаемые над растениями, и другие слова, относящиеся к флоре. Т. С. Вершинина отмечает, что «...для фитоморфной метафоры (в отличие от зооморфной) в целом нехарактерна негативная эмоциональная оценка» [Вершинина, 2002, с. 14].

Одним из примеров фитоморфной метафоры является популярный в Интернете гуаньюньюй 吃瓜 *chīguā* 'есть арбуз' (наблюдать со стороны). Во время интервью пожилой мужчина на один из вопросов репортера он ответил: «Я ничего не знаю, в то время я ел арбуз». Позже один из пользователей сети оставил в комментариях под новостным выпуском следующий текст: «我只是个不明真相的吃瓜群众» («Я всего лишь обычный человек, который ест арбуз и не знает правды»), после чего выражение 吃瓜 стало популярным. Данный гуаньюньюй используется по отношению к людям, которые не высказывают своего мнения о той или иной теме и только наблюдают за дискуссией со стороны.

Выражение 干饭人 *gānfàn rén* 'человек – отварной рис' пользователи сети употребляют в значении «обжора; любитель поесть». Данное выражение появилось благодаря блогеру, который снимал видеоролики в социальной сети 抖音 *dǒuyīn*. Мужчина часто появлялся в кадре, держа в руках миску с отварным рисом, при этом он произносил фразу «干饭了, 干饭了» («Пора есть рис, пора есть рис»). Во время съемки очередного такого видео он, сидя на корточках, решил показать тарелку на камеру, а в этот момент его домашняя курица попыталась выхватить кусочек мяса из его миски. Когда мужчина заметил это, он решил отогнать курицу ногой, но потерял равновесие и упал назад. Видео быстро стало популярным, а в китайской интернет-лексике появилось новое выражение ².

² Цзиньжи жэгэн. Цзуйцзинь хэньхо дэ «ганьфаньжэнь» шиша? [今日热梗. 最近很火的“干饭人”是啥?]. Сегоднешний популярный мем. Что значит популярное сейчас выражение «ганьфаньжэнь» (干饭人)? URL: <https://>

Гуаньюньюй 种草 *zhòngcǎo* ‘сеять траву’ означает ‘рекомендовать товар’. Выражение относится к эффекту, когда кто-то видит какую-то классную вещь в рекламе или у блогера и хочет ее приобрести. Размещение видео с рекламой продукта в социальных сетях называется «сеяние травы», а человек, который публикует данное видео и распространяет его, – «сеятель».

2. Артефактная метафора – метафора, построенная на ассоциации с вещами, созданными руками человека.

Примерами артефактных метафор являются такие выражения, как 拍砖 *pāizhuān* ‘бросать кирпичи’, что означает ‘критиковать’ или ‘сделать резкое замечание’. Оно обычно используется для описания ситуации, когда люди в дискуссии или общении на интернет-платформах высказывают резкие, критические комментарии или возражения по отношению к чьему-то мнению, идее или предложению. Эти комментарии могут быть довольно прямолинейными и даже жесткими, подобно тому, как кто-то бросает кирпичи, поэтому данное выражение и приобрело такое название.

吃货 *chīhuò* ‘есть товар’ имеет значение ‘человек, который любит поесть; гурман’. В общеупотребительном языке выражение относится к людям, которые действительно разбираются в еде, знают, как ее правильно оценить и описать вкус. В Интернете данным выражением принято называть только красивых девушек, которые едят на камеру и тем самым вызывают у пользователей повышенный аппетит.

В интернет-пространстве выражение 领盒饭 *lǐng héfàn* ‘получить еду в контейнере’ означает ‘смерть персонажа в сериале или фильме’. Когда главный герой фильма или сериала по сюжету умирает, актер, играющий его, как правило, завершает работу в этом проекте и, после того как он получит положенный обед в контейнере, покидает съемочную площадку. Впоследствии выражение стало также означать уход из проекта или увольнение.

3. Антропоморфная метафора – метафора, в основе которой лежит человек.

Например, гуаньюньюй 烧脑 *shāonǎo* ‘жечь мозги’ относится к людям, которые очень много учатся или слишком много думают. Выражение является юмористическим и основано на сходстве с работой электроприборов: если напряжение тока слишком высокое, электрические приборы сгорают, так же «горит» мозг, если его долго напрягать, что впоследствии приводит к переутомлению и снижению работоспособности.

Выражение 吐血 *tùxiě* ‘тошнить кровью’ обозначает тоску, безнадёгу или раздражение. Например, если человек прочитал или узнал какую-то информацию, которая вызвала у него сильную ярость, то он может очень разозлиться и даже испытать трудности с контролем эмоций. В таком случае он описывает состояние, как «легкие разрываются, и тошнит кровью от гнева».

Некоторые ученые выделяют еще один вид концептуальной метафоры – **телесную метафору**, которая представляет собой «установление нового смыслового соответствия по каким-либо определенным признакам между двумя различными содержаниями, хотя бы одно из которых представлено в телесном выражении» [Баскаков, 2006, с. 172]. Человеческое тело определяется как один из самых типичных метафорических источников [Chudinov, Shustrova, 2024, p. 198].

Выражение 辣眼睛 *làyǎnjīng* ‘жжет глаза’ относится к поведению человека, фото или видео, которые вызывают неприязнь или отвращение, будто в глаза попал перец и жжет глаза. Данное выражение стало популярным после того, как китайский блогер Лю Цзычэнь, который стал известен благодаря любви к пластическим операциям, выложил в микроблоге несколько непристойных коротких видео с девушкой. Пользователи сети были шокированы содержанием данных видео и стали писать в комментариях о том, что им жжет глаза и их

www.bilibili.com/video/av797871805/?spm_id_from=333.788.player.player_end_recommend_autoplay (на кит. яз.) (дата обращения 21.12.2022).

нужно срочно промыть водой. Таким образом *гуаньюньюй* 辣眼睛 стал популярным интернет-выражением для описания какого-либо неприятного зрелища.

抱大腿 *bàodàtǔi* ‘обнимать бедра’ – образное выражение, означающее ‘цепляться за влиятельных лиц, чтобы достичь целей’. Данный *гуаньюньюй* можно встретить в комментариях к постам, связанным с шоу-бизнесом. Его используют в уничижительной форме по отношению к новым артистам, которые полагаются на опытных и известных исполнителей, чтобы как можно быстрее добиться успеха и завоевать популярность.

Выражение 剁手 *duòshǒu* ‘отрубить руки’ относится к людям, зависимым от онлайн-покупок. Они постоянно тратят деньги на ненужные им товары и ничего не могут с этим сделать. И остановиться они смогут, только если им «отрубить руки».

卖肾 *màishèn* ‘продавать почку’ – шутовское выражение, означающее, что человек готов на что угодно ради покупки (на вырученные деньги от продажи органа) какой-то очень дорогой вещи. Словосочетание связано с реальными случаями, когда китайцы продавали свои органы за новую модель техники компании «Apple».

4. Социоморфная метафора – метафора, связанная с общественной жизнью и происходящими в ней событиями. Частью такой метафоры являются милитарная метафора, спортивная метафора, театральная метафора и т. д. Среди найденных нами в Интернете *гуаньюньюй* мы можем выделить выражения, относящиеся к **милитарной метафоре**. Милитарная, или военная, метафора содержит в составе слова, связанные с военными действиями, названиями оружия и т. д.

Например, 排雷 *páiléi* ‘обезвредить мину’ – *гуаньюньюй*, который в Интернете означает фильтрацию информации на различных сайтах, позволяющую другим людям «не наступать на мины», т. е. не попадаться на веб-сайты с сомнительным контентом. Выражение построено на аналогии с реальным процессом обезвреживания наземных мин, результат которого помогает сохранить жизни людей.

Гуаньюньюй 爆雷 *bàoléi* ‘взрывать мину’ означает ‘преждевременно раскрывать основную сюжетную линию’, например, фильма или книги. Выражение произошло от слова 雷文 *léiwén* ‘минная статья’, т. е. статья, раскрывающая весь сюжет художественного произведения (фильма, романа, театральной пьесы и т. д.). Название связано с тем, что такого рода статьи подобны наземным минам: невозможно понять, о чем будет текст, пока не прочитаешь его и случайно не узнаешь сюжет произведения, которое ты только собирался посмотреть или прочесть.

Первоначально интернет-выражение 破防 *pòfáng* ‘прорыв обороны’ означало ‘прорыв обороны противника в онлайн-игре’, в результате чего соперник теряет возможности для защиты. Сегодня *гуаньюньюй* расширил значение и обозначает человека, который испытывает эмоциональное потрясение от какой-либо увиденной информации, и его психологическая защита оказывается сломленной. В Интернете можно встретить *гуаньюньюй*, которые не подходят ни под одну выделенную выше категорию концептуальной метафоры, но они также нередко употребляются пользователями сети.

Выражение 卖萌 *màiméng* ‘продавать очарование’ (намеренно пытаться быть милым). Слово «萌» произошло от японского слова «Моэ», которое обозначает чрезмерно обаятельную героиню японского аниме и употребляется китайскими пользователями сети в значении ‘мило; милый’. В Интернете выражение 卖萌 обычно употребляется в двух значениях: 1. Нарочно притворяться милым, чтобы произвести впечатление на других. 2. В негативном смысле «привлекать внимание; устраивать шоу».

Выражение 躺平 *tǎngpíng* ‘лежать плашмя’ – интернет-выражение, относящиеся к желанию многих молодых людей в Китае отказаться от тяжелой работы, не работать сверхурочно, не стремиться к каким-либо высоким достижениям, а просто «лежать» и жить спокойной, размеренной жизнью. Как-то один пользователь сети опубликовал пост на форуме «Байду», где рассказал о своей философии жизни 躺平 [Морозова, Золотарева, 2024, с.12]. Этот пост

быстро стал популярным в Интернете и вызвал широкую дискуссию о том, должна ли современная молодежь следовать данному стилю жизни.

Выражение 吃青春饭 *chī qīngchūn fàn* ‘питаться молодежной едой’ относится к молодым людям, которые стараются максимально использовать молодость при выборе работы. Они полагаются на юношеское обаяние, чтобы построить успешную карьеру. Фраза 青春饭 имеет значение ‘работа для молодежи’ и относится к тем видам деятельности, где предъявляют высокие требования к возрасту, внешности и телосложению кандидатов, как, например, моделинг, актерство, обслуживание на борту самолета и т. д.

Выражение 摆烂 *bǎilàn* ‘опустить руки’ означает ‘позволить вещам, которые и так находятся в плохом положении, продолжать развиваться в этом направлении’. Как отмечают В. С. Морозова и А. А. Золотарева: «феномен 摆烂 («опустить руки») – закономерное продолжение общей пессимистической тенденции китайской молодежи» [Там же]. Данное выражение относится к людям, которые не хотят стараться изо всех сил, а предпочитают ничего не делать и позволить всему идти своим чередом, даже если результаты могут быть плохими и навредить другим людям. Это интернет-выражение часто используют по отношению к игрокам онлайн-игр, которые, зная, что их соперник очень сильный или их товарищи по команде слишком слабые, перестают бороться за победу, а играют просто так.

Исследовав интернет-гуаньюньюй, созданные с помощью метафоры, мы пришли к следующим выводам.

1. Зооморфная метафора является основным способом формирования привычных выражений. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что китайцы используют зооморфную метафору как наиболее точный и яркий способ описать людей, их эмоции и поведение в различных жизненных ситуациях.

2. Образование гуаньюньюй с глаголом 吃 *chī* ‘есть’, а также с гастрономическими компонентами наглядно демонстрирует особенность китайской культуры, в которой еда занимает очень важное место.

3. Группа гуаньюньюй, в составе которых содержатся названия частей тела или органов, является второй по количеству входящих в нее выражений, что также отражает особенность китайской картины мира, где человеческому организму отводится особое место. Знание того, с чем животное, растение, часть тела и т. д. ассоциируется у китайцев, позволяет понимать переносно-образное значение используемых гуаньюньюй, таким образом может быть налажено взаимопонимание в рамках коммуникации между носителем и не носителем языка.

Список литературы

- Баскаков В. Ю.** Российская телесно-ориентированная психотерапия в лицах. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2006. 208 с.
- Вершинина Т. С.** Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
- Зибин А., Солопова О. А.** Метафора в языке, культуре и дискурсе: исследовательская повестка дня // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 1. С. 7–32.
- Кожевников И. Р.** Привычные выражения (гуаньюньюй) в современном китайском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 223 с.
- Красикова Е. А.** Основания классификации фразеологизмов в китайском, английском и русском языках // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2024. № 2. С. 103–115.
- Кубрякова Е. С.** Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 2–38.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

- Морозова В. С., Золотарева А. А.** Интернет-феномены 平躺 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение современных ценностей китайской молодежи // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 9–24.
- Солнцева Н. В.** Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 221 с.
- Чудинов А. П.** Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 176 с.
- Chudinov A. P., Shustrova E. V.** Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results // Russian Journal of Linguistics. 2024. No. 28 (1). P. 190–209.
- Ван Цзиньань, Хэ Хайцзюй.** Цун «го» дэ тунсуцзу ванло люсинюй кань ци цзаоцы цзаюй цзичжи [从“锅”的同素族网络流行语看其造词造语机制]. Исследование механизма образования популярных в интернете слов и выражений с компонентом 锅 // Хайся жэнь-вэньсюэ кань. 2024. № 4 (02). С. 82–90, 158. (на кит. яз.)
- Вэнь Дуаньчжэн.** Суюй яньцзю юй таньсо: суюй дэ синчжи, фаньвэй хэ фэньлэй [温端政。俗语研究与探索: 俗语的性质、范围和分类]. Народные речения: их природа, употребление и классификация. Шанхай: Шанхай сышу чубаньшэ, 2005. 229 с. (на кит. яз.)
- Лю Хуэй, Лю Цзыхуэй.** Сюцыгэ цзай ванло юйянь чжун дэ юньюн цэлюэ [修辞格在网络语言中的运用策略]. Стратегии применения стилистических фигур в интернет-языке // Вестник Нанкинского университета Сяочжуан. 2019. № 35 (03). С. 77–80, 88. (на кит. яз.)
- Ма Гофань.** Гуаньюньюй [马国凡。惯用语]. Гуаньюньюй. Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1982. 335 с. (на кит. яз.)
- У Цюн.** Сяньдай ханьюй гуаньюньюй юй дуйвай ханьюй шуаньюньюй цзяосюэ яньцзю [吴琼。现代汉语惯用语与对外汉语惯用语教学研究]. Исследование современных китайских гуаньюньюй и преподавание китайских гуаньюньюй иностранцам // Сяньдай цзяоци. 2016. № 8. С. 192–193. (на кит. яз.)
- Чжан Сюмэй.** Цяньси ханьюй ванло юйянь чжун сюцы фанфа дэ юньюн [浅析汉语网络语言中修辞方法的运用]. Краткий анализ применения стилистических приемов в китайском интернет-языке // Дуйлянь. 2022. № 28 (20). С. 18–20. (на кит. яз.)

References

- Baskakov V. Yu.** Rossiiskaya telesno-orientirovannaya psikhoterapiya v litsakh [Russian body-oriented psychotherapy in persons]. Moscow, Institute for General Humanitarian Studies, 2006, 208 p. (in Russ.)
- Chudinov A. P.** Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii [Essays on Modern Political Metaphorology]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Uni. Press, 2013, 176 p. (in Russ.)
- Chudinov A. P., Shustrova E. V.** Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, no. 28 (1), pp. 190–209.
- Kozhevnikov I. R.** Privychnye vyrazheniya (guan'yun'yui) v sovremenном kitaiskom yazyke [Fixed expression (guanyongyu) in Modern Chinese]. Thesis Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2002, 223 p. (in Russ.)
- Krasikova E. A.** Osnovaniya klassifikatsii frazeologizmov v kitaiskom, angliiskom i rusском yazykakh [The basis for the classification of phraseological units in Chinese, English and Russian]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6, Linguistics], 2024, no. 2, pp. 103–115. (in Russ.)
- Kubryakova E. S.** Problemy predstavleniya znaniy v sovremennoi nauke i rol' lingvistiki v reshenii etikh problem [Problems of Knowledge Representation in Modern Science and the Role of Linguistics in Solving These Problems]. In: *Yazyk i struktury predstavleniya znaniy* [Language

- and structures of knowledge representation]. Moscow, ISSS RAS Publ., 1992, pp. 2–38. (in Russ.)
- Lakoff G., Johnson M.** Metaforý, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. In: Teoriya metaforý [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress, 1990, pp. 387–415. (in Russ.)
- Morozova V. S., Zolotareva A. A.** Internet-fenomeny 平躺 (“lezhats’ plashmya”) i 摆烂 (“opustit’ ruki”) kak otrazhenie sovremennykh tsennostei kitaiskoi molodezhi [平躺 (“lying flat”) and 摆烂 (“put your hands down”) internet-phenomena as a reflection of Chinese youth contemporary values]. *Sovremennaya Aziya: politika, ekonomika, obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 1, pp. 9–24. (in Russ.)
- Solntseva N. V.** Sopostavitel’nyi analiz zoonimov russkogo, frantsuzskogo i nemetskogo yazykov v etnosemanticheskom aspekte [Comparative analysis of zoonyms in Russian, French and German languages in ethnosemantic aspect]. Thesis Cand. Philol. Sci. Diss. Omsk, 2004, 221 p. (in Russ.)
- Vershinina T. S.** Zoomorfnaya, fitomorfnaya i antropomorfnaya metafora v sovremennom politicheskom diskurse [Zoomorphic, phytomorphic and anthropomorphic metaphor in modern political discourse]. Thesis Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2002, 24 p. (in Russ.)
- Zibin A., Solopova O. A.** Metafora v yazyke, kul’ture i diskurse: issledovatel’skaya povestka dnya [Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda]. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 7–32. (in Russ.)
- Liu Hui, Liu Zihui.** Xiucige zai wangluo yuyan zhong de yunyong celue [刘惠,刘自晖。修辞格在网络语言中的运用策略]. Application Strategies of Rhetorical Figures in Internet Language. *Journal of Nanjing Xiaozhuang University*, 2019, no. 35 (03), pp. 77–80, 88. (in Chin.)
- Ma Gofan.** Guanyongyu [马国凡。惯用语]. Guanyongyu. Hohhot, Neimenggu renmin chubanshe, 1982, 335 p. (in Chin.)
- Wen Duanzheng.** Suyu yanjiu yu tansuo: suyu de xingzhi, fanwei he fenlei [温端政。俗语研究与探索：俗语的性质、范围和分类]. Research and Exploration of Common Sayings: The Nature, Scope and Classification of Common Sayings. Shanghai, Shanghai sishu chubanshe, 2005, 229 p. (in Chin.)
- Wang Jin’an, He Haiju.** Cong “guo” de tongsuzu wangluo liuxingyu kan qi zaoci zaoyu jizhi [王进安, 何海菊。从“锅”的同素族网络流行语看其造词造语机制]. Looking at the Word and Language Formation Mechanism of “Guo” from its Homomorphemic Network Popular Phrases. *Haixia renwenxue kan*, 2024, no. 4 (02), pp. 82–90, 158. (in Chin.)
- Wu Qiong.** Xiandai hanyu guanyongyu yu duiwai hanyu guanyongyu jiaoxue yanjiu [吴琼。现代汉语惯用语与对外汉语惯用语教学研究]. Research on Modern Chinese Fixed Expression and the Teaching Chinese Fixed Expression to Foreigners. *Xiandai jiaoji*, 2016, no. 8. pp. 192–193. (in Chin.)
- Zhang Xiumei.** Qianxi Hanyu wangluo yuyan zhong xiuci fangfa de yunyong [A Brief Analysis of the Application of Rhetorical Devices in Chinese Internet Language]. *Duilian*, 2022, no. 28 (20), pp. 18–20. (in Chin.)

Информация об авторе

Александр Николаевич Сбоев, кандидат филологических наук
RSCI Author ID 824951
SPIN 1593-8610

Information about the Author

Aleksandr N. Sboev, Candidate of Sciences (Philology)
RSCI Author ID 824951
SPIN 1593-8610

*Статья поступила в редакцию 14.10.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2025; принята к публикации 31.01.2025
The article was submitted on 14.10.2023;
approved after review on 19.01.2025; accepted for publication on 31.01.2025*

Научная статья

УДК 930.85

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-78-89

Ван Чун о солнце, небе, звёздах и дожде

Антон Эдуардович Терехов

Институт восточных рукописей Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

aterekhoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4599-3424>

Аннотация

Статья представляет собой подробное изложение и анализ главы «Шо жи» («Толкование [представлений о] солнце») трактата «Лунь хэн» («Весы суждений») выдающегося древнекитайского мыслителя Ван Чуна (27–102?). Рассматривается ряд проблем астрономического и космологического характера, в частности взгляды на форму неба, характер движения солнца и луны, механизм солнечных затмений, представления мифологического характера (о десяти солнцах и о якобы живущих на небесных светилах существах), а также природа звёзд и процесс возникновения дождя. В ходе изложения подробно анализируются источники утверждений, критикуемых Ван Чуном, а также его собственные взгляды на рассматриваемые феномены. В итоге делаются выводы о ценности главы как источника по древнекитайским астрономическим и космологическим идеям, неизвестным по другим текстам, а также о специфике его представлений об устройстве мироздания, в котором небо мыслится вращающимся параллельно земле плоским диском, по которому в обратную сторону движутся солнце и луна, приближение и удаление которых от наблюдателя создает иллюзию восхода и заката.

Ключевые слова

Ван Чун, «Лунь хэн», древнекитайская астрономия, древнекитайская космология, солнце, небо, звёзды, дождь

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01065, <https://rscf.ru/project/24-28-01065/>

Для цитирования

Терехов А. Э. Ван Чун о солнце, небе, звёздах и дожде // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 78–89. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-78-89

Wang Chong on the Sun, Heaven, Stars and Rain

Anthony E. Terekhov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

aterekhoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4599-3424>

Abstract

This article is a detailed exposition and analysis of the chapter *Shuori* (*Explanation of [Ideas about] the Sun*) of the treatise *Lunheng* (*Balanced Discussions*) by the outstanding Early Chinese thinker Wang Chong (27–102?). It examines a number of problems of an astronomical and cosmological nature, in particular the views on the shape of the heaven, the nature of the movement of the sun and moon, the mechanism of solar eclipses, mythological ideas (ten suns and creatures supposedly living on the heavenly bodies), as well as the nature of the stars and the process of rain. The exposition is accompanied by the thorough study of the sources of statements criticized by Wang Chong, and his own views on the phenomena in question, as well as correction of some errors in the English translation by A. Forke. As a result, conclusions are drawn about the high value of the chapter as a source on ancient Chinese astronomical and

© Терехов А. Э., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 78–89

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 78–89

cosmological ideas not covered in other texts, as well as about the specificity of his ideas about the structure of the universe, in which heaven is considered to be a flat disk rotating parallel to the Earth, along which the sun and moon move in the opposite direction, creating the illusion of rising and setting as they approach to and withdraw from the observer.

Keywords

Wang Chong, *Lunheng*, Early Chinese astronomy, Early Chinese cosmology, sun, heaven, stars, rain

Acknowledgements

The paper was made possible with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01065, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01065/>

For citation

Terekhov A. E. Wang Chong on the Sun, Heaven, Stars and Rain. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 78–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-78-89

Трактат «Лунь хэн» (論衡 «Весы суждений») древнекитайского мыслителя Ван Чуна (王充, 27–102? гг.) посвящен критике традиционных представлений в самых разных сферах: естествознании, философии, религии, политической идеологии, литературоведении и др. Глава «Шо жи» (說日 «Толкование [представлений о] солнце»), посвящена, как и следует из названия, развенчанию различных взглядов на природу солнца, а также затрагивает некоторые проблемы, связанные с небом, звёздами и дождем¹. Содержание главы можно поделить на 13 тематических блоков, в каждом из которых рассматривается один или несколько тезисов. На русский язык эта глава ранее не переводилась; существует ее полный перевод на английский язык, выполненный в начале прошлого века А. Форке [Lun-Hêng, 1907, p. 258–277], однако он содержит множество неточностей и несколько серьезных ошибок.

Отдельные фрагменты этой главы часто используются в работах, посвященных древнекитайской науке и, в частности, астрономии (см., например, [Needham, 1959, p. 20, 214–215, 218, 226, 411–414, 436, 477; Панченко, 2016, с. 59, 83, 328; Чэнь Мэйдун, 2008, с. 95–98]). Тем не менее, важным для понимания как собственной космологической системы Ван Чуна, так и контекста, в котором она складывалась, представляется комплексное изучение содержания главы во всей его полноте с учетом источников критикуемых им утверждений и его собственной позиции по рассматриваемым вопросам. Именно эту задачу и призвана решить настоящая публикация, представляющая собой подробное изложение содержания главы с замечаниями, касающимися указанных выше проблем. За пределами рассмотрения остается аргументация Ван Чуна, представляющая отдельный исследовательский интерес.

I. Почему солнце видно днём и не видно ночью [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 485]

Глава начинается с высказывания «учёных» (儒者 *жу чжэ*), заявляющих, что солнце становится невидимым ночью, поскольку погружается в «иньский [мрак]» (陰 *инь*), из которого выходит утром. Комментатор «Лунь хэн» Хуан Хуэй (黃暉, 1909–1974) отмечает, что это утверждение взято из трактата «Чжоу би суань цзин» (周髀算經 «Канон расчёта чжоуского гномона») [Там же], однако такой мысли там не содержится. Тем не менее, в составленном Ли Чуньфэном (李淳風, 602–670 гг.) астрономическом трактате из «Суй шу» (隋書 «Книга [об истории] Суй») этот тезис приписывается неким «специалистам по чжоускому гномону» (周髀家 *чжоу би цзя*) [Суй шу, 1982, цз. 19, с. 506]. Также подобное утверждение содержится в трактате «Синь лунь» (新論 «Новые рассуждения») Хуань Таня (桓譚, 43 г. до н. э. – 28 г. н. э.), где говорится, что «в то время, когда [солнце] только всходит, [оно] выходит из великого иньского [мрака] (太陰 *тай инь*)» [Синь цзи бэнь..., 2009, цз. 7, с. 29]. Ван Чун

¹ Несмотря на то, что в состав «Лунь хэн» входит глава «Тань тянь» (談天 «Замечания о Небе»), в ней астрономические проблемы практически не затрагиваются: там обсуждается миф о разрушении и починке неба, доказывается, что небо является телом, а не «дыханиями», а большая ее часть вообще посвящена спору о размерах земли [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 31, с. 469–484; Древнекитайская философия..., 1990, с. 272–279].

опровергает эту точку зрения, но собственное объяснение этого феномена приводит далее, ближе к концу главы.

II. Продолжительность дня в разные сезоны [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 485–488]

Далее Ван Чун переходит к проблеме продолжительности дня в разные сезоны. Первое мнение, которое он критикует, также приписывается «учёным», утверждающим, что зимой дни коротки, потому что солнце заслоняется иньскими дыханиями (氣 *инь*), а летом длинны, потому что янские дыхания не мешают ему. О влиянии *инь* и *ян* на продолжительность дня зимой и летом говорится в «Хуайнань-цзы», однако там оно объясняется иначе: утверждает, что *ян* отвечает за день, а *инь* – за ночь, и, поскольку летом преобладает *ян*, дни оказываются длиннее, чем ночи, а зимой наоборот [Хуайнань-цзы..., 1998, цз. 3, с. 238; Хуайнань-цзы..., 2016, с. 53]. Тем не менее, утверждение, совпадающее с приведенным Ван Чуном, опять же появляется среди тезисов «специалистов по чжоускому гномону» в астрономическом трактате из «Суй шу». Сам Ван Чун называет причиной рассматриваемого феномена разницу в длине пути, которое солнце проходит в разные сезоны.

Следующее утверждение приписывается гипотетическому собеседнику, который предполагает, что летом обильны располагающиеся на юге «янские дыхания», из-за чего небо поднимается и путь солнца становится длиннее, а зимой небо опускается, и путь солнца становится короче. Такого рода взгляды высказывались китайскими астрономами впоследствии, однако обнаружить их в более ранних источниках мне не удалось. Ван Чун объясняет этот феномен разницей в расстоянии между полюсом (極 *цзи*, т. е. осью, вокруг которой вращается небо) и созвездиями Дун цзин (東井 «Восточный колодец», соответствует созвездию Близнецов) и Цянь ню (牽牛 «Бык на привязи», соответствует созвездию Козерога), которых солнце достигает в периоды летнего и зимнего солнцестояния.

Заканчивается этот тематический блок вопросом о том, как мы можем видеть, что в середине лета солнце всходит в секторе неба *инь* и заходит в секторе *суй*². Ван Чун отвечает, что созвездие, которого солнце достигает летом, находится близко к людям, однако дальше начинает рассуждать о его близости к полюсу и о том, что если бы оно находилось рядом с полюсом, то «не было бы ночи и постоянно стоял бы день». Этот фрагмент (равно как и его связь с приведенным выше вопросом) не совсем ясен и, возможно, подвергся искажению.

III. Пути солнца [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 488]

Далее Ван Чун приводит мнение «учёных», согласно которому «у солнца и луны девять путей (九道 *цзю дао*)» разной длины, определяющих, в случае с солнцем, относительную продолжительность дня и ночи в разные сезоны. Конкретный источник этого утверждения неизвестен. В астрономическом трактате из «Хань шу» (漢書 «Книга [об истории Ранней] Хань») сообщается, что «у солнца есть срединный путь (中道 *чжун дао*), а у луны есть девять [путей] движения (九行 *цзю син*)» [Хань шу, 1964, цз. 26, с. 1294], что явно не соответствует мнению, приведенному Ван Чуном. Впрочем, в календарном трактате из того же памятника утверждается, что «у солнца девять путей» [Там же, цз. 216, с. 1007], однако что именно имеется в виду в данном случае, неясно.

Ван Чун отмечает, что путей у солнца больше, чем девять и заключает: «Солнце, двигаясь, [каждый] месяц следует по пути, [отличающемуся] на одну часть, и за год солнце проходит по небу шестнадцатью [разными] путями». Хуан Хуэй со ссылкой на цинского ученого Цянь Тана (錢塘, 1735–1790) соотносит эти пути с перечисленными в трактате «Хуайнань-цзы» 16 точками, через которые проходит солнце [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 488–489; Хуайнань-цзы..., 1998, цз. 3, с. 233–236; Хуайнань-цзы, 2016, с. 53], однако такое отождествление явно неверно: в «Хуайнань-цзы» говорится лишь о дневном пути солнца от восхода

² В данном случае использованы циклические знаки, ассоциирующиеся как с направлениями, так и с периодами суток. Знак *инь* (寅) соответствует востоку-северо-востоку и времени от 3 до 5 часов утра, а *суй* (戌) – западу-северо-западу и времени от 7 до 9 часов вечера.

до заката и ничего не сказано о его изменениях в разные сезоны. Логичнее предположить, что в современной версии «Лунь хэн» содержится ошибка, и в действительности речь должна идти не о шестнадцати, а о двенадцати путях солнца, соответствующих двенадцати месяцам года; двойка (二 *эр*) могла быть исправлена на шестёрку (六 *лю*) из-за того, что именно на 16 частей делился, согласно приведенному Ван Чуном выше утверждению, суточный путь солнца.

IV. Накренённость неба [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 489–492]

Следующий тематический блок касается в первую очередь проблемы формы неба. Прежде чем перейти к его анализу, следует сказать, что в научной литературе обычно выделяется три типа астрономических моделей: древнейшей считается появившаяся, по-видимому, в эпоху Чжоу (周, 1046–256 гг. до н. э.) и получившая развитие в трактате «Чжоу би суань цзин» (ок. 100 г. до н. э.) теория «неба [в форме] зонта» (蓋天 *гай тянь*), согласно которой над плоской землей располагается куполообразное небо, второй – сформировавшаяся к IV в. до н. э. концепция «всеобъемлющего неба» (渾天 *хунь тянь*), в которой небо воспринималось в качестве сферы, охватывающей землю (по-видимому, также шарообразную) со всех сторон, и возникавшая, вероятно, во II в. н. э. система «всеохватывающего мрака» (宣夜 *сюань е*), подразумевающая, что небо является пустотой, в которой свободно плавают светила [Духовная культура..., 2009, с. 109; Needham, 1959, p. 210–224].

Соответствующий раздел главы «Лунь хэн» начинается с опровержения анонимного рассуждения о том, что небо похоже на накренившийся зонт: высокое на юге и низкое на севере, поэтому днем, когда солнце оказывается на юге, его видно, а ночью, когда оно находится на севере – нет. В более ранних источниках такие воззрения не упоминаются, однако вновь приписываются «специалистам по чжоускому гномону» в астрономическом трактате «Суй шу».

Далее аноним утверждает, что северная граница неба опускается в землю, и солнце уходит в землю вслед за небом. Земля плотная, заслоняет солнце, и поэтому люди не видят его. Обнаружить этот тезис в более ранних источниках мне не удалось. Ли Чуньфэн считает, что в данном случае Ван Чун спорит с концепцией *хунь тянь*, согласно которой солнце в своем движении по небесной сфере опускается ниже земли [Суй шу, 1982, цз. 19, с. 508], однако и общий контекст, и формулировка вопроса говорят о том, что речь всё еще идет о варианте теории *гай тянь*.

Ван Чун не согласен с приведенным утверждением: небо, по его мнению, ровное и не отличается от земли, а солнце вращается вместе с ним. Люди думают, что небо имеет форму «перевернутого таза» (覆盆 *фу пэн*), и когда солнце приближается, им кажется, что оно восходит, а когда удаляется – что заходит. Таким образом, восход и закат солнца – оптическая иллюзия, вызванная тем, что люди видят не более чем на 10 *ли* (около 4 км).

Завершается этот блок вопросом о том, почему небо кажется высоким на юге и низким на севере. Ван Чун отвечает, что Поднебесная находится на юго-востоке, и южная часть неба ближе к людям, а то, что ближе, кажется выше. Небо же ровное и плоское, и его высота «везде одинакова – и по четырём сторонам, и в центре». Края неба кажутся низкими и соединяющимися с землей, но это снова иллюзия, вызванная их отдаленностью от наблюдателя.

V. Удалённость и близость солнца в разное время [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 492–496]

Далее Ван Чун приводит два взгляда «учёных»: одни считают, что утром и вечером солнце близко, а в полдень – далеко, поскольку утром и вечером оно больше, а в полдень – меньше, а другие – что утром и вечером солнце далеко, а в полдень – близко, поскольку утром и вечером холоднее, а в полдень – теплее. Эта проблема упоминается, в частности, в трактате «Ле-цзы» (列子) [Ле-цзы..., 1985, цз. 5, с. 168–169; Чжуан-цзы..., 1995, с. 342–343] в форме истории о споре двух детей, который оказывается не в состоянии разрешить сам Конфуций.

Тем не менее, аутентичность этого трактата ставится под сомнение, и его комментатор Ян Боцзюнь (杨伯峻) не исключает возможности того, что основой для данного фрагмента мог послужить именно этот пассаж из «Лунь хэн» [Ле-цзы..., 1985, цз. 5, с. 171]. Тем не менее, похожая история (практически в том же виде, что в «Ле-цзы») рассказывается в «Синь лунь», где она представлена как «слова», которые автор «в детстве слышал в кварталах и переулках» [Синь цзи бэнь..., 2009, цз. 7, с. 28], что подкрепляет предположение о том, что соответствующий пассаж «Ле-цзы» не аутентичен. Так или иначе, верной, по мнению Ван Чуна, является вторая точка зрения.

Тот факт, что солнце в зените кажется маленьким, а восходящее и заходящее большим, Ван Чун объясняет парадоксальным, с нашей точки зрения, образом: в полдень солнце кажется меньше, потому что светло, а утром и вечером – больше, потому что темно; так огонь днем кажется малым, а ночью – большим, а звёзды не видны днем, но видны ночью.

VI. Где восходит и заходит солнце [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 496–497]

Далее Ван Чун критикует попытки «учёных» соотнести место восхода и заката солнца с конкретными территориями – Фусаном (扶桑 «Поддерживающая шелковица») на востоке и Силу (細柳 «Тонкая ива») на западе. Фусан обычно фигурирует в качестве дерева, на котором якобы живут десять солнц (см. далее), а Силу в контексте движения солнца вообще не встречается. О том, что это «дикие места» (野 *e*), говорится в комментариях к «Хуайнань-цзы», в современной версии трактата отсутствующих [Тай-пин юй лань, 1985, цз. 3, с. 15–16]³; в текстах, предшествующих времени Ван Чуна, подобная информация не обнаруживается.

VII. Движение солнца и луны [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 497–502]

Следующий блок начинается с утверждения «учёных» о том, что солнце и луна движутся независимо от неба, которое вращается влево (т. е. против часовой стрелки). В дошедших до нас древних текстах такая точка зрения не высказывается, однако она может относиться к традиции *сюань е*, согласно которой, по словам ханьского астронома Си Мэна (邴萌, I в.), «солнце, луна и множество звёзд движутся в пустоте» [Суй шу, 1982, цз. 19, с. 507].

Ван Чун объясняет, что солнце и луна движутся на запад (т. е., если стоять лицом на юг, по часовой стрелке) по небу, которое вращается на восток (т. е. против часовой стрелки), и сравнивает их с муравьями, ползущими по вращающемуся жернову: двигаясь в обратном направлении, они всё равно вращаются вместе с ним⁴.

Далее он отвечает на вопрос о том, чему подобна скорость движения солнца, луны и неба, и сравнивает их соответственно с чудесным скакуном (騏驎 *ци цзи*)⁵, летящей дикой уткой и вращающимся гончарным кругом или выпущенной из арбалета стрелой. Тем не менее, небо далеко, поэтому его движение кажется медленным.

После этого Ван Чун комментирует высказывание «учёных» о направленном в противоположные стороны движении солнца и неба, отмечая, что солнце и луна примыкают к небу, и сравнивая движение солнца по небу с движением людей по земле.

Далее, отвечая на вопрос о том, откуда известно, что солнце и луна не движутся непосредственно сами по себе, он отмечает, что иначе они двигались бы с запада на восток, и приводит в пример тучи, которые не примыкают к небу и потому могут оставаться на одном месте.

Заканчивается этот блок серией вопросов, посвященных причинам движения солнца и луны. Первый из них связан с тем, что огонь на земле не движется, а солнце, также являющееся

³ Там же приведен отсутствующий в современной версии «Хуайнань-цзы» фрагмент основного текста с упоминанием Силу.

⁴ Это сравнение имеет параллели в античном мире, в частности у Витрувия (80?–15? гг. до н. э.) [Needham, 1959, p. 214]. Д. В. Панченко предполагает, что здесь имела место «диффузия образа» [Панченко, 2016, с. 59–63].

⁵ В тексте – *цилинь* (麒麟). Исправлено на основании комментария Сунь Жэньхэ (孫人和, 1894–1966).

огнем, движется. Ван Чун отвечает, что «дыхания, примыкающие к небу, движутся, а дыхания, примыкающие к земле, не движутся». Огонь «примыкает» к земле, которая не движется, и потому остается неподвижным. Второй касается воды, которая движется, несмотря на то, что «примыкает к земле». Ван Чун замечает, что вода «течёт на восток и впадает в море» из-за того, что земля «на северо-западе высока, а на юго-востоке низка, а в природе воды устремляться вниз, подобно тому, как в природе огня направляться наверх». Далее у собеседника возникает вопрос о людях, которые движутся, несмотря на то, что примыкают к земле. Ван Чун отвечает, что это связано с Дао-Путём людей, который подразумевает «наличие деятельности» (有為 *ю вэй*), и говорит, что в древности, когда люди были «просты и безыскусны», они «до конца жизни не уходили и не приходили друг к другу»⁶. Следующий вопрос касается звёзд, которые примыкают к небу, но не движутся, и Ван Чун говорит, что они движутся вместе с небом. Последний вопрос касается неба, которое движется, несмотря на то, что его Дао-Путь подразумевает недевание. Ван Чун отвечает, что небо, подобно солнцу, луне и планетам, движется само по себе, распространяя всепорождающие дыхания, и если оно не будет двигаться, то вещи перестанут рождаться.

VIII. Существа, живущие на солнце и луне [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 502–504]

Следующий тематический блок посвящен не столько натурфилософии, сколько мифологии, и связан с представлением (вновь приписываемым «учёным») о том, что «на солнце есть трёхлапый ворон, а на луне есть заяц и жаба».

О том, что на солнце есть трёхлапый ворон, а на луне – жаба, сообщается, в частности, в трактате «Хуайнань-цзы» [Хуайнань-цзы..., 1998, цз. 7, с. 508–509; Хуайнань-цзы..., 2016, с. 100]. О зайце, якобы живущем на луне (а точнее, в ее «утробе», 腹 *фу*), говорится в поэме «Тянь вэнь» (天問 «Вопросы к небу»), входящей в состав сборника «Чу цы» (楚辭 «Чуские строфы») [Чу цы..., 1983, цз. 2, с. 88; «Чуские строфы»..., 2022, с. 88].

Ван Чун приходит к выводу, что ворон, заяц и жаба – «это дыхания солнца и луны, подобные утробам и внутренностям людей [или] сердцам и позвоночникам десяти тысяч существ», т. е. органические части светил, лишь формой напоминающие животных⁷.

IX. Затмения [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 504–507]

Далее следует блок, посвященный солнечным затмениям. Здесь Ван Чун спорит с «учёными», утверждающими, что, раз солнце затмевается (в аутентичной терминологии – «[оказывается] сожранным», 蝕 *ши*) в последний или первый день лунного месяца (т. е. в новолуние), причиной этого является луна.

После этого он опровергает утверждение о том, что причиной затмения становится ослабление *ян* и усиление *инь*. Хотя он вновь не приводит ссылок на источник, подобные объяснения часто фигурируют в речах толкователей знамений [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 505].

Неверна, по его мнению, сама идея, что солнце что-то «пожирает»: так, луна «убывает сама по себе» (自損 *цзы сунь*)⁸, а значит, это же происходит и с солнцем. Как отмечает Ван Чун, лунные затмения случаются каждые 180 дней, а солнечные – каждые 41 или 42 месяца, и «катастрофами» (變 *бянь*) можно считать лишь те ситуации, когда они происходят несвоевременно. Однако даже тогда это оказывается результатом «самоестественного [преобразования их] дыханий» (氣自然 *ци цзы жань*) и принципиально не отличается от обрушения гор или землетрясений.

⁶ Цитата из «Дао дэ цзина» (道德經 «Канон Пути и Силы») [Лао-цзы..., 2008, *чжан* 80, с. 190].

⁷ Дж. Нидэм предполагает, что представления о живущем на солнце вороне могут являться результатом наблюдения солнечных пятен [Needham, 1959, p. 436], однако такая трактовка выглядит натянутой.

⁸ Не совсем ясно, что имеет в виду Ван Чун в данном случае: лунные затмения или же постепенное убывание луны на протяжении месяца.

Далее Ван Чун подробно описывает то, как его оппоненты представляют себе механизм затмений, впервые в сохранившейся китайской литературе фиксируя описание природы солнечных затмений, соответствующее современным научным представлениям.

Тем не менее, Ван Чун не согласен такой трактовкой феномена. Сначала он рассказывает, как должно происходить затмение согласно описанной выше теории, а далее описывает свой опыт наблюдения солнечного затмения, которое прошло иначе, и делает вывод, что эта схема не соответствует реальности. А. Форке считает, что речь идет о частичном затмении [Lun-Hêng, 1907, p. 271, n. 1], а Дж. Нидэм предполагает, что имеется в виду кольцеобразное затмение [Needham, 1959, p. 413, n. b]. Тем не менее, перевод в обоих случаях далек от идеала, что обусловлено неясностью текста, подвергнувшегося, судя по всему, серьезному искажению. Тем не менее, похожий пассаж содержится в астрономическом трактате из «Нань Ци шу» (南齊書 «Книга [об истории] Южного Ци»), где приписывается ученому Ван И (王逸, 89–158 гг.), в интересе к астрономии не замеченному. Можно предположить, что в тексте ошибка, и в действительности речь идет именно о Ван Чуне. Там затмение описывается следующим образом: «Ныне, [если] глядеть на пожирание солнца, [его] западный край пропадает, но [когда] свет уже возвращается, [луна] проходит [через] восточный край [солнца], и лишь [его] не затмевает» (今察日蝕西崖缺, 而光已復過東崖而獨不掩。) [Нань ци шу, 1987, цз. 12, с. 207]. Это описание напоминает частичное затмение, что позволяет согласиться с предположением, высказанным А. Форке.

Х. Форма солнца и луны [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 507]

Говоря о форме светил, Ван Чун приводит мнение «учёных», согласно которому «тела солнца и луны оба абсолютно круглые» и «очертаниями похожи на бамбуковую корзину». Подобного утверждения в других древних текстах мне найти не удалось, однако оно представляется самоочевидным.

Ван Чун уверен, что это вновь оптическая иллюзия, вызванная тем, что солнце и луна – это средоточия «дыханий», а «[когда] глядишь на далёкие дыхания светил, [эти] дыхания кажутся⁹ круглыми».

ХІ. Десять солнц [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 507–512]

После этого Ван Чун вновь обращается к представлениям, относящимся к разряду мифологии. Он начинает с того, что приводит две соперничающие точки зрения. Согласно первой, которой придерживаются «учёные» и «искусные в техниках [гадания] специалисты» (工伎之家 гун цзи чжи цзя), солнце одно; вторая же, зафиксированная в трактате «Шань хай цзин» («Канон гор и морей»), якобы составленном Юем (禹) и И (益), гласит, что солнц десять, они живут далеко на востоке, где купаются в ущелье Янгу и располагаются на древе Фусан – одно на верхней ветви, а остальные на нижней [Шань хай цзин..., 2019, цз. 9, с. 269–270; Каталог..., 1977, с. 102]. Похожие утверждения он находит и в трактате «Хуайнань-цзы» [Хуайнань-цзы..., 1998, цз. 2, с. 129, цз. 8, с. 575–577; Хуайнаньцзы..., 2016, с. 37, 113]. Эта точка зрения не теряет популярности и среди «вульгарных [людей его] эпохи» (世俗 ши су), которые считают десять «небесных стволов» (天干 *тянь гань*) обозначениями для солнц и утверждают, что «солнц десять, подобно тому, как [подвижных] звёзд (т. е. планет. – А. Т.) пять».

Ван Чун доказывает абсурдность представления о десяти солнцах, однако при этом не ставит под сомнение истинность самой записи, предполагая, что ее авторы приняли за солнца «совсем другие вещи, светом и материальным [телом] похожие на очертания солнца», а авторы «Хуайнань-цзы», вдохновившись «Шань хай цзином», написали откровенную чепуху¹⁰.

⁹ Знак бу (不 «не») заменен на жу (如 «как») на основании комментария Хуан Хуэя.

¹⁰ Дж. Нидэм высказывает не очень убедительное предположение, что представления о десяти солнцах могли возникнуть в результате наблюдения гало [Needham, 1959, p. 476–477].

ХП. Звёзды [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 512–515]

Видимо, желая привести еще один пример подобной ситуации, Ван Чун рассматривает свидетельство летописи «Чуньцю» (春秋 «Весны и осени») о звёздах, якобы падавших с неба и возвращавшихся обратно, «подобно дождю», который поднимается с земли и вновь падает на нее [Чуньцю Гунъян чжуань..., 2000, цз. 6 (Чжуань 7), с. 153–154; Чуньцю Цзо чжуань..., 2000, цз. 8 (Чжуань 7), с. 264]. Не отрицая самого факта подобного происшествия, он утверждает, что падавшие объекты не являлись звёздами, причем сначала опирается на свидетельство «Цзо чжуань» (左傳 «Комментарий Цзо») о том, что «звезды являются камнями» [Чуньцю Цзо чжуань..., 2000, цз. 14 (Си 16), с. 443], а потом опровергает его, доказывая, что они, подобно солнцу, луне и планетам, представляют собой «свет эссенции Пяти стихий».

ХП. Дождь [Лунь хэн..., 1990, цз. 11, гл. 32, с. 515–516]

В заключительном блоке Ван Чун поясняет высказанную выше мысль о направлении движения дождя. Он спорит с утверждением «учёных» о том, что «дождь идёт с неба», и говорит, что «дождь поднимается с земли, а не падает с неба» (雨從地上不從天下 *юй цун ди шан бу цун тянь ся*).

А. Форке понимает эту фразу иначе: «Дождь идёт с [пространства] над землёй (from above the earth), а не вниз с неба» [Lun-Hêng, 1907, p. 277]. Тем не менее, этот перевод неверен как с точки зрения грамматики, так и с точки зрения контекста. Если мы будем понимать слово *шан* (上 «подниматься») как послелог места («над»), то фраза окажется без глагола; кроме того, *шан* находится в параллели к *ся* (下 «падать»), и если последнее обозначает действие, то и первое следует понимать в этом смысле. К тому же в предыдущем блоке Ван Чун пишет, что звёзды, падавшие с неба и возвращавшиеся наверх, подобны дождю, который поднимается с земли и падает вниз: речь здесь идет о том, что в обоих случаях движение шло сначала в одном направлении, а потом в другом. Очевидно, Ван Чун имеет в виду, что дождь прежде, чем упасть вниз с неба, поднимается наверх с земли, а точнее – с гор, в виде туч.

Наконец, он отвечает на замечание о том, что, согласно каноническим текстам, дождь идет, когда луна проходит через звёзды, и, следовательно, его вызывает небо. Однако же, по мнению Ван Чуна, небо и земля просто откликаются на воздействие друг друга, и появление дождя и движение луны совпадает случайным образом.

Тезисы, критикуемые Ван Чуном, можно поделить на четыре типа: в 12 случаях это утверждения «учёных», в 6 – утверждения гипотетических оппонентов, в 5 – вопросы (если считать за один серию в конце VII блока), а в 4 – данные конкретных текстов. Лишь два выделенных мною блока не начинаются с утверждения «учёных» – IV, начинающийся с вопроса, и XII, открывающийся цитатой из «Чуньцю». С другой стороны, лишь одно из утверждений «учёных» находится не в начале блока, причем Ван Чун не спорит с ним, а уточняет его.

Только в четырех случаях Ван Чун критикует конкретные тексты – это «Шань хай цзин», «Хуайнань-цзы», летопись «Чуньцю» и «Цзо чжуань». При этом в недостоверности он обвиняет «Хуайнань-цзы» и «Цзо чжуань»; в двух других случаях он критикует лишь предложенную в текстах трактовку событий.

Из утверждений, в которых источник не указан, одно фактически соответствует утверждениям Ван Чуна, три самоочевидны, еще три соответствуют постулатам «специалистов по чжоускому гномону», два находят параллели в сохранившихся фрагментах «Синь лунь», по одному – в «Хуайнань-цзы», «Чу цы», «Ле-цзы» (если признать его аутентичность) и, возможно, «Хань шу». Для шести утверждений параллелей в более ранних текстах обнаружить не удалось. Таким образом, можно утверждать, что данная глава «Лунь хэн» представляет собой уникальный источник для изучения ранних китайских космологических представлений.

Отдельно стоит остановиться на «специалистах по чжоускому гномону». Современный исследователь Чэнь Мэйдун предполагает, что под ними подразумеваются ученые, разраба-

тывавшие астрономические проблемы в конце эпохи Чжаньго (戰國, V–III вв. до н. э.), а Ван Чун и составитель астрономического трактата из «Суй шу» Ли Чуньфэн, приводящий пять их тезисов, основывались на составленных ими текстах [Чэнь Мэйдун, 2008, с. 88–89]. Тем не менее, существование древней астрономической «школы», о которой ничего не сообщается вплоть до VII в. и сочинения которой дошли до этого времени, не будучи отражены в библиографических трактатах нормативных историй, представляется маловероятным. С учетом того, что три из этих тезисов Ван Чун критикует, с одним (о том, что солнце и луна движутся по небу в противоположную его вращению сторону, подобно муравьям на жернове) соглашается, а еще один (о том, что небо круглое, а земля квадратная) является для древнекитайской космологии общим местом, логичнее предположить, что Ли Чуньфэн основывался на сочинении Ван Чуна, критиковавшего представления, распространенные в его время, добавив к ним один базовый принцип и одну идею самого автора «Лунь хэн».

Интересно, что Ван Чун не отделяет собственно космологические представления от тех, которые с современной точки зрения следует отнести к сфере мифологии. Из первых же большинство оспариваемых им тезисов можно отнести к традиции *гай тянь* и, в одном случае, возможно, *сюань е*; концепция *хунь тянь* в главе никак не фигурирует, что довольно странно. Это можно было бы объяснить тем, что пик ее популярности пришелся на более позднее время, однако известно, что ее сторонниками были, среди прочих, Хуань Тань и Ян Сюнь (楊雄, 53 г. до н. э. – 18 г. н. э.) [Needham, 1959, p. 219], которых Ван Чун высоко ценил и с работами которых был, безусловно, знаком.

Говоря о собственных представлениях Ван Чуна, можно отметить, что они являют собой целостную систему. Небо в ней представляется расположенным параллельно земле плоским телом, с огромной скоростью вращающимся против часовой стрелки, по которому в обратном направлении, но значительно медленнее по орбитам, меняющимся на протяжении года, движутся солнце и луна, представляющие собой сгустки дыханий (*ци*); они не восходят и не заходят, но лишь приближаются к наблюдателю или удаляются от него. Хотя некоторые ученые, как, например, Ли Чуньфэн, считали, что Ван Чун придерживался теории *гай тянь* [Суй шу, 1982, цз. 19, с. 508], уже Хэ Даоян (賀道養, V в.) выделяет его систему в качестве самостоятельной, называя ее *фан тянь* (方天 «плоское небо» или «небо, подобное [земле]») ¹¹ [Тай-пин юй лань, 1985, цз. 2, с. 11]. В современных исследованиях для ее обозначения используется более однозначный термин – *пин тянь* 平天 («ровное небо») (см., например, [Чэнь Мэйдун, 2008, с. 95]), однако рассматривается она как одна из разновидностей *гай тянь*, с которой действительно имеет много общего. И хотя в целом Ван Чун далек от современного понимания естественных феноменов, в некоторых случаях (как, например, с дождем) он достаточно близко к нему подходит.

Список литературы

- Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М.: Наука, 1990. 523 с.
- Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. [Т. 5:] Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / Ред. М. Л. Титаренко и др. 1087 с.
- Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М.: ГРВЛ, 1977. 234 с.
- Панченко Д. В.** На восточном склоне Олимпа: роль греческих идей в формировании китайской космологии. СПб.: Наука, 2016. 346 с.
- Хуайнаньцзы: Философы из Хуайнани / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч Л. Е. Померанцевой. М.: Наука – Вост. лит., 2016. 527с.

¹¹ Основное значение слова *фан* (方) – «квадрат», однако Ван Чун не утверждает, что небо является квадратным; скорее всего, здесь *фан* следует понимать как «плоский» или «подобный».

- Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.
«Чуские строфы»: избранные произведения в переводах М. Е. Кравцовой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 352 с.
- Lun-Hêng. Part 1. Philosophical Essays of Wang Ch'ung / Tr. and annot. by A. Forke. Leipzig: Harrassowitz; London: Luzac; Shanghai: Kelly & Walsh, 1907. 577 p.
- Needham J.** Science and Civilization in China. L., N. Y.: Cambridge Uni. Press, 1959. Vol. 3: Mathematics and the Sciences of the Heavens and the Earth. 877 p.
- Лао-цзы Дао дэ цзин чжу [老子道德經注/王弼著. 北京: 中華書局]. «Канон Пути и Силы» Лао-цзы с комментариями / Сост. Ван Би. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2008. 220 с. (на кит. яз.)
- Ле-цзы цзи ши [列子集釋/楊伯峻撰. 北京: 中華書局]. «Ле-цзы» со сводными объяснениями / Сост. Ян Бо-цзюнь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985. 350 с. (на кит. яз.)
- Лунь хэн цзяо ши (фу Лю Пань-суй цзи цзе) [論衡校釋 (附劉盼遂集解)/黃暉撰. 全四冊. 北京: 中華書局]. Сверенный текст «Весов суждений» с разъяснениями (со сводным толкованием Лю Пань-суя): В 4 т. / Сост. Хуан Хуэй. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1990. 1366 с. (на кит. яз.)
- Нань ци шу [南齊書/蕭子顯撰. 全二冊. 北京: 中華書局]. Книга [об эпохе] Южная Ци: В 2 т. / Сост. Сяо Цзы-сянь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1987. 1038 с. (на кит. яз.)
- Синь цзи бэнь Хуань Тань Синь лунь [新輯本桓譚新論/桓譚撰, 朱謙之校輯. 北京: 中華書局]. Заново собранные фрагменты «Новых рассуждений» Хуань Таня / Сост. Хуань Тань, ред. Чжу Цянь-чжи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. 84 с. (на кит. яз.)
- Суй шу [隨書/魏徵等撰. 全六冊. 北京: 中華書局]. Книга [об истории] Суй: В 6 т. / Сост. Вэй Чжэн и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1982. 1904 с. (на кит. яз.)
- Тай-пин юй лань [太平御覽/李昉等撰. 全四冊. 北京: 中華書局]. Высочайше одобренная [энциклопедия, составленная в годы] Тай-пин: В 4 т. / Сост. Ли Фан 李昉 и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985. 4426 с. (на кит. яз.)
- Хань шу [漢書/班固撰. 全十二冊. 上海: 中華書局]. Книга [об истории Ранней] Хань: В 12 т. / Сост. Бань Гу. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1964. 4273 с. (на кит. яз.)
- Хуайнань-цзы цзи ши [淮南子集釋/何寧撰. 全三冊. 北京: 中華書局]. «Хуайнань-цзы» со сводными разъяснениями: В 3 т. / Сост. Хэ Нин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1998. 1553 с. (на кит. яз.)
- Чу цы бу чжу [楚辭補注/洪興祖撰. 北京: 中華書局]. «Чуские строфы» с добавочным комментарием / Сост. Хун Син-цзу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1983. 328 с. (на кит. яз.)
- Чуньцю Гунъян чжуань чжу шу [春秋公羊傳注疏/公羊壽傳, 何休注, 徐彥疏. 全二冊]. «Комментарий [господина] Гунъяна к “Веснам и осеням”» (с комментарием и субкомментарием): В 2 т. / Комментар. Гунъян Шоу, Хэ Сю, Сюй Яня. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2000. 721 с. (на кит. яз.)
- Чуньцю Цзо чжуань чжэн и [春秋左傳正義/左丘明傳, 杜預注, 孔穎達疏. 全四冊. 北京: 北京大學出版社]. Истинный смысл «Комментария [господина] Цзо к “Веснам и осеням”»: В 4 т. / Комментар. Цзо Цю-мина, Ду Юя, Кун Ин-да. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2000. 1986 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Мэйдун.** Чжунго гудай тяньвэньсюэ сысян [陳美東. 中國古代天文學思想. 北京: 中國科學技術出版社]. Древнекитайская астрономическая мысль. Пекин: Чжунго кэсюэ цзишу чубаньшэ, 2008. 480 с. (на кит. яз.)
- Шань хай цзин цзянь шу [山海經箋疏/郝懿行撰. 北京: 中華書局]. «Канон гор и морей» с комментарием и субкомментарием / Сост. Хэ И-син. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2019. 487 с. (на кит. яз.)

References

- Chen Meidong.** Zhongguo gudai tianwenxue sixiang [陳美東. 中國古代天文學思想. 北京: 中國科學技術出版社]. *Ancient Chinese Astronomical Thought*. Beijing, Zhongguo kexue jishu chubanshe, 2008, 480 p. (in Chin.)
- Chuci buzhu [楚辭補注/洪興祖撰. 北京: 中華書局]. *The Verses of Chu with Additional Commentary / Comp. by Hong Xingzu*. Beijing, Zhonghua shuju, 1983, 328 p. (in Chin.)
- “Chuskie strofy”: izbrannye proizvedeniya v perevodakh M. E. Kravtsovoi [“The Verses of Chu”: Selected Works in Translations by M. E. Kravtsova]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2022, 352 p. (in Russ.)
- Chunqiu Gongyang zhuan zhushu [春秋公羊傳注疏/公羊壽傳, 何休注, 徐彥疏. 全二冊]. *Gongyang Commentary to the Annals with Commentary and Subcommentary*. Comm. by Gongyang Shou, He Xiu, Xu Yan. In 2 vols. Beijing, Beijing daxue chubanshe, 2000, 721 p. (in Chin.)
- Chunqiu Zuozhuan zhengyi [春秋左傳正義/左丘明傳, 杜預注, 孔穎達疏. 全四冊. 北京: 北京大學出版社]. *True Meaning of the Zuo Commentary to the Annals*. Comm. by Zuo Quming, Du Yu, Kong Yingda. In 4 vols. Beijing, Beijing daxue chubanshe, 2000, 1986 p. (in Chin.)
- Chzhuan-czy. Le-czy [Zhuangzi. Liezi]. Transl., introduction, and notes by V. V. Malyavin. Moscow, Mysl' Publ., 1995, 439 p. (in Russ.)
- Drevnekitaiskaya filosofiya. Epokha Han [Ancient Chinese Philosophy. The Han Dynasty]. Moscow, Nauka, 1990, 523 p. (in Russ.)
- Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. In 5 vols. Ed. by M. L. Titarenko. Moscow, Vost. lit., 2009, [vol. 5:] Nauka, tekhnicheskaya i voennaya mysl', zdravookhranenie i obrazovanie [Science, Technical and Military Thought, Health Care and Education]. Ed. by M. L. Titarenko et al. 1087 p. (in Russ.)
- Hanshu [漢書/班固撰. 全十二冊. 上海: 中華書局]. *The Book of Han*. In 12 vols. Comp. by Ban Gu. Shanghai, Zhonghua shuju, 1964, 4273 p. (in Chin.)
- Huainanzi jishi [淮南子集釋/何寧撰. 全三冊. 北京: 中華書局]. *Huainanzi with Collected Explanations*. In 3 vols. Comp. by He Ning. Beijing, Zhonghua shuju, 1998, 1553 p. (in Chin.)
- Huainanzi: Filosofiy iz Huainani [Huainanzi: Philosophers from Huainan]. Transl., introduction, and notes by L. E. Pomerantseva. Moscow, Vost. lit., 2016, 527 p. (in Russ.)
- Katalog gor i morei (Shan' haj czin) [Catalogue of Mountains and Seas (Shan Hai Jing)]. Preface, trans. and commentary by E. M. Yanshina. Moscow, GRVL, 1977, 234 p. (in Russ.)
- Laozi Daodejing zhu [老子道德經注/王弼著. 北京: 中華書局]. *Laozi's Classic of the Way and Virtue with Commentary*. Comp. by Wang Bi. Beijing, Zhonghua shuju, 2008, 220 p. (in Chin.)
- Liezi jishi [列子集釋/楊伯峻撰. 北京: 中華書局]. *Liezi with Collected Explanations*. Comp. by Yang Bojun. Beijing, Zhonghua shuju, 1985, 350 p. (in Chin.)
- Lun-Hêng. Part I. Philosophical Essays of Wang Ch'ung. Tr. and annot. by A. Forke. Leipzig, Harrassowitz; London, Luzac; Shanghai, Kelly & Walsh, 1907, 577 p.
- Lunheng jiaoshi (fu Liu Pansui jijie) [論衡校釋 (附劉盼遂集解)/黃暉撰. 全四冊. 北京: 中華書局]. *Collated Text of the Balanced Discourses with Explanations (with the Collected Interpretations by Liu Pansui)*. In 4 vols. Comp. by Huang Hui. Beijing, Zhonghua shuju, 1990, 1366 p. (in Chin.)
- Nan Qi shu [南齊書/蕭子顯撰. 全二冊. 北京: 中華書局]. *The Book of Southern Qi*. In 2 vols. Comp. by Xiao Zixian. Beijing, Zhonghua shuju, 1987, 1038 p. (in Chin.)
- Needham J.** Science and Civilization in China. L., N. Y., Cambridge Uni. Press, 1959, vol. 3: Mathematics and the Sciences of the Heavens and the Earth, 877 p.
- Panchenko D. V.** Na vostochnom sklone Olimpa: rol' grecheskikh idei v formirovanii kitaiskoi kosmologii [On the Eastern Slope of Olympus: The Role of Greek Ideas in the Formation of Chinese Cosmology]. St. Petersburg, Nauka, 2016, 346 p. (in Russ.)

- Shanhaijing jianshu [山海經箋疏/郝懿行撰。北京：中華書局]. *Classic of Mountains and Seas with Commentary and Subcommentary*. Comp. by He Yixing. Beijing, Zhonghua shuju, 2019, 487 p. (in Chin.)
- Suishu [隨書/魏徵等撰。全六冊。北京：中華書局]. *Book of Sui*. In 6 vols. Comp. by Wei Zheng et al. Beijing, Zhonghua shuju, 1982, 1904 p. (in Chin.)
- Taiping yulan [太平御覽/李昉等撰。全四冊。北京：中華書局]. *Imperial Reader of the Taiping Era*. In 4 vols. Comp. by Li Fang 李昉 et al. Beijing, Zhonghua shuju, 1985, 4426 p. (in Chin.)
- Xin jiben Huan Tan Xinlun [新輯本桓譚新論/桓譚撰，朱謙之校輯。北京：中華書局]. *Newly Collected Fragments of the New Discourses by Huan Tan*. Comp. by Huan Tan, ed. by Zhu Qianzhi. Beijing, Zhonghua shuju, 2009, 84 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Антон Эдуардович Терехов, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57225216955
WoS Researcher ID G-8291-2015
RSCI Author ID 629300
SPIN 7928-0440

Information about the Author

Anthony E. Terekhov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57225216955
WoS Researcher ID G-8291-2015
RSCI Author ID 629300
SPIN 7928-0440

*Статья поступила в редакцию 06.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 31.01.2025
The article was submitted on 06.12.2024;
approved after reviewing on 18.01.2025; accepted for publication on 31.01.2025*

Научная статья

УДК 930

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-90-100

Анализ структуры и источников главы «Гуай шэнь» из энциклопедического сочинения «Фэн су тун и»

Татьяна Владимировна Клементьева

Институт восточных рукописей Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

tklementeva1297@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5964-4618>

Аннотация

Статья посвящена источниковедческому анализу главы «Гуай шэнь» (怪神 «Чудища и божества»), входящей в состав сочинения «Фэн су тун и» (風俗通義 «Проникновение в смысл веяний и обычаев»). Оно было написано Ин Шао (應劭, ум. до 204 г. н. э.) – мыслителем-конфуцианцем и государственным деятелем, жившим в конце правления империи Восточной Хань. Глава представляет собой собрание анекдотических сюжетов о столкновениях человека со сверхъестественным и затрагивает одну из мало освещенных в древнекитайских текстах тем – локальные культы эпохи Хань (漢, 202 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Предпринята попытка определить источниковую базу главы, рассматриваются вопросы непрямого цитирования и параллельных сюжетов. Представлена классификация этих сюжетов, и охарактеризованы пути заимствования автором вошедших в нее историй.

Ключевые слова

Восточная Хань, Ин Шао, анекдотические сюжеты, *чжигуай сяошо*, локальные культы в Древнем Китае

Для цитирования

Клементьева Т. В. Анализ структуры и источников главы «Гуай шэнь» из энциклопедического сочинения «Фэн су тун и» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 90–100. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-90-100

Analysis of Structure and Sources of the “Guai shen” Chapter in the Encyclopaedic Work “Feng su tong yi”

Tatiana V. Klementeva

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

tklementeva1297@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5964-4618>

Abstract

This article is devoted to the source study of the chapter entitled “Guai shen” (怪神 “Monsters and Deities”) included in the treatise “Feng su tong yi” (風俗通義 “Penetrating into the Meaning of Traditions and Customs”, late 2nd century AD). This treatise was written by the Eastern Han (東漢, 25–220 AD) thinker and statesman Ying Shao 應劭 (d. before 204). Chapter “Guai shen” is a collection of anecdotal material about human encounters with the supernatural, sometimes accompanied by the author's brief assessments of the events and characters in it. The chapter touches on one of the themes that is little covered in other Old Chinese texts – local cults and beliefs of the Han period (漢, 202 BC – 220 AD), so its study may be relevant for understanding the origins of modern folk religious beliefs.

© Клементьева Т. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 90–100

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 90–100

in China. This article makes an attempt to understand which sources were used by the author to compile this chapter. Several cases of indirect quotation and parallel passages in the text are also considered during the analysis. As a result, the article presents a classification of the chapter's stories and characterizes the main ways in which the author borrowed them from the other texts.

Keywords

Eastern Han, Ying Shao, anecdotes, *zhiguai xiaoshuo*, local cults in Ancient China.

For citation

Klementeva T. V. Analysis of Structure and Sources of the “Guai shen” Chapter in the Encyclopaedic Work “Feng su tong yi”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 90–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-90-100

«Фэн су тун и» (風俗通義 «Проникновение в смысл веяний и обычаев», далее – ФСТИ)¹ – сочинение государственного деятеля и конфуцианского мыслителя Поздней Хань (後漢, 25–220 гг. н. э.) Ин Шао (應劭, ум. до 204 г. н. э.)², написанный в последнее десятилетие его жизни³. В дошедшем до нас виде он состоит из 10 уцелевших глав и значительного количества фрагментов, относящихся к 21 утраченной главе⁴. Сохранившиеся 10 глав с точки зрения содержания могут быть поделены на критические и энциклопедические⁵. В энциклопедических главах Ин Шао представил краткий компендиум знаний в определенной сфере (например, музыка, ритуал, география, политическая история). По своей структуре они близки к *лэйшу* (類書 «книги [с разбиением содержания по] категориям») ⁶, которые стали актив-

¹ В данной статье предложен перевод *фэн* понятием «веяния» из-за его близости к оригинальной семантике *фэн* (風 «ветров») и наличия значения временной распространенности какого-либо феномена духовной жизни. Перевод *су* (俗) термином «обычаи» обусловлен тем, что в эпоху Хань его значение зачастую связывалось с тем, что вошло в обиход и привычку у людей. В глоссе для данного знака из словаря «Шо вэнь цзе цзы» (說文解字 «Разъяснение знаков и анализ иероглифов», I в.) говорится следующее: 俗: 習也。从人谷聲。«[Что касается] су, [то это означает] “повторять”. Происходит от [знака] “человек”, звучание [берет от знака] “долина”» [Шо вэнь цзе цзы чжу, 2015, т. 1, с. 659]. В тексте самого трактата ФСТИ также говорится: 俗者, 含血之類, 像之而生, 故言語歌謠異聲, 鼓舞動作殊形, 或直或邪, 或善或淫也。«[Что касается] су, то, подражая им, живут существа, имеющие кровь. Поэтому языки и речи, песни и напевы [разных людей] звучат по-разному, движения плясок под барабан не одинаковы, [они] либо правильные, либо испорченные, либо благие, либо порочные» [Фэн су тун и цзяоши, 1980, с. 1].

² Сведения об Ин Шао дошли до нас в составе коллективного жизнеописания в «Хоу Хань шу» (後漢書 «Книга [эпохи] Поздняя Хань», далее – ХХШ, V в.), *цзюане* 48, в главе «Ян Ли Ди Ин Хо Юань Сюй лечжуань» (楊李翟應霍爰徐列傳 «Упорядоченные жизнеописания Ян [Чжуна], Ли [Фа], Ди [Пу], Ин [Шао], Хо [Сюя], Юань [Яня], Сюй [Цю]») [Хоу Хань шу, 1965, т. 6, с. 1609–1615]. Его критическую биографию можно найти в диссертации М. Найлан, посвященной ФСТИ [Nylan, 1982, р. 29–66], и в статье этой же исследовательницы [Nylan, 1993, р. 105–112].

³ Относительно датировки трактата основным аргументом в пользу этих лет является тот факт, что в тексте Ин Шао апеллировал к своему бывшему опыту пребывания на должности губернатора *тайшоу* 太守 округа Тайшань 泰山, с которой он ушел в 194 г. [Фэн су тун и цзяошжу, 2010, т. 1, с. 2–3].

⁴ Перевод в данной статье был основан на двух наиболее современных и подробных комментированных изданиях трактата под редакцией У Шупина [Фэн су тун и цзяоши, 1980] и Ван Лици [Фэн су тун и цзяошжу, 2010]. Текст трактата передавался традиционным путем: по сообщению Су Суна (蘇頌, 1020–1101), между составлением «Суй шу» (隋書 «Книга [об эпохе] Суй», VII в.) и «Цзю Тан шу» (舊唐書 «Старая книга [об эпохе] Тан», X в.) из него была утрачена одна глава. В дальнейшем, к эпохе Сун (宋, 960–1279), были утрачены еще 20 глав. Более подробно историю его передачи см. [Nylan, 1982, р. 339–359].

⁵ К энциклопедическим главам можно отнести следующие: «Хуан ба» (皇霸 «Августейшие и гегемоны»), «Шэн инь» (聲音 «Звуки и звучания»), «Сы дьянь» (祀典 «Уставы жертвоприношений»), «Шань цзэ» (山澤 «Горы и водоемы»); к критическим, в свою очередь, относятся главы «Чжэн ши» (正失 «Исправление ошибок»), «Цянь ли» (愆禮 «Нарушение ритуала»), «Го юй» (過譽 «Чрезмерная похвала»), «Ши фань» (十反 «Десять противоположных [примеров]»), «Гуай шэнь» (怪神 «Чудища и божества»). Последняя глава, «Цюн тун» (窮通 «[Иметь] преграды и [проходить] без препятствий»), совмещает в себе черты обеих групп.

⁶ Понятие *лэйшу* обычно переводят термином «энциклопедии» ввиду широкого охвата материала внутри них. В отличие от западных энциклопедий, *лэйшу* не содержали новый материал, специально написанный для энцик-

но создаваться в эпоху Лючао (六朝 «Шесть династий», 220–589 гг.). В критических главах Ин Шао главным образом порицал либо восхвалял различные исторические фигуры и современников, обращая внимание на их поведение на службе и семейные отношения. Структурно они делятся на не связанные общим нарративом анекдотические сюжеты, часто с дидактическим посылом, сопровождаемые авторскими оценками событий и персонажей. Обращение Ин Шао к анекдотам в критических главах продолжает традицию, заложенную еще в текстах «Чуньцю Цзо чжуань» (春秋左傳 «Комментарий Цзо [Цюмина] к [летописи] Весен и Осеней», V–III вв. до н. э.) и «Го юй» (國語 «Речи царств», V–III вв. до н. э.), где они служили базовой единицей повествования [Schaberg, 2001, p. 163–221].

С точки зрения предложенного деления глава «Гуай шэнь»⁷ относится к критическим. Ее текст разделен на небольшое введение и пятнадцать разделов, озаглавленных по разным принципам⁸. Суммарно в этих разделах содержится двадцать один анекдотический сюжет о встречах людей со сверхъестественным, настоящим или мнимым ими. Основное внимание автора здесь сосредоточено не на том, что представлял собой сверхъестественный мир, а на том, как человек должен относиться к нему или вести себя при столкновении с ним. Авторские замечания по поводу персонажей анекдотов лаконичны: в основном Ин Шао вкладывает дидактический посыл в саму сюжетную линию. Собственные идеи автор вводит постепенно: первое обобщающее рассуждение на тему наличия сознания у духов, которое он ставит под большое сомнение, разворачивается лишь спустя треть главы⁹.

Приводимые автором анекдоты, как правило, состоят из трех частей: 1) вводное предложение, где называется действующее лицо и его должность (при наличии); 2) основной сюжет, иногда содержащий диалоги; 3) выражение автором своей точки зрения по поводу сюжета и приглашение читателя к тому, чтобы сделать оценочный вывод. Слова автора в третьей части обычно начинаются с фразы «цзинь ань» (謹按 «осторожно замечу, что...»), после которой он иногда добавляет от себя новый сюжет, коррелирующий с предшествующей историей. На первый взгляд, количество таких формулировок в тексте кажется избыточным (16 раз в тексте главы и 118 раз суммарно в 10 главах), поскольку автор не ведет диалог или полемику, а представляет лишь свое мнение. Их частое использование, вероятно, объясняется тем, что таким путем в тексте автор четко отделяет распространенную молву и суеверия, иногда называемые им «су шо» (俗說 «[вошло в] обычай говорить, [что]»), от своей взвешенной оценки событий и явлений. Данный способ представления содержания сближает ФСТИ с трактатом «Лунь хэн» 論衡 («Взвешивание суждений», I – начало II в.)¹⁰.

Отдавая дань древности, автор начинает главу с сюжетов, взятых из официальных историй, летописей, трактатов, расположенных в хронологическом порядке, и продолжает в основном историями, взятыми из личного опыта. Тематически все сюжеты можно распределить на следующие группы.

лопедии, а служили тому, чтобы в удобной форме отразить уже накопленные данные [Dewoskin, 1986, vol. 1, p. 526]. По содержанию *лэйшу* могли быть антологиями или флорилегиями, т. е. содержать или полные тексты произведений, или выдержки из авторитетных работ.

⁷ В научном обороте имеется перевод данной главы на английский язык, выполненный М. Найлан в составе ее диссертационного исследования [Nylan, 1982, p. 519–576].

⁸ Как отмечали места Ван Лици и У Шупин, как минимум часть оригинальных заголовков разделов глав до нас не дошли и подверглись более поздней редакции.

⁹ Первое такое рассуждение встречается в разделе под названием «Гуйцзи су до иньсы» (會稽俗多淫祀 «В [округе] Гуйцзи [вошло в] обычай совершать много чрезмерных жертвоприношений»).

¹⁰ Автор трактата Ван Чун (王充, ок. 27–104 гг. н. э.) несколько раз использовал фразу *ши су чуань янь* (世俗傳言 «в мире [вошло в] обычай распространять речи [о том, что]») или аналогичные ей по смыслу, чтобы опровергнуть популярное ложное мнение о чем-либо.

1. Сюжеты 1–8¹¹ посвящены рассказам о чиновниках, которые при помощи правильного совета правителю или сослуживцу либо собственных активных административных мер оставили суеверия и «чрезмерные жертвоприношения»¹².

2. Сюжеты 9–11 описывают стихийные народные верования, возникшие из-за нелепого, даже комичного стечения обстоятельств и разросшиеся «на пустом месте». В итоге они были развеяны или прекратились сами, но происходило это без вмешательства чиновников. Все три текста имеют одинаковые сюжетные ходы и отличаются по стилистике от других историй, о чем будет сказано ниже.

3. В конце 8-го сюжета, а также в 12–14-х сюжетах содержатся рассуждения Ин Шао на тему наличия сознания у духов после смерти. Хотя и небольшие по объему, они содержат ключевые для главы авторские взгляды.

4. Первый сюжет из 12-го раздела, а также последние два сюжета главы представляют собой примеры того, как выход из затруднительной для персонажа ситуации помогали найти гадатели по гексаграммам: они правильно истолковывали знамения либо узнавали, как избавиться от нечисти в доме. Ин Шао оставлял эти истории без оценки, хотя имплицитно одобрял такой способ разрешения сложившегося положения.

5. В четырех оставшихся сюжетах (15 и 17–19) Ин Шао раскрыл тему моральных достоинств, таких как смелость и невозмутимость, помогавших людям безболезненно пережить встречу со сверхъестественным либо успешно сразить нечисть. Большинство из них не встречается в других дошедших до нас более ранних текстах. Исключение составляет предпоследний сюжет 14-го раздела про цзиньского Вэнь-гуна и чудовище в виде змеи [Фэн су тун и цзяоши, 1980, с. 350], который также включен в «Синь шу» (新書 «Новые сочинения», II в. до н. э.) [Синь шу, 2012, с. 210–211] и «Синь сюй» (新序 «Заново упорядоченные [истории]», I в. до н. э.) [Синь сюй цзяоши, 2001, т. 1, с. 215–219].

Два сюжета в составе этой группы, про чиновников Чжэн Ци (鄭奇) [Фэн су тун и цзяоши, 1980, с. 353–354] и Лай Цидэ (來季德) [Фэн су тун и цзяоши, 1980, с. 348–349], один из которых будет рассмотрен ниже, не содержат авторской оценки либо дидактического посыла внутри самой истории, откуда можно предположить, что авторские замечания к ним просто не сохранились.

В главе «Гуай шэнь» цитируется тринадцать разнообразных источников, включая прямые и не прямые цитаты, выявленные комментаторами. Чаще всего для подкрепления своих идей автор приводил фрагменты из «Лунь юя» (論語 «Обсуждённые речи», V–I вв. до н. э.), «Ли цзи» (禮記 «Записи о ритуале», I–II вв.), «Го юя» и «Цзо чжуани», т. е. конфуцианской классики и важнейших исторических сочинений.

Наибольшее количество цитат содержится во введении к главе и в первой группе сюжетов. В каждой из глав ФСТИ введение короткое по объему, всегда четко отделено от основного текста главы и состоит из постулирования автором своих главных тезисов по теме, после чего он тут же подтверждает эти тезисы несколькими цитатами из канонических текстов. Основной текст критических глав состоит из анекдотов, которые вновь подтверждают данные тезисы, причем на один тезис может приводиться по несколько примеров.

¹¹ В изданиях под редакцией У Шупина и Ван Лици нет нумерации сюжетов, но порядок их следования одинаковый, поэтому здесь для удобства принята нумерация сюжетов от начала главы к концу.

¹² Под «чрезмерными жертвоприношениями» (淫祀 *инь сы*) в древнекитайских текстах понимались церемонии, которые выходили за рамки установленных в официальных сводах *Сы дянь* (祀典 «Уставы жертвоприношений»). В это понятие входили такие нарушения, как, например, чрезмерные расходы на жертвоприношения, совершение неустановленных ритуалов, исполнение песен и танцев, не входящих в уставы, привлечение своих медиумов [Early Chinese religion, 2009, vol. 1, p. 876]. В юридических текстах, найденных в захоронении Шуйхуади (睡虎地), относящихся к III в. до н. э., сообщается также, что обладание алтарями духов без полномочий на то должно облагаться штрафом и классифицируется в тексте как *ци сы* (奇祠 «странные жертвоприношения») [Early Chinese religion, 2009, vol. 1, p. 863].

Например, во введении к главе «Гуй шэнь» говорится: 蓋非其鬼而祭之，諂也。又曰：「淫祀無福。」¹³ «Ведь “совершать жертвоприношения не своим духам [значит] заискивать [перед ними]”¹³. Также [в “Записях о ритуале”] сказано: “Чрезмерные жертвоприношения не [принесут] счастья”¹⁴» [Фэн су тун и цзяоши, 1980, с. 325].

Первый тезис иллюстрировали все сюжеты второй группы, в которых люди начинали спонтанно приносить жертвы неодушевленным предметам, уверовав в их сверхъестественную силу. Второй тезис иллюстрировала часть сюжетов первой группы: «Чэньян Цзин-ван цы» (城陽景王祠 «Храм [в честь] Цзин-вана¹⁵ в [удельном царстве] Чэньян¹⁶»); сюжет про губернатора Сун Цзюня (宋均)¹⁷, который приказал убить медиумов, и сюжет про губернатора и управителя общественных работ Диу Луна (第五倫)¹⁸, ограничившего жертвоприношения на месте новой службы [Фэн су тун и цзяоши, 1980, с. 333–341]. Эта особенность текста главы сближает его с трактатами эпохи Чжаньго (戰國 «Борющиеся царства», V–III вв. до н. э.), например «Хань Фэй-цзы» (韓非子 «Мудрец Хань Фэй», III в. до н. э.), где одной из задач было подобрать яркие и убедительные примеры для того или иного утверждения.

В первой группе сюжетов автор прибегает к анекдотам из исторических сочинений – «Янь-цзы Чуньцю» (晏子春秋 «Весны и осени Янь-цзы», V–III вв. до н. э.) и «Хань шу» (漢書 «Книга [эпохи Ранняя] Хань», I – начало II в.), а также из богатого притчами трактата «Гуань-цзы» (管子 «Мудрец Гуань», V–I вв. до н. э.). Истории из первых двух источников приводятся автором в пересказанном виде, но без сюжетных изменений. История из «Гуань-цзы» отсутствует в дошедшем до нас тексте этого трактата, однако Ван Лици отметил [Фэн су тун и цзяошжу, 2010, т. 2, с. 388], что похожий сюжет (с другим главным героем) есть в «Чжуан-цзы» (莊子 «Мудрец Чжуан», IV–I вв. до н. э.) [Чжуан-цзы цзи цзе, 2012, с. 161–162].

Помещенные в начале главы отсылки к историям, зафиксированным в более ранних текстах, использовались Ин Шао для того, чтобы актуализировать прошлое и показать, что заблуждения относительно сверхъестественных явлений, отраженные в древних памятниках, повторяются и в настоящем. Остальные пять сюжетов первой группы не были зафиксированы в более ранних источниках, и, судя по тому, что в них приводятся рассказы о людях, живших во время Поздней Хань, автор стремился усилить свою аргументацию личным служебным опытом и знаниями.

Остановимся теперь на характеристике сюжетов второй группы. Ниже приведен перечень особенностей, объединяющих их.

¹³ «Лунь юй» (2; 24).

¹⁴ Данная цитата представляет собой часть предложения из трактата «Ли цзи»: «[Когда] приносят в жертву то, [что] не [должно] приносить им в жертву, [это] называют чрезмерными жертвами; чрезмерные жертвы не [приносят] счастья» [Ли цзи цзи цзе, 1989, т. 1, с. 152–153; The Sacred Books of China, 1885, part 3, p. 116].

¹⁵ Цзин-ван (景王) – посмертное имя Лю Чжана (劉章, 200–177 гг. до н. э.), внука императора Гао-цзу (高祖, правл. 202–195 гг. до н. э.).

¹⁶ Удельное княжество Чэньян (城陽) было образовано при императоре Вэнь-ди (文帝, правл. 180–157 гг. до н. э.) после изменения статуса одноименного округа на удельное царство. Его центр находился в уезде Ин (莒縣) на месте совр. одноименного уезда в пров. Шаньдун.

¹⁷ Сун Цзюнь (宋均), официальное имя (цзы 字) Шу-сян (叔庠, ум. в 76 г. н. э.), чиновник родом из Наньяна (南陽), детали жизнеописания которого можно найти в XXIII, цзюань 41, в главе «Диу Чжунли Сун Хань лечжуань» (第五鍾離宋寒列傳 «Упорядоченные жизнеописания Диу, Чжунли, Сун, Хань»). Его биографию также см. [de Crespigny, 2007, p. 1176–1177].

¹⁸ Диу Лунь (第五倫), официальное имя Бо-юй (伯魚), происходил из правящего рода Тянь (田) княжества Ци (齊), жил в I в. н. э., детали его биографии также содержатся в разделе «Диу Чжунли Сун Хань лечжуань» XXIII. Также см. [de Crespigny, 2007, p. 145–146].

1. События всех трех сюжетов происходят в различных уездах Жунани (汝南)¹⁹, округа, откуда был родом Ин Шао²⁰.

2. Главные герои сюжетов были не чиновниками, а выходцами из простого народа – это торговец рыбой, пожилая крестьянка и крестьянин. Эта особенность и отсутствие других временных маркеров не дают возможности датировать сюжет каким-то определенным периодом.

3. Помимо главных героев, имена которых известны, имена и характеристики остальных упоминаемых персонажей отсутствуют, а в сюжете «Ши сянь ши шэнь» (石賢士神 «Божество каменная [статуя] Достойного Мужа») не дается никаких имен.

4. Сюжеты имеют общие повороты фабулы: вначале стечение обстоятельств заставляет людей верить в сверхъестественные способности не имеющего души объекта (соленой рыбы, сливы или статуи); в дальнейшем люди начинают передавать друг другу слухи о новом божестве, и его культ разрастается. В конце в одном случае он прекращается сам собой, а в двух других оказывается разоблачен героем, знавшим, что у объекта нет необычных свойств²¹.

5. По сравнению с другими сюжетами, здесь есть явная комичная сторона, которая достигается за счет преувеличенного описания размаха культа: акцент поставлен не на вред, нанесенный имущественному положению людей, поверивших в новое божество, а на невежество людей, не способных к рациональному осмыслению случившихся с ними событий.

6. Все три сюжета не упоминаются в других дошедших до нас древнекитайских текстах и позднее вошли подряд в состав трактата «Баопу-цзы» [Баопу-цзы нэй пянь, 1996, с. 175–176; Гэ Хун, 1999, с. 146–148], а один – в собрание «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записи о поисках духов», IV в.) [Соу шэнь цзи, 1985, с. 65–66; Гань Бао, 1994, с. 144–145]²².

Выделенные черты говорят о том, что стилистика этих сюжетов отличается от остальной главы. Возможно, изначально существовала устная традиция передачи подобных историй о необычных явлениях, но потом они были подвергнуты литературной обработке и зафиксированы в собраниях рассказов определенной местности. В таком виде Ин Шао мог позаимствовать их для своей работы. В пользу этой версии говорит и тот факт, что на следующую за Хань эпоху Лючао приходится яркое развитие жанра *чжигуай сяошио* (志怪小說 «рассказы, [содержащие] записи [об] удивительном»), а первые собрания *сяошио* в целом известны с эпохи Хань [Алимов, Кравцова, 2014, т. 1, с. 306–362].

Опустим анализ взглядов Ин Шао, раскрывающихся в следующих группах сюжетов, отметив лишь, что автор отстаивает в них конфуцианские воззрения: вместо того, чтобы исследовать потусторонний мир, он призывает к тому, чтобы человек в любой ситуации продумывал свои поступки с точки зрения морали и ритуальной уместности. Другой общей чертой последних трех групп является то, что Ин Шао часто приводит истории про персонажей, не упоминавшихся в других дошедших до нас более ранних источниках. Из них три персонажа были связаны с Жунанью, а другие четыре, упоминания о которых есть в XXIII, жили во II в. н. э., т. е. были близкими современниками автора. Это еще раз говорит о том, что в данной главе Ин Шао активно апеллировал к личному опыту.

Остановимся на одном любопытном случае с параллельным сюжетом, содержащимся в последней сюжетной группе. Он озаглавлен «Ши цзянь ван чжэ, до ю цзянь шэнь, юй янь инь ши, ци цзя синь и вэй ши, и юн бэй шан» (世間亡者, 多有見神, 語言飲食, 其家信以

¹⁹ Округ Жунань был образован при Западной Хань. При Восточной Хань его центр располагался в уезде Пинъюй (平輿), на севере совр. одноименного уезда в пров. Хэнань.

²⁰ Всего в главе содержится семь сюжетов, связанных с Жунанью, что составляет треть всех сюжетов главы.

²¹ В трактате «Баопу-цзы» (抱樸子, IV в.) сюжет «Ши сянь ши шэнь» отредактирован таким образом, что его развязка похожа на развязки двух других историй: культ был остановлен пожилой крестьянкой, поступок которой спровоцировал его возникновение.

²² Всего в главе «Гуай шэнь» есть десять сюжетов, которые вошли позднее в собрание «Соу шэнь цзи», что составляет почти половину дошедших до нас сюжетов главы.

為是，益用悲傷 «В мире [есть истории о том, как] умершие во множестве появлялись [в виде] духов, [которые] разговаривали, пили и ели, их семья верила [в то, что это] является правдой, [это] причиняло [им] еще больше горести и печали»). Ван Лици отметил [Фэн сун и цзяочжу, 2010, т. 2, с. 417], что аналогичная по содержанию история есть в дошедших до нас фрагментах сочинения «Синь лунь» (新論 «Новые рассуждения», далее – СЛ) Хуань Тяня (桓譚, 23 г. до н. э. – 56 г. н. э.)²³ в составе «Тайпин юйланы» (太平御覽 «Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин», X в., далее – ТПЮЛ). В ТПЮЛ данный сюжет приводится дважды, оба раза с отсылкой к СЛ: первый раз он цитируется, по-видимому, в полном виде [Тайпин юйланы, 1995, т. 4, с. 3933], а второй раз, спустя 10 цзюаней, в сокращенном пересказе [Тайпин юйланы, 1995, т. 4, с. 4012]. Для наглядности приведем перевод сюжетов из ФСТИ и ТПЮЛ, взяв из последнего полный вариант истории.

Из СЛ в составе ТПЮЛ:

桓譚《新論》曰：呂仲子婢死，有女四歲，數來為沐頭浣濯。道士云其家青狗為之，殺之則止。楊仲亦言所知家嫗死，忽起飲食，后醉而坐祭床氏。如是三四，家益厭苦。其後醉，形壞，狄老狗，便打殺之。推問乃里頭沽家狗。

В «Новых рассуждениях» Хуань Тяня говорится: «В [доме] Люй Чжун-цзы умерла служанка, [у нее] была дочка четырех лет, [служанка после смерти] несколько раз приходила, [чтобы] помыть ей голову, постирать и прополоскать [ее одежду]. Даосский маг сказал, [что] в их семье [демоническое существо в облике] черной собаки делает это; если убить ее, то [все] прекратится. Ян Чжун также рассказывал о том, что знает, [как однажды] в семье старушка скончалась, [а потом] вдруг поднялась, [начала] пить и есть, после [чего] напилась допьяна и села на ритуальное ложе их рода. Так [продолжалось] три-четыре [раза], семью еще больше сдавило страданиями. После этого [она еще раз] напилась допьяна, оболочка разложилась, [на ее месте] оказалась лишь старая собака, [члены семьи] тут же забили ее до смерти. Стали расспрашивать в их селении, [выяснилось, что это] собака из семьи торговца вином».

Из ФСТИ:

謹按：司空南陽來季德停喪在殯，忽然坐祭床上，顏色服飾，聲氣熟是也，孫兒婦女，以次教誡，事有條貫，鞭撻奴婢，皆得其過，飲食飽滿，辭訣而去，家人大哀剝斷絕，如是三四，家益厭苦。其後飲醉形壞，但得老狗，便朴殺之，推問里頭沽酒家狗。

Скромно замечу, что управитель общественных работ [родом из] Наньяна²⁴ Лай Цзидэ²⁵, [когда умер, но] еще не был захоронен и находился в гробу, вдруг сел на ритуальное ложе, [его] внешность, одежда, голос и интонация были, как раньше. Внуков, сыновей, жену и дочерей по порядку стал наставлять и выговаривать, навел порядок в делах, побил кнутом слуг и рабов, все получили от него обвинения, напился и наелся сполна и, распрощавшись, ушел. Домашние были убиты горем, так [продолжалось] три-четыре [раза], семью еще больше сдавило страданиями. После этого [Лай Цзидэ] напился допьяна, [его] оболочка разложилась, [на ее месте] оказалась лишь старая собака, [члены семьи] тут же забили ее до смерти. [Когда] расспросили в деревне, [выяснилось, что это] собака из семьи торговца вином [Фэн сун тун и цзяоши, 1980, с. 348–349].

Любопытным здесь является то, что при одинаковом сюжете в приведенных историях участвуют разные главные герои – с одной стороны, известный сановник, живший почти одновременно с Ин Шао, с другой стороны, безымянная старушка.

Маловероятной причиной совпадения сюжетов является пересказ с ошибками в ФСТИ истории из более раннего источника, т. е. СЛ. Во-первых, местами в двух фрагментах есть почти дословное текстуальное совпадение, чего обычно нет при пересказе, а во-вторых, если бы Ин Шао воспроизводил сюжет по памяти, то вряд ли сделал бы главным героем персонажа,

²³ Текст трактата СЛ был утрачен после Тан (唐, 618–907 гг.). В 1091 г. этой работы уже не было в императорской библиотеке. Он и сохранился до наших дней в виде значительного количества фрагментов, процитированных в других работах [Рокога, 1993, р. 158–160].

²⁴ Округ Наньян был образован в эпоху Чжаньго царством Цинь (秦) с центром в уезде Юань (宛) на территории совр. г. Наньян пров. Хэнань.

²⁵ Лай Янь, официальное имя Цзи-дэ (ум. в 178 г.). Происходил из округа Наньян и занимал должности управителя общественных работ (司空 *сыкун*), а также распорядителя обрядами [в храме предков императора] (太常 *тайчан*). Краткое описание его жизни содержится в ХХШ [Хоу Хань шу, 1965, т. 3, с. 593], см. также [de Crespigny, 2007, р. 401, 402].

жившего значительно позже самого Хуань Тяня. Видимых причин к тому, чтобы Ин Шао сознательно стремился модифицировать оригинал истории, заменив главного героя, также нет: в своем сочинении он нередко обращался к сюжетам, относящимся к разным эпохам, начиная с Чжаньго, т. е. не стремился описывать исключительно современников.

Более вероятной является версия о том, что в эпоху Хань могли иметь устное хождение сюжеты, похожие на рассказы в жанре *чжигуай*, которые имели вариации в зависимости от региона, в котором они передавались. Одним из таких повторяющихся сюжетов могла быть история про встающего из гроба человека, оказавшегося затем чудищем в виде собаки, которая была знакома и для Ин Шао, и для Хуань Тяня.

Эту версию усиливает еще одно совпадение: в приведенном фрагменте из СЛ истории про старушку предшествует рассказ о служанке, в которую вселился дух черной собаки. В главе «Гуай шэнь» ФСТИ есть похожий сюжет без дословных параллелей, где дух черной собаки вселяется в служанку и через нее вредит семье. Когда обеспокоенная семья призвала гадалею, он сказал следующее:

家當有老青狗物，內中婉御者益喜與為之。誠欲絕，殺此狗，遣益喜歸鄉里。

«В доме, должно быть, есть [демоническое] существо [в облике] старой черной собаки, молодая служанка И Си из внутренних покоев вместе с духом совершала все это. [Если] по-настоящему хотите избавиться [от этого], убейте эту собаку и отправьте И Си обратно в [ее родную] волость-деревню» [Фэн су тун и цзяоши, 1980, с. 353].

Здесь вновь видно совпадение сюжетов в СЛ и ФСТИ при различии главных героев и обстоятельств истории. Это говорит о том, что в эпоху Хань также мог изустно передаваться повторяющийся сюжет про дух черной собаки, который способен вселяться в людей.

Предложенной версии противоречит лишь наличие дословных текстуальных совпадений в сюжетах про встающего из гроба человека. Во втором случае упоминания сюжета из СЛ в ТПЮЛ сразу за ним следует несколько цитат из ФСТИ, взятых из разных глав [Тайпин юйлань, 1995, т. 4, с. 4013]. Поскольку эти источники цитируются друг за другом, вероятно, редакторы ТПЮЛ могли заметить и наличие похожих сюжетов в двух текстах. По этой причине они также могли переписать более полный вариант сюжета из СЛ, опираясь не на текст СЛ, а на текст ФСТИ. Отсюда у аналогичных историй появился дословно совпадающий текст, хотя изначально он мог таким и не являться.

Таким образом, остается возможность, что в СЛ и ФСТИ содержались истории, имевшие одну и ту же сюжетную основу про встающего из гроба человека и дух черной собаки, которые циркулировали в устной форме в эпоху Хань, при этом их изначальное происхождение установить сложно.

На примере главы «Гуай шэнь» видно, как Ин Шао использовал анекдотические сюжеты для раскрытия своей точки зрения на отношение людей к сверхъестественным явлениям. Подобные анекдоты он, вероятно, предлагал использовать как риторический прием в аргументации для дебатов при дворе. Исходя из состава источников, на которые опирался автор, можно говорить о том, что в главе доминируют конфуцианские представления об отношении к сверхъестественному. Автор лаконичен, когда речь заходила о посмертном бытии души, и подробен, когда писал о том, что следует рационально и критически подходить к событиям, которые кажутся сверхъестественными, а также строго следить на местах за размахом и содержанием локальных культов. Из содержания сюжетов видно, что автор, подбирая их, опирался как на фонд исторических знаний, известных всем образованным людям его времени, так и на личный опыт, т. е. часть главы представляет собой цитируемый по более ранним источникам материал, а часть содержит оригинальные сюжеты.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что рассмотренная глава складывалась из (1) сюжетов, взятых из нормативных историй, исторических сочинений и трактатов; (2) сюжетов, зачастую тесно связанных с Жунанью и заимствованных из собственного опыта автора, – истории о местных чиновниках и гадалах либо о локальных культах; (3) сюжетов о сверхъестественном, свободно циркулировавших при Хань в устной форме. Местами

сложно установить первоначальный источник историй главы: неизвестно точно, мог ли Ин Шао брать их из не дошедшего до нас письменного текста или опирался на устную традицию передачи таких историй. Однако, судя по тому, что оригинальные сюжеты частично вошли в собрания «Соу шэнь цзи» и «Баопу-цзы», глава «Гуай шэнь» стала предшественником собраний историй о сверхъестественном в эпоху Лючао.

Список литературы

- Алимов И. А., Кравцова М. Е.** История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: Поэзия, проза: В 2 ч. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 1408 с.
- Гань Бао.** Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Пер. с древнекит., предисл., примеч. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. 576 с.
- Гэ Хун.** Баопу-цзы / Пер. с кит., коммент., предисл. Е. А. Торчинова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 384 с.
- De Crespigny R.** A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD). Leiden: Brill, 2007. 1306 p.
- Dewoskin K.** Lei-shu 類書 / Ed. by W. H. Nienhauser // The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature. Bloomington; Indianapolis: Indiana Uni. Press, 1986. P. 526–529.
- Early Chinese religion / Ed. by John Lagerwey and Marc Kalinowski. Leiden: Brill, 2009. In 2 vols. 1256 p.
- Nylan M.** Feng su t'ung yi: an Exploration of Problems in Han Dynasty Political, Philosophical and Social Unity. A Dissertation presented to the Faculty of Princeton University in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. Princeton: Princeton Uni. Press, 1982. 642 p.
- Nylan M.** Feng su t'ung i 風俗通義 // Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide / Ed. by M. Loewe. Berkeley: Society for the study of early China, Institute of East Asian studies, Uni. of California, 1993. P. 105–112.
- Pokora T.** Hsin Lun 新論 // Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide / Ed. by M. Loewe. Berkeley: Society for the study of early China, Institute of East Asian studies, Uni. of California, 1993. P. 158–160.
- Schaberg D.** A patterned past: form and thought in early Chinese historiography. Cambridge: Harvard Uni. Asia Center, 2001. 503 p.
- The Sacred Books of China: The Texts of Confucianism / Transl. by J. Legge. Oxford: At The Clarendon Press, 1885. Part 3. The Li Ki, I–X. 484 p.
- Баопу-цзы нэй пянь цзяоши [抱樸子內篇校釋 / 王明著]. Внутренние главы «Баопу-цзы» с замечаниями и комментариями / Сост. Ван Мин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1996. 399 с. (на кит. яз.)
- Ли цзи цзи цзе [禮記集解 / 孫希旦撰]. Сборник комментариев к «Записям о ритуале»: В 3 т. / Сост. Сунь Сидань. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1989. 1487 с. (на кит. яз.)
- Синь суй цзяоши [新序校釋 / 劉向編著, 石光瑛校釋, 陳新整理]. «Новые упорядочивания» с замечаниями и комментариями: В 2 т. / Сост. Лю Сян, замеч. и коммент. Ши Гуан-ина, ред. Чэнь Синь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2001. 1405 с.
- Синь шу [新書 / 方向東譯註]. Новые сочинения / Пер. и коммент. Фан Сян-дуна. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2012. 363 с. (на кит. яз.)
- Соу шэнь цзи [搜神記 / 干寶撰]. Записи о поисках духов / Сост. Гань Бао. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985. 263 с. (на кит. яз.)
- Тайпин юйлань [太平御覽 / 李昉等撰]. «Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин»: В 4 т. / Сост. Ли Фан и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1995. 4427 с. (на кит. яз.)
- Фэн су тун и цзяочжу [風俗通義校注(漢)應劭撰;王利器校注]. «Проникновение в смысл веяний и обычаев» с комментариями: В 2 т. / Сост. Ин Шао (Хань), под ред. Ван Лици. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2010. 652 с. (на кит. яз.)

- Фэн су тун и цзяоши [風俗通義校釋 / 應劭撰, 吳樹平校釋]. «Проникновение в смысл веяний и обычаев» с замечаниями и комментариями / Сост. Ин Шао; замеч. и коммент. У Шупина. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1980. 570 с. (на кит. яз.)
- Хоу Хань шу [後漢書 / 范曄撰]. Книга [эпохи] Поздняя Хань: В 12 т. / Сост. Фань Е. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965. 3684 с. (на кит. яз.)
- Чжуан-цзы цзи цзе [莊子集解 / 王先謙著]. Сборник комментариев к «Чжуан-цзы» / Сост. Ван Сяньцян. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2012. 608 с. (на кит. яз.)
- Шо вэнь цзе цзы чжу [說文解字注 / 段玉裁注, 許惟賢整理]. «Разъяснение простых и анализ составных знаков» с комментариями: В 2 т. / Коммент. Дуань Юйцая, под ред. Сюй Вэйсяня. Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2015. 1653 с. (на кит. яз.)

References

- Alimov I. A., Kravtsova M. E.** Istoriya kitaiskoi klassicheskoi literatury s drevnosti i do XIII v.: poeziya, proza [The History of Classical Chinese Literature from Antiquity to the 13th c.: Poetry, Prose]. In 2 parts. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014, 1408 p. (in Russ.)
- De Crespigny R.** A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD). Leiden, Brill, 2007, 1306 p.
- Dewoskin K.** Lei-shu 類書. Ed. by W. H. Nienhauser. In: The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature. Bloomington, Indianapolis, Indiana Uni. Press, 1986, pp. 526–529.
- Early Chinese religion. In 2 vols. Ed. by John Lagerwey and Marc Kalinowski. Leiden, Brill, 2009, 1256 p.
- Gan Bao.** Zapiski o poiskakh dukhov (Sou shen czi) [Investigations into deities (Sou shen ji)]. Transl. from Old Chinese, notes, index dictionary and preface by L. N. Menshikov. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1994, 576 p. (in Russ.)
- Ge Hong.** Baopu-czy [Baopuzi]. Transl. from Chinese, comments and preface by E. A. Torchinov. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 384 p. (in Russ.)
- Nylan M.** Feng su t'ung yi: an Exploration of Problems in Han Dynasty Political, Philosophical and Social Unity. A Dissertation presented to the Faculty of Princeton University in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. Princeton, Princeton Uni., 1982, 642 p.
- Nylan M.** Feng su t'ung i 風俗通義. In: Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide. Ed. by M. Loewe. Berkeley, Society for the study of early China, Institute of East Asian studies, Uni. of California, 1993, pp. 105–112.
- Pokora T.** Hsin Lun 新論. In: Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide. Ed. by M. Loewe. Berkeley, Society for the study of early China, Institute of East Asian studies, Uni. of California, 1993, pp. 158–160.
- Schaberg D.** A patterned past: form and thought in early Chinese historiography. Cambridge, Harvard Uni. Asia Center, 2001, 503 p.
- The Sacred Books of China: The Texts of Confucianism. Transl. by J. Legge. Oxford, At The Clarendon Press, 1885, part 3, The Li Ki, I–X, 484 p.
- Baopuzi neipian jiaoshi [抱樸子內篇校釋 / 王明著]. Inner Chapters of “Baopuzi” with commentaries. Beijing, Zhonghua shuju, 1996, 399 p. (in Chin.)
- Feng su tong yi jiaozhu [風俗通義校注(漢)應劭撰;王利器校注]. “Penetrating into the Meaning of Traditions and Customs” with commentaries. In 2 vols. Comp. Ying Shao, ed. Wang Li-qi. Beijing, Zhonghua shuju, 2010, 652 p. (in Chin.)
- Feng su tong yi jiaoshi [風俗通義校釋 / 應劭撰, 吳樹平校釋]. “Penetrating into the Meaning of Traditions and Customs” with Remarks and Comments. Comp. Ying Shao, notes and comment. by Wu Shu-ping. Tianjin, Tianjin renmin chubanshe, 1980, 570 p. (in Chin.)
- Hou Han shu [後漢書 / 范曄撰]. Book of the Later Han. In 12 vols. Comp. Fan Ye. Beijing, Zhonghua shuju, 1965, 3684 p. (in Chin.)

- Li ji ji jie [禮記集解 / 孫希旦撰]. "Records of the Ritual" with a collection of commentaries. In 3 vols. Comp. Sun Xi-dan. Beijing, Zhonghua shuju, 1989, 1487 p. (in Chin.)
- Shuo wen jie zi zhu [說文解字注 / 段玉裁注, 許惟賢整理]. "Explaining simple and analyzing compound characters with commentaries". In 2 vols. Comment. by Duan Yu-cai, ed. by Xu Wei-xian. Nanjing, Fenghuang chubanshe, 2015, 1653 p. (in Chin.)
- Sou shen ji [搜神記 / 干寶撰]. Investigations into deities. Comp. Gan Bao. Beijing, Zhonghua shuju, 1985, 263 p. (in Chin.)
- Taiping yulan [太平御覽 / 李昉等撰]. "Imperial overview from the Taiping [xingguo] reign-period". In 4 vols. Comp. Li Fang and others. Beijing, Zhonghua shuju, 1995, 4427 p. (in Chin.)
- Xin shu [新書 / 方向東譯註]. New Documents. Transl. and comment. by Fang Dong-xiang. Beijing, Zhonghua shuju, 2012, 363 p. (in Chin.)
- Xin xu jiaoshi [新序校釋 / 劉向編著, 石光瑛校釋, 陳新整理]. "New Arrangements" with commentaries. In 2 vols. Comp. Liu Xiang, comment. by Shi Guang-ying, ed. by Chen Xin. Beijing, Zhonghua shuju, 2001, 1405 p. (in Chin.)
- Zhuangzi ji jie [莊子集解 / 王先謙著]. "Zhuangzi" with a collection of commentaries. Comp. Wang Xian-qian. Beijing, Zhonghua shuju, 2011, 608 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Клементьева

WoS Researcher ID LZH-6586-2025

RSCI Author ID 1275937

SPIN 2604-4029

Information about the Author

Tatiana V. Klementeva

WoS Researcher ID LZH-6586-2025

RSCI Author ID 1275937

SPIN 2604-4029

Статья поступила в редакцию 19.02.2024;

одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 31.01.2025

The article was submitted on 19.02.2024;

approved after reviewing on 20.01.2025; accepted for publication on 31.01.2025

Научная статья

УДК 93/94

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-101-113

Переписка между Н. Я. Бичуриным и корейскими посланниками в Пекине

Янь Миньсян

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Фуданьский университет
Шанхай, Китай

ymxfdu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2645-0445>

Аннотация

Статья посвящена анализу ранней корреспонденции Н. Я. Бичурина с корейскими посланниками в Пекине на материалах из собрания Института восточных рукописей РАН. Письма первой четверти XIX в. представителей миссий двух стран не встречаются в изданных сборниках документов. Целью данной статьи является анализ содержания писем, описание взаимоотношений между членами миссий, определение исторической ценности их ранней корреспонденции для изучения китайско-российско-корейских отношений накануне Нового времени и введение писем в научный оборот. Содержание писем свидетельствует о глубоком взаимном интересе и стремлении обеих сторон получить ценные знания в различных сферах. Новизна исследования заключается в том, что данные рукописные материалы, тесно связанные с великим российским китаеведом Н. Я. Бичуриным, прежде не изучались и не были опубликованы. Актуальность исследования вызвана ростом научного интереса к новым рукописным материалам по истории российского китаеведения и российско-корейских отношений.

Ключевые слова

Н. Я. Бичурин, Российская духовная миссия в Пекине, Корея, российско-корейские отношения

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Китайского стипендиального совета (CSC), № 202009010096

Для цитирования

Янь Миньсян. Переписка между Н. Я. Бичуриным и корейскими посланниками в Пекине // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 101–113. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-101-113

Correspondence between N. Ya. Bichurin and Korean Envoys in Beijing

Yan Minxiang

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Fudan University
Shanghai, China

ymxfdu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2645-0445>

Abstract

The article is devoted to the analysis of N. Ya. Bichurin's early correspondence with Korean envoys in Beijing based on materials from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Letters of the first quarter of the 19th century from representatives of the missions of the two countries are not found in modern published

© Янь Миньсян, 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 101–113
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 101–113

collections of documents. The purpose of this article is to analyze the content of the letters, to describe the relationship between the members of the missions, to determine the historical value of the early correspondence for the study of Sino-Russian-Korean relations on the eve of the new era, and to introduce the letters into scientific circulation. The content of the letters shows a deep mutual interest and the desire of both sides to gain valuable knowledge in various spheres. The novelty of the study becomes the fact that these manuscript materials, closely related to the great Russian sinologist N. Ya. Bichurin, have not been studied and published before. The relevance of the study is caused by the growing scientific interest in new manuscript materials on the history of Russian sinology and Russian-Korean relations.

Keywords

N. Ya. Bichurin, Russian Orthodox Mission in Beijing, Korea, Russian-Korean relations

Acknowledgements

This article was made possible with the support of the China Scholarship Council (CSC), no. 202009010096

For citation

Yan Minxiang. Correspondence between N. Ya. Bichurin and Korean Envoys in Beijing. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 101–113. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-101-113

Поскольку между Кореей и Россией не было прямых контактов до 1860 г., первичных источников на русском и китайском языках о связях двух стран в этот период немного. В собрании Института восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН) есть письма корейских посланников, которые могут послужить новым материалом для изучения раннего этапа корейско-китайско-российских отношений. Там хранятся 20 рукописных копий и 5 оригиналов писем корейских посланников начала XIX в. Копии писем встречаются в рукописном сборнике под шифром С56 в китайском фонде Nova. В сборник еще включены благодарственные обращения корейского государя Сунджо (純祖, 순조, 1801–1834) к цинскому императору Цзяцину (1796–1820) в 1813 и 1814 гг., которые описаны в каталогах корейских ксилографов и рукописей ИВР РАН [Петрова, 1963, с. 131–132; Троцевич, Гурьева, 2009, с. 245–246]. Письма в сборнике расположены без определенного порядка. В письмах № 2–14 не указан получатель. В нескольких письмах отсутствуют даты написания:

- 1) Записи беседы, без даты, л. 322А–323А;
- 2) Письмо корейского премьер-министра Чо Инёна (趙寅永, 조인영, 1782–1850), 26 число 10 месяца 22 года Цзяцин (4 декабря 1817 г.), л. 323а–324а;
- 3) Письмо Ли Инсу (李麟秀, 이인수, 1789–?), без даты, л. 324б;
- 4) Письмо Ли Бонсу (李藩秀, 이번수), 26 число 1 месяца 22 года Цзяцин (13 марта 1817 г.), л. 325а;
- 5) Письмо Ли Инсу, без даты, л. 325б;
- 6) Письмо Ли Инсу, 25 число 10 месяца 23 года Цзяцин (23 ноября 1818 г.), л. 326;
- 7) Письмо Ли Инсу, 24 число 10 месяца 24 года Цзяцин (11 декабря 1819 г.), л. 327а;
- 8) Письмо Ли Инсу, без даты, л. 327б;
- 9) Письмо Ли Хаксу (李鶴秀, 이학수, 1780–1859), без даты, л. 328;
- 10) Письмо Ли Инсу, без даты, л. 329а;
- 11) Письмо Ли Хаксу, 23 число 10-го месяца 25 года Цзяцин (30 ноября 1820 г.), л. 330а;
- 12) Письмо сановника Ли Човона (李肇源, 이조원, 1758–1832), без даты, л. 330б;
- 13) Письмо Ли Инсу, 2 число 1 месяца 1 года Даогуан (4 февраля 1821 г.), л. 331а;
- 14) Письмо Ли Човона, без даты, л. 331б;
- 15) Письмо Хэ Чжианя (和直庵), адресованное Чо Инёну, без даты, л. 333;
- 16) Письмо Хэ Чжианя, адресованное Ли Инсу, без даты, л. 334;
- 17) Письмо Хэ Чжианя, без даты, л. 335;
- 18) Письмо Хэ Чжианя, без даты, л. 336;
- 19) Письмо Хэ Чжианя, адресованное Ли Инсу, без даты, л. 337;
- 20) Письмо Хэ Чжианя, адресованное Чо Инёну, без даты, л. 338а.

В корейском фонде находится 5 оригиналов писем (шифры D97 и A7). Они встречаются в каталогах корейских ксилографов и рукописей ИВР РАН [Троцевич, Гурьева, 2009, с. 244–245]. Под шифром D97 хранятся следующие письма:

1) Письмо Ли Инсу, адресованное Хэ Чжианю (копия этого письма имеется в сборнике C56 под № 7);

2) Письмо Ли Човона, адресованное Хэ Чжианю (его копия в сборнике C56, № 14);

3) Письмо Ли Хаксу, адресованное Хэ Чжианю (копия в сборнике C56, № 9);

4) Письмо Ли Човона, адресованное Хэ Чжианю (копия в сборнике C56, № 12).

Под шифром A7 хранится письмо Чо Инёна Хэ Чжианю, копия которого под № 2 приведена в сборнике.

Ранее мы пришли к выводу, что Н. Я. Бичурин адресовал письма корейским посланникам под именем Хэ Чжианя [Янь Миньсян, 2022, с. 73]. В данной статье предполагается уточнить хронологию этой переписки и детально исследовать контакты Н. Я. Бичурина с корейскими посланниками.

Ли Инсу прибыл в Пекин в начале 1817 г. и тогда же познакомился с Н. Я. Бичуриным. В собрании ИВР хранятся 7 писем Ли Инсу Бичурину (№ 3, 5, 6, 7/21, 8, 10, 13) и 2 письма Бичурина Ли Инсу (№ 16, 19). В письмах Ли Инсу Бичурину № 3, 5 и 8 не указаны даты написания, но в этих письмах встречаются такие слова:

Сегодня получил Ваше письмо и четыре чашки вкусных блюд. Огромное спасибо! (今承惠書，及四碗佳味，珍感萬萬。№ 3, л. 3246);

Завтра утром должен буду прибыть заранее, но мне придётся сразу же вернуться. Потому что не могу долго сидеть из-за болезни (明日當早進而又未免徑還，蓋病不能久坐。№ 5, л. 3256);

Вчера я был радушно принят, был сыт и пьян благодаря Вашей доброте. Вернувшись домой, [я] неотступно помышлял [и] никак не мог забыть [оказанное мне гостеприимство]. Завтра я приду пораньше (昨獲款接，醉飽以德。歸來耿耿，殆不能忘也。明日當早往做穩。№ 8, л. 3276).

По цитатам мы можем узнать, что Ли Инсу часто приходил к Н. Я. Бичурину в гости и бывал им радушно принят, получал от него в дар блюда. Очевидно, эти письма были написаны в период нахождения Ли Инсу в Пекине в начале 1817 г. По «Плану Пекина, снятому в 1817 г.» Н. Я. Бичурина южная резиденция Российской духовной миссии и резиденция корейской дипмиссии находились рядом. Таким образом, Ли Инсу мог часто посещать южную резиденцию.

В «Описании Пекина» Бичурин сообщает о резиденции корейцев:

Подворье худо выстроено, а содержится еще хуже. Приезжающие корейцы по большей части делают для себя в покоях рогоженные шалашики, в которых и проводят зиму. Даже первый посланник занимает места, не более полу-комнатки перегороженной [Бичурин, 1829, с. 50].

Видимо, Н. Я. Бичурин тоже посещал резиденцию корейской дипмиссии. В письмах Ли Инсу обсуждал с Бичуриным восточную литературу. В частности, он получил от Бичурина сочинение по китайской истории:

Очень рад, что Вы передали мне книгу «Ганму». Попозже мой слуга занесет Вам деньги (《綱目》荷此委送，尤所欣喜。價銀少選當送鄙俸資去矣。№ 3, л. 3246).

Под «Ганму», должно быть, подразумевается «Юйпи Цзычжи тунцзянь ганму» (御批資治通鑑綱目, «Высочайше утвержденное официальное издание “Всеобщего зеркала, правлению помогающего”»), хроника китайской истории с 403 до н. э. до 1644 г. В период Цин она была одним из самых популярных официальных исторических сочинений. Н. Я. Бичурин перевел части этого сочинения на русский язык после возвращения в Россию.

Почему Ли Инсу мог просить Бичурина прислать сочинение по китайской истории? С периода правления императора Канси цинский двор запрещал корейским посланникам покупать историческую литературу в Китае: «корейским посланникам запрещено покупать любые исторические книги» [Ли Гап, 2001, с. 464]. Однажды даже посланник был наказан Министер-

ством церемоний (禮部) Цинской империи за то, что купил исторические книги [Ян Юйлэй, 2005, с. 117]. В начале XIX в. ограничение было ослаблено, но корейцам по-прежнему было трудно покупать работы по китайской истории. Таким образом, Ли Инсу добывал «Ганму» через Н. Я. Бичурина в связи с цинским запретом, хотя эта книга в Китае была популярной. Кроме того, Ли Инсу просил Н. Я. Бичурина:

После того как, Вы завершите “Карту дворцового, внутреннего и внешнего городов”, смогу ли просить позволения ознакомиться с нею (完《皇城內外圖本》，又爲借惠如何？ № 5, л. 3256).

В Китае Н. Я. Бичурин составил «План Пекина, снятый в 1817 г.» и после возвращения в Россию опубликовал его. Во время династий Мин и Цин корейские посланники по традиции создавали детальные описания Пекина и карты. Поскольку Ли Инсу имел тесные связи с Н. Я. Бичуриным в течение всего времени своего проживания в Пекине, вполне естественно, что он обратил особое внимание на «План Пекина» Н. Я. Бичурина. «Карта дворцового, внутреннего и внешнего городов», упомянутая в письме, вероятно, была черновиком того плана.

После возвращения в Корею в марте 1817 г. Ли Инсу продолжал общаться с Бичуриным. В Письме (№ 16) Н. Я. Бичурин просил Ли Инсу показать корейскую медицинскую книгу «Тоный богам» (東醫寶鑑, 동의보감, «Драгоценное зеркало медицины Восточной страны»):

Я услышал о книге «Тоный богам», атласе и других материалах из Вашей страны. Все они прекрасны. Очень жаль, что не могу найти и купить их (曾聞貴邦《東醫寶鑑》、輿圖諸書，盡善盡美，奈無緣購覓，殊深扼腕。 № 16, л. 334).

В письме № 6 Ли Инсу пишет:

Вы просили «Ыйгам» (醫鑒, 의감). Объем небольшой, привезти книгу было нетрудно, но она уже напечатана в Срединном государстве. Корейцы тоже покупают. [Поэтому я не привёз её.] Прошу прощения (俯囑《醫鑒》，非特巨帙難輸，中國已爲開板，東人亦多購致，幸諒之也。 № 6, л. 326a).

Медицинское сочинение «Тоный богам», написанное Хо Джуном (許浚, 허준, 1539–1615), впервые было напечатано в 1613 г. После первого издания до начала XIX в. в Корею вышло четыре переиздания – в 1659, 1718, 1754 и 1820 гг. [Цуй Сюйхань, 1991, с. 229–230]. В течение 66 лет, с 1754 до 1820 г., в Корею «Тоный богам» не переиздавалось. В Китае оно было впервые напечатано в 1766 г. В 1796–1797 гг. в Китае вышло в свет три новых издания разных печатен. [Там же, с. 231–232], поэтому Ли Инсу предложил Н. Я. Бичурину купить это сочинение в Китае.

В первой половине XIX в. члены духовной миссии должны были покупать книги в Пекине для Библиотеки Азиатского департамента. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранится «Список китайских и маньчжурских книг, вывезенных из Пекина для Библиотеки Азиатского департамента» первой половины XIX в. В нем встречается «Тоный богам» (№ 147)¹. В каталоге восточных книг в Библиотеке Азиатского департамента, изданном в 1843 г., тоже упомянуто «Тоный богам» (№ 285) [Архимандрит Аввакум, 1843, с. 48], которое состоит из 4 томов и 25 книг. В корейском фонде ИВР РАН хранится экземпляр «Тоный богам» (шифр D10) из коллекции Азиатского департамента, который тоже описан в каталогах корейских ксилографов и рукописей в ИВР РАН [Петрова, 1963, с. 126–127; Троцевич, Гурьева, 2009, с. 144–145]. Экземпляр в ИВР РАН имеет вид типичного старого корейского издания и тоже состоит из 4 томов и 25 книг. На последнем листе каждой книги есть круглая печать Библиотеки Азиатского департамента с двуглавым орлом. Очевидно, данный экземпляр был привезен в Россию из Пекина членами духовной миссии.

Бичурин прожил в Пекине более десяти лет, часто посещал книжные лавки и печатни, покупал разные книги, поэтому он, вероятно, был знаком с новыми изданиями корейского медицинского сочинения в Китае. В таком случае зачем он просил у Ли Инсу данное сочинение?

¹ Список китайских и маньчжурских книг, вывезенных из Пекина для Библиотеки Азиатского департамента. РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 42. Л. 3а.

Не мог ли он нуждаться в оригинальном корейском издании? Поэтому мы предполагаем, что экземпляр, привезенный членами духовной миссии из Пекина в Россию, был передан им членами корейской дипмиссии в более позднее время.

Письмо № 6 Ли Инсу – ответ Н. Я. Бичурину (№ 16). В конце письма № 6 указана дата написания – 23 ноября 1818 г. Корейская миссия 1818 г. отправилась в путь в тот же день [Ян Юйлэй, 2005, с. 298]. Ее члены явно помогли автору передать данное письмо Н. Я. Бичурину. В письме № 16 Бичурин пишет:

В начале весны посланник Вашей страны прибыл в нашу резиденцию. Я получил Ваше письмо и узнал, что у Вас все в порядке. Очень рад (春初貴介來館，接披翰教，敬悉起居萬福，欣羨奚似。Л. 334а).

Мы можем определить, что он получил письмо Ли Инсу от членов корейской дипмиссии в начале весны 1818 г. Это означает, что Ли Инсу написал письмо зимой 1817 г. и попросил членов дипмиссии 1817 г. передать его Н. Я. Бичурину. Письмо № 16 было написано Бичуриным весной 1818 г. и через членов дипмиссии передано Ли Инсу. В ответном письме № 6 Ли Инсу пишет:

Каждый день я ждал возвращения наших посланников. В конце весны получил Ваше письмо, и узнал, что Вы в новом году в здравии (日乞使价之還，於暮春獲奉委函，敬悉新年道體多福。Л. 326а).

Обычно дорога из Пекина в Сеул занимала два месяца, поэтому Ли Инсу получил письмо Бичурина в конце весны. В письме № 16 Н. Я. Бичурин сообщал Ли Инсу дату своего возвращения на родину:

Дата возвращения на родину пока не определена. Мне очень грустно... я планирую готовить подарки из местной продукции. Но смена до сих пор не пришла в Пекин. Подождите, пожалуйста! Когда смена придёт, я выберу чего-нибудь и подарю Вам (返國日期尚難預定，殊深悶悶。...僕擬稍備土產，聊作瓊瑤之報，奈換班之人尚未到京，容俟來時定當選擇數種附呈左右。Л. 334а).

Очевидно, что в письме зимы 1817 г. Ли Инсу спрашивал Н. Я. Бичурина о дате его возвращения в Россию. Девятая духовная миссия пришла в Китай в 1807 г. По правилам она должна была вернуться в 1817 г. 18 ноября 1816 г. Н. Я. Бичурин писал в Синод пространное письмо, в котором просил оставить его на следующее десятилетие для продолжения работ [Скачков, 1977, с. 95]. В конце концов Н. Я. Бичурин был оставлен в Китае до 1821 г., поэтому зимой 1818 г. Ли Инсу в ответном письме пишет:

Дата [Вашего] возвращения на родину переносится, и я могу [по-прежнему] слать Вам письма. Весной прошлого года я был радушно принят. Если нам удастся повидаться вновь, буду очень рад (且回國退期，使我又有此寸楮寄音。前春款洽，若將再遇，甚喜甚喜。№ 6, л. 324а).

11 декабря 1819 г. Ли Инсу еще раз писал Бичурину (№ 7, 21). Корейская дипмиссия этого года отправилась в Пекин в тот же день [Ян Юйлэй, 2005, с. 298]. Ли Инсу мог попросить членов дипмиссии передать письмо Н. Я. Бичурину. Кроме того, что Ли Инсу спрашивал у Н. Я. Бичурина о дате возвращения, в этом письме он вспоминал еще о своей прошлой жизни в Пекине.

Весной этого года посланники вернулись. Я прочитал Ваше послание. Раньше я ходил к Вам в гости, и Вы часто заказывали вкусные блюда... Очень рад... В каком году Вы вернетесь в родные края? (今春使還，承覽惠覆披書，客中動定珍晏...何慰如之...回期當在何年? № 7, л. 327а).

Последнее письмо (№ 13) Ли Инсу было написано 4 февраля 1821 г., а 9 февраля Ли Човон, отец Ли Инсу, отправился в Пекин в качестве начальника корейской дипмиссии для выражения поздравлений по поводу восшествия императора Даогуана на престол [Ян Юйлэй, 2005, с. 298]. Это письмо было передано Н. Я. Бичурину Ли Човоном (см. ниже в данной статье). В том письме Ли Инсу пишет:

После расставания прошло пять лет. Скучаю по Вам... В этот раз я не смог поехать в Пекин. В будущем нам больше не удастся свидеться... Древние люди тоже страдали в разлуке, а тем более мы, кто не сможет встретиться до конца оставшейся жизни... Берегите себя на обратном пути домой. Мои скромные подарки –

это выражения чувств друга из далёкой стороны. Хотел бы, чтобы Вы не отказались и приняли их с улыбкой (一別五年，懷念徒切... 此次未能入燕，從此不復相見... 古人亦以別離為難，況吾輩此生不可再見者耶？... 惟願歸車保重。薄物，遠人表情，勿卻而莞領也。 № 13, л. 331a).

Письмо № 19 – последнее от Н. Я. Бичурина, адресованное Ли Инсу. Н. Я. Бичурин пишет:

Вчера Ваш посланник прибыл в Пекин для служебных дел. Я получил Ваше письмо. Благодарю Вас за привет. Я принял Ваши подарки – пилюли и бумагу для писем... Датой возвращения определено 26 число 4 месяца. После этого мы будем далеко-далеко друг от друга. Нам трудно будет обмениваться рукопожатиями. Мы окажемся в разных далеких странах, и наша связь через письма оборвется (昨貴使述職入都，承手書先頌，殷殷存問... 蒙賜藥紙等一併收領... 僕人歸期，定於四月二十六日，從茲天南地北，握手恆難，異域殊疆，魚書用絕。 № 19, л. 337a).

Корейская дипмиссия отправилась из Сеула 9 февраля. По хронике «Цин Сюаньцзун Шилу» (清宣宗實錄, «Правдивые записи Императора Сюаньцзун Династии Цин»), 10 апреля Ли Човон получил аудиенцию у цинского императора Даогуана [Цин Шилу, 1985, т. 33, с. 275]. Поэтому Ли Човон, скорее всего, прибыл в Пекин в начале апреля и доставил Н. Я. Бичурину письмо Ли Инсу. Наверное, вскоре после этого Н. Я. Бичурин написал ответное письмо. Датированные письма Ли Инсу Н. Я. Бичурину были написаны в конце 1818 – 1819 г. и, очевидно, в эти же годы переданы через корейские посольские миссии. Но в собрании ИВР есть одно письмо Ли Инсу (№ 10) без даты. В нем корейский автор спрашивал о сроке возвращения Н. Я. Бичурина:

Не на следующий ли год намечено возвращение?... Если в следующем году не поедете назад в страну, будем поддерживать дружеское общение. Буду рад узнать точные вести [о вашем возвращении на родину] (歸期當在明年否？... 明年如不歸國，又當修好，幸詳示之也。 № 10, л. 329a).

Здесь возможны две даты: 1) зима 1820 г.; 2) зима 1817 г. С ноября по декабрь 1820 г. корейский двор отправлял в Пекин три посольства для выражения соболезнований по поводу смерти китайского императора Цзяцина [Ян Юйлэй, 2005, с. 298]. В связи с тем что переезд из Сеула в Пекин занимал около двух месяцев, эти три миссии должны были прибыть в Пекин в январе или феврале 1821 г. Таким образом, до отправления Ли Човона в Пекин 9 февраля того же года Ли Инсу не мог получить ответное письмо Н. Я. Бичурина. Из письма № 13 видно, что он уже знал дату возвращения Н. Я. Бичурина, поэтому письмо № 10 не могло быть написано зимой 1820 г. Если соотнести письмо № 10 с письмом № 16, написанным Н. Я. Бичуриным весной 1818 г., слова в нем («В начале весны посланник Вашей страны прибыл в нашу резиденцию», «Дата возвращения на родину пока не определена») могут выглядеть как ответ на письмо Ли Инсу. Мы предполагаем, что письмо № 10 было написано зимой 1817 г. и передано адресату в том же году.

Ли Човон (Ли Джовон в транскрипции Л. Р. Концевича) отправлялся в Пекин в качестве руководителя корейской посольской миссии в 1816 и 1821 гг. В собрании ИВР РАН хранятся два его письма Н. Я. Бичурину (№ 12/24, 14/22). В письме № 14 Ли Човон пишет:

Весной года Динчоу мой сын многократно связывался с Вами. Хотя я никогда не встречался с Вами, часто получал сообщения о Вас... Сейчас я вновь прибыл в Пекин... мой сын из-за служебных дел не мог покинуть [Корею]. В этот раз у него не получилось приехать вместе с нами, [о чем, он], конечно, глубоко сожалеет. [Наверное, Вы,] Чжиань, испытываете те же чувства (丁丑春兒子頻往來。雖未觀光儀，聲息密邇，與密談無異... 今次再來... 兒子有官守，不得離。今行不隨來，渠固悵悵。而直庵亦應一般懷也。 № 14).

Год Динчоу – это 1817 г. Фраза «Мой сын многократно связывался с Вами» подразумевает тесное общение Ли Инсу с Н. Я. Бичуриным. В том году Ли Човон не видел Н. Я. Бичурина. В феврале 1821 г. Ли Човон снова прибыл в Пекин в качестве посланника и передал Н. Я. Бичурину послание от сына Ли Инсу со словами сожаления о разлуке (№ 13). В конце оригинального письма стоит «12 число». Ли Човон получил аудиенцию у китайского императора Даогуана 10 апреля (т. е. 9 числа 3 месяца по китайскому календарю). Скорее всего, 12 число должно быть 12 числом 3 месяца, т. е. 13 апреля 1821 г. В письме № 12 Ли Човон пишет:

Ненадолго увиделись и скоро расстанемся. Очень грустно. Как у Вас дела? Я подготовил скромные подарки в знак нашей дружбы. Передайте, пожалуйста, привет сановникам Вашей страны (暫面旋別, 耿悵多矣。興居何似, 念切念切。不腆之物, 聊表此情。貴國官人前亦轉達此意。 № 12, л. 330б).

Весной 1821 г. Ли Човон встретился с Н. Я. Бичуриным. В связи с тем что, согласно хронике «Чосон Сунджо силлок» (朝鮮純祖實錄, 조선순조실록, «Правдивые записи государя Сунджо династии Чосон»), 30 июня этого года Ли Човон занимался в Корее уже другими государственными делами, корейская дипмиссия отбыла из Пекина до конца апреля. Поэтому письмо было написано до этого события.

В сборнике С 56 хранятся копии записей бесед (№ 1) с обсуждением трех вопросов о состоянии корейского государства. В дневнике Е. Ф. Тимковского также встречается запись беседы от 8 апреля 1821 г. [Тимковский, 1824, с. 256–260]. В тот день Ли Човон посетил южную резиденцию Российской духовной миссии, а Н. Я. Бичурин познакомил Е. Ф. Тимковского с Ли Човоном. В связи с тем что Е. Ф. Тимковский не понимал китайскую речь, Н. Я. Бичурин, вероятно, выполнял роль переводчика во время беседы. Сравнив записи бесед и дневник Е. Ф. Тимковского, мы установили, что их содержание перекликается. Таким образом, стало понятно, что документ № 1 содержит запись беседы именно между Е. Ф. Тимковским и Ли Човоном.

Чо Инён был в Пекине в составе корейской дипмиссии вместе с братом в конце 1815 г. В собрании ИВР РАН хранится письмо Чо Инёна Н. Я. Бичурину (№ 2/25), а также два письма Н. Я. Бичурина Чо Инёну (№ 15, 20). Письмо № 2 написано 4 декабря 1817 г. Корейская дипмиссия 1817 г. отправилась в Пекин из Сеула 7 декабря. Письмо было доставлено членами той дипмиссии. В письме Чо Инён пишет:

В прошлом году только по причине личных дел я не успел послать Вам восточку. Мой друг Ли Оксо передал письмо от Вас. Как я был рад! Мне стыдно от того, что раньше Вы часто слали мне приветы, а я по небрежности не отвечал Вам (第於去年, 果有私冗, 未暇以一書仰叩文几。弊友李玉書袖致瑤函, 驚喜如癡, 然舊僕因足下垂問鄙人甚摯, 而僕則闕焉無書, 爲可愧。 № 2, л. 323а).

Еще он пишет:

Вы действительно возвращаетесь на родину в этом году? После этого мы будем находиться в разных концах света. И даже во сне мне будет не добраться туда... Это заставляет меня скорбеть (貴邦榮還之期, 果今年耶? 從此相去, 即天之涯, 地之角, 夢想虛境, 亦未易到... 祇令人悵惻耳。 № 2, л. 323б).

Ли Оксо – имя-хао Ли Инсу. Ли Инсу выехал в Корею из Пекина в марте 1817 г. и прибыл в Сеул через два месяца. Тогда он передал Чо Инёну письмо Н. Я. Бичурина. По содержанию письма № 2 мы можем определить, что Чо Инён познакомился с Н. Я. Бичуриным в начале 1816 г. В связи с тем что Чо Инён интересовался эпиграфикой, он посещал книжные лавки Пекина, собирал эстампы надписей, а также беседовал с китайскими учеными. Очевидно, во время пребывания корейской миссии в Пекине Н. Я. Бичурин часто слал Чо Инёну письма, а тот не отвечал на них. В конце оригинального письма (№ 25) встречаются слова:

Стопка бумаги для стихотворений, два складных веера, пять кончиков кисти из куньего меха, три набора пилюль «Чхонсимвон» [Пожалуйста, примите эти подарки] в знак признательности (詩箋一束, 摺扇二握, 貂穎五枚, 清心三元, 聊表微忱).

Очевидно, вместе с письмом члены дипмиссии передали Н. Я. Бичурину подарки Чо Инёна. В письме № 15 Н. Я. Бичурин пишет:

Срок службы истек, но документы [из России] еще не получены. Поэтому дата возвращения на родину пока не известна. После того, как наступит ясность, сообщу Вам... Если Ваши посланники придут в Пекин, буду ждать от Вас критики моих недостатков. Когда вернусь на родину... письма будут идти долго и могут легко теряться (派期雖屆, 第未接來文, 尚無反國定期, 俟有的信, 當即奉報... 如奉貴差來京, 還望時錫南針, 以匡不逮。倘僕一經言旋... 即尺素往來, 郵筒輾轉, 難保浮沉。 № 15, л. 333б).

Как мы упомянули прежде, Н. Я. Бичурин должен был вернуться в Россию в 1817 г., но он хотел продлить срок службы в Китае, поэтому отправил письмо в Святейшей Синод зимой

годом ранее. В 1817 г. Н. Я. Бичурин еще не получил из России приказ о возвращении. Поэтому в письме Чо Инён поинтересовался у Н. Я. Бичурина о дате возвращения, а Н. Я. Бичурин в ответном письме поведал о текущем своем состоянии. Таким образом, письмо № 15 было написано весной 1818 г. и было передано Чо Инёну членами корейской дипмиссии. В письме № 20 Н. Я. Бичурин пишет:

После расставания прошло много времени... Дата возвращения на родину станет известна скоро. Бли- зится время, когда я вернусь на родину... после этого мы будем в разных краях света, и нам не удастся встретиться. Шлю Вам скромные подарки на прощание. Прошу Вас не отказывайтесь принять их (別來已久... 惟歸已近, 倏即言旋... 從此天各一涯, 良難再會... 茲寄上微物, 聊伸別意, 幸勿見卻。 № 20, л. 338a).

В том письме Н. Я. Бичурин сообщил Чо Инёну срок своего возвращения. Поэтому оно написано весной 1821 г., до отправления Н. Я. Бичурина в Россию. Письмо № 17 написано Н. Я. Бичуриным без указания адресата и даты. В нем он пишет:

Когда я был в ужасном положении, благодаря Вам смог выплатить долг. Ночами вспоминаю и благодарю Вас (茲弟當拮据之秋, 荷蒙蒲鞭下示, 比追積欠, 清夜思之, 寔深感激).

«В 1811 г. царское правительство в связи с войной с Наполеоном перестало посылать деньги, предназначенные на содержание духовной миссии» [Скачков, 1977, с. 92]. Ради улучшения тяжелых условий жизни ее членов Н. Я. Бичурину пришлось «продавать и закладывать церковные вещи, дома и земли, которые принадлежали миссии». Материальные условия улучшились лишь с 1815 г., когда, наконец, из России в миссию пришли деньги [Там же]. В письме подразумевается именно тот трудный период. Чо Инён отправился в Пекин зимой 1815 г., как раз в конце тяжелой для Н. Я. Бичурина и духовной миссии поры. В письме Н. Я. Бичурин пишет: «Вы взяли на себя большую ответственность, пусть выше будет Ваше положение и больше почёт» (會重干城鉅任, 位愈高而分愈尊也). Он имеет в виду, что Чо Инён сдал государственный экзамен *кэцзюй* (科舉) или *квэго* (과거) в 1819 г. Таким образом, мы предполагаем, что письмо № 17 было послано Чо Инёну после 1819 г.

Ли Хаксу, Ли Бонсу. Ли Хаксу прибыл в Пекин в качестве заместителя посланника Кореи зимой 1814 г. В собрании ИВР РАН хранятся два его письма (№ 9/23, 11). В письме № 9 Ли Хаксу пишет:

Несколько дней не слышал от Вас вестей. Очень грустно. Очень рад получить Ваше письмо. Как вечером добрались до резиденции?.. Сегодня я ездил в Хайдянь. 16-го числа вернусь в резиденцию. 18 числа снова поеду в Хайдянь. 19-го планирую уехать [из Хайдяня] (數日阻聞, 深以爲悵. 即承惠問, 良可慰幸. 夜回起居更何如? ... 僕今日往海甸, 十六日當歸館, 十八日更往, 十九日告辭爲計耳。 № 9, л. 328a).

В конце оригинала письма (№ 23) встречается дата его написания – «10 число». Из текста мы можем понять, что Н. Я. Бичурин ранее посетил резиденцию корейцев. Это означает, что письмо было написано в период проживания Ли Хаксу в Пекине.

Загородный дворец Юаньминьюань находится в районе Хайдянь, в 30 ли (15 км) от города. При императорах Цзяцине и Даогуане китайские правители часто отправлялись туда около 10 числа 1 месяца по китайскому календарю. Обычно, корейские посланники сопровождали императоров в Юаньминьюань и там оставались несколько дней, затем возвращались в город [Пак Сахо, 2011, с. 115]. Аудиенцию корейские посланники получали около 26 числа того же месяца. Например, в хронике «Цин Жэньцзун Шилу» (清仁宗實錄, «Правдивые записи Императора Жэньцзун Династии Цин») сообщается, что император Цзяцин отправился в Юаньминьюань 10 числа 1 месяца 25 года Цзяцин (23 февраля 1820 г.) и дал аудиенцию корейским посланникам 26-го числа того же месяца (11 марта) [Цин Шилу, 1985, т. 32, с. 842, 846]. Поэтому письмо могло быть написано 10 числа 1 месяца. Вероятно, Ли Хаксу в нем сообщал Н. Я. Бичурину свое примерное расписание, имея в виду свободные дни для их возможных встреч в будущем. В том же письме Ли Хаксу также пишет о некоем предмете *шицзин* / *цзинхуа* (石鏡, букв. камень, похожий на зеркало; 鏡畫, букв. зеркало с картинками):

Я получил и прочитал Ваше письмо. Смушаюсь из-за «цзинхуа». Сначала я считал, что получил его без повода [видимо, Н. Я. Бичурин подарил Ли Хаксу *шицзин*. – Янь Миньсян], поэтому спросил у Вас цену. В конце концов я заметил, что увезти его будет трудно. Я уже оставил идею. Тоже хочу, чтобы Вы не беспокоились о цене. Сначала я просил *шицзин*, потому что считал его зеркалом. Теперь Вы показали мне, и я увидел, что он слишком большой. Можно оставить его у Вас? Кроме этого, если такие вещи, как чай, колокола, тушечницы, древние картинки и т. д., будут привезены в Пекин из Вашей страны, не подарите ли мне? (教意已悉, 鏡畫事不甚愧殺。初則受之無名, 故以價相問, 而未則輸去甚難, 不敢生意而已。價之高下, 更不欲煩於其間也。石鏡之所求者, 只是面鏡, 今之所示, 似有太大之歎, 置之無妨耶? 此外自貴國來者, 如茶、鍾、硯石、古畫之可玩者, 則投惠如何? № 9, л. 328a).

Впоследствии Пак Сахо и Ким Гёнсон тоже видели *шицзин* в Пекине. В 1828 г. Пак Сахо увидел *шицзин* в южной резиденции и счел этот предмет «прекрасным» [Пак Сахо, 2011, с. 298]. В 1832 г. Ким Гёнсон наблюдал, как на пекинских рынках продавали *шицзин* «российского производства» [Ким Гёнсон, 2011, с. 467]. Обычно члены Российской духовной миссии получали содержание от правительства России не в рублях, а мехами или другими товарами, привозившимися из России в Пекин караванами, и члены миссии должны были сами продавать их в Пекине китайским купцам [Андреевская, 2004, с. 44]. Видимо, *шицзин* принадлежит к этому виду товаров. Что же это такое? В источниках цинского времени *шицзином* называют все гладкие или полированные камни. В письме Ли Хаксу они названы также *цзинхуа*. Возможно, то были малахит или яшма, предназначавшиеся для украшения чего-либо.

Письмо № 11 было написано 30 ноября 1820 г. На следующий день корейская дипмиссия отправилась в Пекин. Ее члены передали письмо Н. Я. Бичурину. В нем Ли Хаксу пишет:

Карты нашей страны не могу копировать и передать по причине пожара на складе книг. Просто дарю несколько штук. Прошу прощения (弊邦地圖, 板本間值回祿, 不得塌呈, 董以數種表此區區. № 11, л. 330a).

Н. Я. Бичурин просил у Ли Инсу карты Кореи весной 1818 г. в письме № 16. В следующем году Ли Хаксу приезжал в Пекин. Наверное, Н. Я. Бичурин вновь просил у него карты. В связи с тем что корейский двор препятствовал вывозу в Китай карт и атласов Кореи, вероятно, «пожар на складе книг» был всего лишь отговоркой. В том же письме (№ 11) Ли Хаксу еще упоминает подаренную Н. Я. Бичурину «цветную бумагу для писем» (色箋 № 11, л. 330a). А в письме № 18 без адресата Бичурин пишет: «Получил всю бумагу» (承賜紙物, 一併收領. № 18, л. 336a). Видимо, письмо № 18 является ответом Н. Я. Бичурина на письмо № 11 Ли Хаксу.

В собрании ИВР РАН хранится письмо Ли Бонсу (№ 4), написанное 13 марта 1817 г. Ли Бонсу прибыл в Пекин в качестве члена корейской дипмиссии в начале 1817 г. В письме Ли Бонсу пишет:

28-го числа должен буду прибыть в Вашу резиденцию и побеседовать перед прощанием. Прошу прощения. Пилюли «Чхонсимвон», привезённые сюда, почти закончились. Дарю Вам лишь 5 штук пилюлей и 3 штуки торбы из трав (二十八日當就館敘別, 諒之也。清心丸攜來者垂盡, 董呈五丸, 草蓓三件. № 4, л. 325a).

Таким образом, это письмо было написано до отправления Ли Бонсу в Корею из Пекина.

Согласно проанализированным данным о переписке двух сторон, среди корейских посланников Н. Я. Бичурин раньше всех познакомился и чаще всего общался с Ли Инсу и Чо Инёном (см. таблицу). Ли Инсу и Чо Инён происходили из знатных семей и приезжали в Пекин в составе свит посланников. Через них Н. Я. Бичурин установил связь с другими членами корейской дипмиссии. С помощью новых знакомых Н. Я. Бичурин собирал материалы о Корее, например, он просил корейских посланников раздобыть для него медицинскую работу «Тонный богам» и карты Кореи.

Более того, Н. Я. Бичурин пытался установить постоянные контакты Российской духовной миссии с корейской дипмиссией. Согласно дневнику Е. Ф. Тимковского, когда Ли Човон посетил южную резиденцию, Н. Я. Бичурин познакомил с ним членов десятой духовной миссии [Тимковский, 1824, с. 258]. После этого, в 1828 и 1832 гг., Пак Сахо и Ким Гёнсон прибыли в Пекин и посетили южную резиденцию. По запискам Ким Гёнсона, каждый год корейские

посланники посещали южную резиденцию [Ким Гёнсон, 2011, с. 467]. Таким образом, к началу 1830-х гг. постоянные связи между корейцами и русскими в Пекине уже были установлены.

Хронология переписки Н. Я. Бичурина с корейцами
Chronology of Correspondence between N. Ya. Bichurin and Koreans

Название письма	Номер письма	Дата написания
Переписка между Ли Инсу и Н. Я. Бичуриным		
Письмо Ли Инсу Бичурину 1	№ 3	весной 1817 г.
Письмо Ли Инсу Бичурину 2	№ 5	
Письмо Ли Инсу Бичурину 3	№ 8	
Письмо Ли Инсу Бичурину 4	№ 10	зимой 1817 г.
Письмо Бичурина Ли Инсу 1	№ 16	весной 1818 г.
Письмо Ли Инсу Бичурину 5	№ 6	23 ноября 1818 г.
Письмо Ли Инсу Бичурину 6	№ 7 / 21	11 декабря 1819 г.
Письмо Ли Инсу Бичурину 7	№ 13	4 февраля 1821 г.
Письмо Бичурина Ли Инсу 2	№ 19	весной 1821 г.
Переписка между Ли Човоном и Н. Я. Бичуриным		
Письмо Ли Човона Бичурину 1	№ 14 / 22	13 апреля 1821 г.
Письмо Ли Човона Бичурину 2	№ 12 / 24	в апреле 1821 г.
Запись беседы Е. Ф. Тимковского с Ли Човоном (переводчик Н. Я. Бичурин)	№ 1	20 апреля 1821 г.
Переписка между Чо Инёном и Н. Я. Бичуриным		
Письмо Чо Инёна Бичурину	№ 2 / 25	4 декабря 1817 г.
Письмо Бичурина Чо Инёну 1	№ 15	весной 1818 г.
Письмо Бичурина Чо Инёну 2	№ 20	весной 1821 г.
Письмо Бичурина Чо Инёну 3	№ 17	после 1819 г.
Переписка между Ли Хаксу и Н. Я. Бичуриным		
Письмо Ли Хаксу Бичурину 1	№ 9 / 23	23 февраля 1820 г.
Письмо Ли Хаксу Бичурину 2	№ 11	30 ноября 1820 г.
Письмо Бичурина Ли Хаксу	№ 18	весной 1821 г.
Переписка между Ли Бонсу и Н. Я. Бичуриным		
Письмо Ли Бонсу Бичурину	№ 4	13 марта 1817 г.

По русским источникам известно, что члены духовной миссии контактировали с незнатными людьми и почти не общались с образованными. Так, например, Н. Я. Бичурин даже был призван в Палату внешних соотношений Цинской империи для «некоторых объяснений» по причине того, что он «ходил в Пекине по базарам, гостиницам и всяким народным собраниям» [Можаровский, 1896, с. 329–330]. В письме О. П. Войцеховскому врач одиннадцатой миссии П. Е. Кириллов написал, что «в Китае всяк в классе уже преступников, кто с иностранцами сведет дружбу» [Там же, с. 418]. Очевидно, цинский двор ограничивал деятельность членов миссии в Пекине. Этому также можно найти подтверждение в записках корейцев: «С целью умиротворения далёких сторон Китайский двор вручил (русским) резиденцию, но запрещал (им) выходить (из нее)... Около резиденции установлен черный палисад, чтобы запрещать людям (входить в резиденцию)» (中國以綏遠之義，授館以處之。然嚴其門禁，無得出入... 外周設黑木柵以禁人). Корейским посланникам пришлось давать охранникам взятку для входа в резиденцию русской духовной миссии [Ким Гёнсон, 2011, с. 467]. Таким образом, по правилам Цинского двора корейцам и русским было запрещено контактировать друг

с другом в Пекине. Однако в действительности, в начале XIX в. российские и корейские посланники налаживали связи.

В цинское время корейские посланники должны были собирать разную информацию о Китае, в том числе: официальные документы, исторические книги, карты и атласы, краеведческие труды и т. д. Так, Ли Инсу купил китайскую историческую книгу «Юйпи цзычжи тунцзянь ганму» у Н. Я. Бичурина и попросил показать составленную им карту Пекина. Позже, когда Пак Сахо и Ким Гёнсон посетили южную резиденцию, они также интересовались у членов духовной миссии о состоянии России и российско-китайских отношениях. К сожалению, в записках корейских посланников информации о России слишком мало, и в большинстве случаев она ошибочна. Например, корейцы полагали, что изображение распятого Иисуса является изображением какого-то убитого царского наследника [Пак Сахо, 2011, с. 298], а также считали иконы портретами императоров и императриц России [Ким Гёнсон, 2011, с. 469]. Это позволяет предположить, что корейцы через контакты с Российской духовной миссией в первую очередь собирали сведения о Китае. Из содержания писем мы также можем узнать, что одной из целей общения посланников двух стран было получение разной информации с той лишь разницей, что Н. Я. Бичурин получал от корейцев информацию о Корее, а корейцы от русских – информацию о Китае.

Список литературы

- Андреевская С. И.** Деятельность Н. Я. Бичурина в качестве главы IX Российской духовной миссии в Китае 1807–1821 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 182 с.
- Архимандрит Аввакум.** Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в Библиотеке Азиатского департамента. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1843. 102 с.
- Бичурин Н. Я.** Описание Пекина. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1829. 132 с.
- Можаровский А. Ф.** Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. 2. С. 317–342.
- Петрова О. П.** Описание письменных памятников корейской культуры. М.: ИВЛ, 1963. Вып. 2. 152 с.
- Скачков П. Е.** Очерки по истории русского китаеведения. М., ГРВЛ, 1977. 506 с.
- Тимковский Е. Ф.** Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Часть 2. СПб.: Тип. Медицинского департамента МВД, 1824. 410 с.
- Троцевич А. Ф., Гурьева А. А.** Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. Вып. 2: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. 424 с.
- Янь Миньсян.** Новые источники о русско-корейских контактах в первой четверти XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 67–76. DOI 10.25505/1818-7919-2023-22-10-67-76
- Ким Гёнсон.** Ёнвон джикчи [金景善. 燕轅直指]. Направление в город Янь // Ханьго Ханьвэнь Яньсин вэньсянь сюаньбянь [韓國漢文燕行文獻選編]. Сборник корейской литературы по «походу в Янь» на китайском языке. Шанхай, Изд-во «Фуданьский университет», 2011. Т. 28. 498 с. (на кит. яз.)
- Ли Гап.** Ёнхэн гиса [李岬. 燕行記事]. Записки о маршруте в Пекин // Полное собрание «Ёнхэннок», Т. 52. Сеул: Изд-во «Университет Донгук», 2001. С. 273–582. (на кит. и кор. яз.)
- Пак Сахо.** Ёнге гиджон [朴思浩. 燕薊紀程]. Записки о маршруте в Янь и Цзи // Ханьго Ханьвэнь Яньсин вэньсянь сюаньбянь [韓國漢文燕行文獻選編]. Сборник Южнокорейской литературы по «походу в Янь» на китайском языке. Шанхай: Изд-во «Фуданьский университет», 2011. Т. 27. 550 с. (на кит. яз.)
- Цин Шилу** [清實錄]. Правдивые записи Династии Цин. Пекин, Чжунхуа шуцзюй, 1985. Т. 32. 946 с.; Т. 33. 1110 с. (на кит. яз.)

- Цуй Сюхань.** Дунъи баоцзянь баньбэнь као [崔秀漢。東醫寶鑑版本考]. Исследование изданий «Драгоценного зеркала медицины восточной страны» // Яньбянь исюэюань сюэбао [延邊醫學院學報]. Вестник Яньбяньского медицинского института). 1991. № 4. С. 229–232. (на кит. яз.)
- Ян Юйлэй.** Яньсин юй чжунчао вэнхуа гуаньси [楊雨蕾。燕行與中朝文化關係]. «Поход в Янь» и культурные связи между Китаем и Кореей. Шанхай, Шанхай цышу чубаньшэ, 2005. 376 с. (на кит. яз.)

References

- Andreevskaya S. I.** Deyatel'nost' N. Ya. Bichurina v kachestve glavy IX Rossiyskoi dukhovnoi missii v Kitae 1807–1821 gg. [Activities of N. Ya. Bichurin as the Head of the IX Russian Orthodox Mission in China 1807–1821]. Cand. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2004, 182 p. (in Russ.)
- Arkhimandrit Avvakum.** Katalog knigam, rukopisyam i kartam na kitaiskom, man'chzhurskom, mongol'skom, tibetskom i sanskritskom yazykakh, nakhodyashchimsya v Biblioteke Aziatskogo departamenta [Catalog of Books, Manuscripts and Maps in Chinese, Manchu, Mongolian, Tibetan and Sanskrit Languages Located in the Library of the Asian Department]. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1843, 102 p. (in Russ.)
- Bichurin N. Ya.** Opisanie Pekina [Description of Beijing]. St. Petersburg, A. Smirdin Publ., 1829, 132 p. (in Russ.)
- Kim Gyon Son.** Yonvon Chikchi [金景善。燕轅直指]. Directions to Yan City. In: Hanguo Hanwen Yanxing Wenxian Xuanbian [韓國漢文燕行文獻選編]. Collection of Korean Literature on the “March to Yan” in Chinese Language. Shanghai, Fudan Uni. Press, 2011, vol. 28, 498 p. (in Chin.)
- Li Gap.** Yonkhen Gisa. Zapiski o marshrute v Pekin [李珣。燕行記事]. Notes on the Route to Beijing. In: Complete Collection of “Yonghenlok”. Seoul, Dongguk Uni. Press, 2001, vol. 52, pp. 273–586. (in Chin. and Kor.)
- Mozharovsky A. F.** Arkhimandrit Petr Kamensky [Archimandrite Peter Kamensky]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1896, no. 2, pp. 317–342. (in Russ.)
- Park Sa Ho.** Yongi kijon [朴思浩。燕薊紀程]. Notes on the Route to Yan and Ji. In: Hanguo Hanwen Yanxing Wenxian Xuanbian [韓國漢文燕行文獻選編]. Collection of Korean Literature on the “March to Yan” in Chinese Language. Shanghai, Fudan Uni. Press, 2011, vol. 27, 550 p. (in Chin.)
- Petrova O. P.** Opisaniye pis'mennykh pamyatnikov koreiskoi kul'tury. Vypusk 2 [Description of written monuments of Korean culture. Issue 2]. Moscow, IOL, 1963, 152 p. (in Russ.)
- Skachkov P. E.** Ocherki po istorii russkogo kitaevedeniya [Essays on the History of Russian Sino-logy]. Moscow, GRVL, 1977, 506 p. (in Russ.)
- Timkovsky E. F.** Puteshestvie v Kitai cherez Mongoliyu v 1820 i 1821 godakh [Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821]. Part 2. St. Petersburg, Medical Department of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1824, 410 p. (in Russ.)
- Trotsevich A. F., Gurieva A. A.** Opisanie pis'mennykh pamyatnikov koreiskoi traditsionnoi kul'tury. Vyp. 2: Koreiskie pis'mennye pamyatniki v rukopisnom otdele Instituta vostochnykh rukopisei Rossiyskoi akademii nauk [Description of written monuments of Korean traditional culture. Issue 2: Korean written monuments in the manuscript department of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2009, 424 p. (in Russ.)
- Qing Shilu** [清實錄]. Veritable Records of Qing Dynasty. Beijing, Zhonghua Book Company, 1985, vol. 32, 946 p.; vol. 33, 1110 p. (in Chin.)

- Cui Xiuhuan.** Dongyi Baojian Banben kao [崔秀漢。東醫寶鑑版本考]. Study of Publications of “The Precious Mirror of Medicine of the Eastern Country”. *Yanbian Yixueyuan Xuebao* [延邊醫學院學報]. *Bulletin of Yanbian Medical Institute*, 1991, no. 4, pp. 229–232. (in Chin.)
- Yan Minxiang.** The New Sources on Russian-Korean Contacts in the First Quarter of the 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10 Oriental Studies, pp. 67–76. (in Russ.) DOI 10.25505/1818-7919-2023-22-10-67-76
- Yang Yulei.** Yanxin yu Zhongchao Wenhua Guanxi [楊雨蕾。燕行與中朝文化關係]. “The March to Yan” and Cultural Ties between China and Korea. Shanghai, Shanghai Lexicographical Publ., 2005, 372 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Янь Миньсян, аспирант
Scopus Author ID 57810644400
WoS Researcher ID JCF-2590-2023

Information about the Author

Yan Minxiang, Postgraduate Student
Scopus Author ID 57810644400
WoS Researcher ID JCF-2590-2023

*Статья поступила в редакцию 25.10.2024;
одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 10.02.2025
The article was submitted 25.10.2024;
approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 10.02.2025*

Обзорная статья

УДК 903.26+930

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-114-126

Китайские монографические публикации и исследования 1989–2009 годов о ритуальных бронзах Саньсиндуя

Андрей Васильевич Варенов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Аннотация

Предметом данного обзора являются научные и научно-популярные книги, изданные в Китае в первые два десятилетия после появления в 1987–1989 гг. в археологической периодике сведений о ритуальных бронзах Саньсиндуя. В 1992 г. выходит первый альбом, включающий ритуальные бронзы Саньсиндуя. В 1991–1993 гг. увидели свет два сборника статей по итогам проведенных в 1990-х гг. научных конференций. Один посвящен культуре Саньсиндуй, в другом предпринята попытка связать памятник с более поздней культурой Ба-Шу. В 1994 г. опубликован цветной альбом, в котором изданы многие бронзовые изделия Саньсиндуя. В 1999 г. издан монографический отчет о раскопках жертвенных ям Саньсиндуя с полным научным описанием находок. В первом десятилетии XXI в. последовали многочисленные научно-популярные книги. Публиковались также как серьезные научные монографии, так и сборники статей по итогам научных конференций. Во второй половине десятилетия стартует продолжающееся издание «Исследования Саньсиндуя» («Саньсиндуй яньцзю»). Подводит черту под исследованиями Саньсиндуя в первом десятилетии XXI в. трехтомное полное собрание археологических материалов, обнаруженных на памятнике. Первый том этой публикации посвящен бронзовым изделиям.

Ключевые слова

Китай, археология, эпоха бронзы, историография, Саньсиндуй, ритуальные бронзы, жертвенные ямы

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>

Для цитирования

Варенов А. В. Китайские монографические публикации и исследования 1989–2009 годов о ритуальных бронзах Саньсиндуя // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 114–126. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-114-126

Chinese Book Publications and Studies of 1989–2009 on Ritual Bronzes of Sanxingdui

Andrey V. Varenov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Abstract

Studies on Sanxingdui ritual bronzes are hard to enumerate, even if only scientific articles are taken into account. Monographic publications devoted to this subject are so numerous that an overview of them all cannot be contained

© Варенов А. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 114–126

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 114–126

to one article. The subject of this overview are science and scientific-popular books printed in China in the first two decades after the publication of preliminary reports on the discovery of Sanxingdui ritual bronzes. In 1992, the first album, including Sanxingdui ritual bronzes was published. In 1991–1993, two collections of articles containing results of scientific conferences were published. One of them was devoted to Sanxingdui culture, and the other attempted to connect the site with a later Ba-Shu culture, spread in Sichuan province in the Eastern Zhou period. One year later, a colourized album containing much of Sanxingdui ritual bronzes was published. Scientific-popular literature appeared later. In 1999, a book report on the excavation of sacrificial pits at Sanxingdui with complete scientific descriptions of all artifacts found was published. In the first decade of the 21st century, numerous scientific-popular books followed. Serious scientific monographs as well as paper collections resulting from scientific conferences were also published. In the second half of the decade, the writing of a continued edition “Sanxingdui Research” (“Sanxingdui yanjiu”) commenced. The research of Sanxingdui in the first decade of the 21st century was summed up by a three volume complete collection of relics excavated at Sanxingdui site since its discovery in 1928. The first volume of this publication was devoted to ritual bronzes.

Keywords

China, archaeology, Bronze Age, historiography, Sanxingdui, ritual bronzes, sacrificial pits

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Scientific Foundation (RSF), project no. 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>

For citation

Varenov A. V. Chinese Book Publications and Studies of 1989–2009 on Ritual Bronzes of Sanxingdui. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 114–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-114-126

Саньсиндунь – культура эпохи бронзы, распространенная в последней четверти II тыс. до н. э. в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань (КНР). Яркую самобытность ей придает наличие художественного бронзового литья. Вплоть до 2020 г. практически все известные бронзовые изделия Саньсиндуя происходили из двух жертвенных ям JK1 и JK2, обнаруженных в 1986 г. на территории эпонимного городища, которое китайские исследователи называли столицей упоминаемого в летописях древнего царства Шу. Уже в 1987 г. любые раскопки на городище были прекращены, а само оно объявлено памятником культурного наследия. Предварительные журнальные публикации материалов жертвенной ямы JK1 увидели свет в 1987 г., а жертвенной ямы JK2 – в 1989 г. [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987; Эр Чэнь, 1989]¹. С этого момента в академическом сообществе Китая предпринимаются попытки осмыслить феномен Саньсиндуя. Посвященные ритуальным бронзам Саньсиндуя статьи и заметки, даже если учитывать только научные издания, с трудом поддаются исчислению. Но и монографических публикаций на эту тему так много, что в одной статье, из-за ее неизбежно ограниченного объема, их не рассмотреть. Предметом данного обзора станут научные и научно-популярные книги, изданные в Китае в первые два десятилетия после появления в научной периодике предварительных сведений о саньсиндунских бронзах.

В 1989–1999 гг. в отсутствие полной публикации материалов из жертвенных ям Саньсиндуя, в первую очередь ритуальных бронз, их научное исследование в Китае развивалось по двум направлениям. С одной стороны, предпринимались попытки связать Саньсиндунь с распространенной на территории Сычуани в эпоху Восточного Чжоу более поздней культурой Ба-Шу. Саньсиндунь при этом часто именовался «древним Шу». С другой стороны, ученые пытались сосредоточиться на изучении непосредственно Саньсиндуя с учетом долгой истории исследования памятника, открытого еще в 1928 г., а также принимая во внимание близкие к Саньсиндуню по времени материалы из соседних регионов.

Уже в 1991 г. вышел сборник статей по итогам проведенной чуть ранее научной конференции, участники которой, опираясь на свои старые наработки в этой области, постарались осветить историю, этнологию, археологию и культуру Ба и Шу [Ба-Шу лиши..., 1991]. Сбор-

¹ Эр Чэнь (букв. «Два Чэня» или «Второй Чэнь») – явный псевдоним. Авторами статьи почти наверняка были Чэнь Дэань и / или Чэнь Сяньдань.

ник состоит из двух разделов. В первый включено 11 статей по истории и этнологии Ба и Шу. Второй раздел, посвященный культуре и археологии, более объемный, в нем 17 статей. Некоторые статьи сборника содержат черно-белые рисунки керамики, выполненные в плохом качестве.

Оба направления исследований отразил увидевший свет 1992 г. цветной альбом «Бронзовые изделия Ба и Шу», сопровождающийся идентичными текстами на китайском и английском языках (рис. 1, 1, 2). Издание, подготовленное Сычуаньским провинциальным музеем, включает краткое вступление ко всему тому и небольшие вводные статьи к его основным разделам, представляющим бронзовые изделия, относящиеся к эпохе Восточного Чжоу. Заключительный раздел, отведенный находкам из жертвенных ям Саньсиндуй, содержит 14 цветных иллюстраций с изображениями бронзовых голов, масок, маскоидов, антропо- и зооморфных статуэток и большой статуи стоящего на пьедестале человека [Ба-Шу цинтунци, 1992, с. 203–216, илл. 248–261]. Завершает книгу описание цветных иллюстраций на китайском и на английском языках.

В 1993 г. была издана коллективная монография под редакцией Цюй Сяоцяна, Ли Дяньюаня и Дуань Юя «Культура Саньсиндуй» (рис. 1, 3). Авторский коллектив из 15 человек на 658 страницах попытался осветить основные вопросы, связанные с вынесенным в заголовок явлением [Саньсиндуй вэньхуа, 1993]. Книга состоит из семи частей и двадцати трех глав. В первой части речь идет о важности археологических находок в Саньсиндуйе. Во второй части разбираются этническая принадлежность, государственное и политическое устройство древнего Саньсиндуйа. В третьей части говорится о религиозных концепциях, жертвоприношениях и погребениях древних обитателей Саньсиндуйа. Четвертая часть повествует об экономической жизни саньсиндуйцев. Пятая часть посвящена культуре и искусству древних жителей Саньсиндуйа. В шестой части рассказано об открытости древних саньсиндуйцев и их контактах с внешним миром. В седьмой части рассмотрены распространение и иррадиация саньсиндуйской цивилизации. Рисунки в тексте книги почти полностью отсутствуют. Издание сопровождается четырьмя листами цветных вклеек не очень высокого качества, изображающих находки из Саньсиндуйа.

1994 г. ознаменовался появлением очередного, тринадцатого тома «Полного собрания бронзовых изделий Китая», посвященного Ба-Шу (рис. 1, 4). Издание представляет собой альбом цветных иллюстраций большого формата, выполненных в исключительно высоком фото- и полиграфическом качестве. Из 180 таблиц альбома более трети отведено основным категориям бронзовых изделий из Саньсиндуйа. Альбому иллюстраций предпослана довольно пространная (31 страница) вступительная статья на китайском языке. Заключает том каталог публикуемой в нем коллекции вещей с их описанием и небольшими черно-белыми фотографиями, размещенными для удобства отождествления с цветными таблицами [Чжунго тунци цюаньцзи, 1994].

В монографии 1995 г. авторства Линь Сяна основное внимание уделено культуре Ба-Шу эпохи Чжоу. К находкам из Саньсиндуйа автор обратился во второй части своей книги, когда рассматривал так называемые «западные земли» династии Шан-Инь в связи с иероглифом «Шу» в надписях на гадательных костях из Аньяна [Линь Сян, 1995, с. 57–75]. В книге есть черно-белые рисунки плохого качества и одна цветная вклейка.

В 1996 г. выходит научно-популярная книжка Цюй Сяоцяна «Три звезды рядом с месяцем»² [Цюй Сяоцян, 1996]. Она рассказывает о ранних (1928 г.) открытиях в Юэлянвань, о легендарных правителях древнего Шу – Цань Цуне и Юй Фу, о солярном культе, бронзовых «деревьях духов», почитании гор и т. д. Издание сопровождается черно-белыми фотографиями в тексте и двумя цветными вклейками.

Научно-популярная книга Фань И целиком посвящена сенсационным открытиям в Саньсиндуйе [Фань И, 1998]. В первой и второй частях работы «Великолепие культуры древнего

² Саньсиндуй буквально означает «Холм трех звезд».

Шу» и «Тайна примитивных верований» затронуты общие вопросы, связанные с материальной и духовной культурой памятника. В третьей части «Чудеса древних сокровищ» рассмотрены все основные категории ритуальных бронзовых изделий, найденных в жертвенных ямах [Там же, с. 99–138]. Заключительная четвертая часть описывает раскопки и изучение находок из Саньсиндуня. Текст монографии сопровождался черно-белыми иллюстрациями-прорисовками хорошего качества и цветными вклейками.

Рис. 1. Книги 1992–1999 годов:

1–2 – по: [Ба-Шу цинтунци, 1992]; 3 – по: [Саньсиндуй вэньхуа, 1993]; 4 – по: [Чжунго тунци цюаньцзи, 1994];
5 – по: [Чэнь Дэань и др., 1998]; 6 – по: [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999]
(обложки книг на рис. 1 и 2 отсканированы и собраны в таблицы А. В. Вареновым)

Fig. 1. Books of 1992–1999:

1–2 – as per: [Ba-Shu Qingtongqi, 1992]; 3 – as per: [Sanxingdui wenhua, 1993];
4 – as per: [Zhongguo tongqi quanji, 1994]; 5 – as per: [Chen Dian et al., 1998]; 6 – as per: [Sanxingdui jisikeng, 1999]
(book covers in fig. 1 and 2 were scanned and consolidated into tables by A. V. Varenov)

В том же 1998 г. вышла научно-популярная книга, написанная одним из непосредственных участников сенсационных раскопок жертвенных ям (рис. 1, 5). На 72 страницах большого формата Чэнь Дэань и его соавторы кратко рассказывали о местоположении и истории

исследования памятника, открытии жертвенных ям и цивилизации древнего Шу, определяли этническую принадлежность обитателей Саньсиндуня и реконструировали их верования [Чэнь Дэань и др., 1998]. В шестой главе они рассмотрели ритуальные бронзы – антропоморфные статуи, головы, маски и маскоиды. Бронзовые деревья и сидящих на их ветвях птиц авторы связали с солярным культом, в частности с легендарными растениями Фусан и Жому [Там же, с. 23–39]. Издание сопровождалось повторяющимися журнальные публикации черно-белыми прорисовками находок из Саньсиндуня в тексте, 18 листами вклеек с цветными фотографиями и еще 20 – с черно-белыми.

Наконец, десять лет спустя после появления предварительных журнальных публикаций, увидел свет монографический отчет о раскопках жертвенных ям Саньсиндуня (рис. 1, 6). На 628 страницах большого формата коллектив Института археологии и материальной культуры пров. Сычуань привел сведения о местоположении всего памятника, открытии и изучении двух жертвенных ям в 1986 г. и дал подробное научное описание всех находок из них, сопровождающееся многочисленными прорисовками, протирками, черно-белыми фотографиями в тексте и сравнительными таблицами разных категорий находок в конце тома [Саньсиндунь цзисыкэн, 1999]. Завершают издание приложения с химическим составом металла из жертвенных ям, минералогическим анализом нефритовых и каменных изделий, видовыми определениями костей животных из жертвенной ямы JK1, а также 60 листов цветных иллюстраций.

Монографический отчет 1999 г. о раскопках жертвенных ям стал своеобразным рубежом в изучении ритуальных бронз Саньсиндуня. Теперь он являлся твердой научной основой стремлений одних ученых осмыслить различные аспекты саньсиндунских открытий и попыток других исследователей вписать их в более широкий научный контекст. Разумеется, за отчетом 1999 г. последовали новые многочисленные научно-популярные брошюры о Саньсиндуне, в основном изданные в пров. Сычуань. Публиковались также как серьезные монографии, так и сборники статей по итогам научных конференций.

В 2000 г. выходит работа Сунь Хуа «Бронзовый век Сычуаньской котловины», представляющая собой сборник ранее опубликованных статей автора (рис. 2, 1). Она состоит из восьми частей и двадцати четырех глав (т. е. статей). Первая глава предварительно знакомит читателя с бронзовым веком всего региона, вторая – с периодизацией стоянки Саньсиндунь, шестая рассказывает о культуре Саньсиндунь, седьмая – о проблемах, связанных с жертвенными ямами, двенадцатая разбирает сделанные в них находки [Сунь Хуа, 2000, с. 2–68, 138–202, 239–262]. Текст издания иллюстрирован хорошими черно-белыми прорисовками саньсиндунских бронз, заимствованными из монографического отчета 1999 г.

В том же 2000 г. Чэнь Дэань выпустил монографию, богато иллюстрированную цветными фотоснимками (рис. 2, 2). На первых страницах рассказано о ранних исследованиях Саньсиндуня и об открытии жертвенных ям, о древнем Шу и о статуе стоящего человека, о бронзовых антропо- и зооморфных масках, о «деревьях духов» и солярном культе, о взаимоотношениях цивилизации Саньсиндунь с цивилизацией Ся-Шан и с цивилизацией Янцзы [Чэнь Дэань, 2000, с. 1–11]. Далее следует альбом цветных иллюстраций высокого качества, сопровождающийся описанием публикуемых артефактов [Там же, с. 12–124].

Научно-популярная книга Лю Шаоцуня состоит из двух больших разделов. Первый посвящен разным аспектам культуры Саньсиндунь, второй – рассмотрению и объяснению отрывков из «Шань хай цзина». Лю Шаоцун уделяет внимание золотому посоху, бронзовым изваяниям (маскам и головам), бронзовым «деревьям духов» и бронзовым колесам со спицами из жертвенных ям, а рассматривая статуэтки Саньсиндуня, он пытался реконструировать социальную структуру древнего Шу [Лю Шаоцун, 2001, с. 56–88]. Текст издания сопровождают черно-белые фотографии.

Рис. 2. Книги 2000–2009 годов:

1 – по: [Сунь Хуа, 2000]; 2 – по: [Чэнь Дэань, 2000]; 3 – по: [Чжао Дяньцзэн, 2004]; 4 – по: [Саньсиндуй яньцзю, 2006]; 5 – по: [Саньсиндуй яньцзю, 2007]; 6 – по: [Саньсиндуй юй Наньсылу..., 2007]; 7 – по: [Саньсиндуй юй Чанцзян вэньмин, 2004]; 8 – по: [Саньсиндуй яньцзю, 2009]; 9 – по: [Саньсиндуй чу ту вэнь, 2009]

Fig. 2. Books of 2000–2009:

1 – as per: [Sun Hua, 2000]; 2 – as per: [Chen Dean, 2000]; 3 – as per: [Zhao Dianzeng, 2004]; 4 – as per: [Sanxingdui Research, 2006]; 5 – as per: [Sanxingdui Research, 2007]; 6 – as per: [Sanxingdui yu Nansilu..., 2007]; 7 – as per: [Sanxingdui yu Changjiang wenming, 2004]; 8 – as per: [Sanxingdui Research, 2009]; 9 – as per: [Sanxingdui chutu wenwu, 2009]

Научно-популярная книга Хуан Цзяньхуа в первой главе рассказывает о находках в Юэлянвань 1928 г., о культуре Саньсиндуй и об открытии жертвенных ям. Далее, во второй

и в третьей главах затронуты городища позднелеолитической культуры Баодунь и Саньсиндуй как возможная столица царства древнее Шу, проанализированы находки ритуальных бронз: масок, посохов, «деревьев духов» и колес со спицами (как отражение солярного культа) [Хуан Цзяньхуа, 2002, с. 95–210]. Четвертая глава рассматривает богатую общественную жизнь: знать и простой народ, экономику и духовную культуру, древние торговые пути культуры Саньсиндуй. Заключительная пятая глава описывает высокий уровень развития науки, техники и ремесла. Книгу сопровождают хорошие черно-белые рисунки-прорисовки из отчета 1999 г.

Научно-популярная книга Цзян Чжанхуа и Ли Минъю состоит из пяти глав, в которых говорится об открытии и исследовании цивилизации Саньсиндуй, о неолитической культуре Баодунь как ее основе, о культуре Шиэрцяо как ее продолжении и развитии, и о культуре Ба-Шу эпохи Чжаньго. Об открытии и раскопках жертвенных ям, их природе, датировке и содержанием речь идет в третьей главе, описывающей расцвет цивилизации Саньсиндуй [Цзян Чжанхуа, Ли Минъю, 2002, с. 86–167].

Научно-популярная книга Сяо Пина рассказывает о стоянках Цзиньша и Саньсиндуй, в том числе в третьей главе речь идет о бронзовых масках и головах, о «деревьях духов» и большой бронзовой статуе стоящего человека, о таинственных знаках на золотом посохе [Сяо Пин, 2002, с. 52–71] (2-е изд. 2010).

В книге Сунь Хуа и Су Жунъюя первая глава повествует о сложении и развитии высоко развитой бронзовой культуры Саньсиндуя, ее особенностях и влиянии бронзолитейной техники Центральной равнины на ее появление. Во второй главе речь идет о сложении основ царства Саньсиндуй и роли культуры Эрлиту в этом процессе. В третьей главе говорится о политике царства Саньсиндуй, в том числе о его двухкомпонентном этническом составе. Четвертая глава рассказывает о солярном культе, духах предков с птичьим телом и лицом человека, о связи между небом и людьми и о сожжении храмов духов. В приложении за счет технологического анализа ритуальных бронз из жертвенных ям Саньсиндуя они делятся по технике литья на три группы: шанские, нешанские и саньсиндуйские бронзы [Сунь Хуа, Су Жунъюя, 2003, с. 399–443].

В 2003 г. вышел сборник статей состоявшегося еще в 1998 г. Международного научного симпозиума в честь семидесятой годовщины открытия стоянки Саньсиндуй [Инь-Шан вэньмин..., 2003]. Том состоит из двух частей. Входящие в первую часть 27 статей посвящены различным аспектам исследования цивилизации Саньсиндуй. Вторую часть составляют 22 статьи о культуре Шан-Инь, поскольку на 1928 г. пришлось и начало научных раскопок в Аньяне, т. е. юбилей получился двойной.

В начале октября 2003 г. в г. Дзяне (центре одноименного городского округа, в который входит уезд Гуанхань с памятником Саньсиндуй) состоялся Международный научный симпозиум «Саньсиндуй и цивилизация Янцзы». На следующий год материалы симпозиума были изданы (рис. 2, 7). Том формата А4 содержит 54 статьи по заявленной теме, которые иногда сопровождаются черно-белыми фотографиями [Саньсиндуй юй Чанцзян, 2004].

В том же 2004 г. издан сборник статей Чжао Дяньцзэна, подготовленный к 60-летию учебного ³ (рис. 2, 3). Речь в нем идет о раскопках Саньсиндуя, истории и культуре Ба и Шу, изучении артефактов из жертвенных ям и связанных с ними особенностях первобытных верований, об исследовании находок Саньсиндуя, археологических культур пров. Сычуань и бронзовых изделий поздних царств Ба и Шу [Чжао Дяньцзэн, 2004].

Книга Юэ Наня повествует об истории исследования памятника Саньсиндуй, начиная с 1928 г., и о находках на его территории [Юэ Нань, 2006]. В частности, в главах шесть, семь и восемь говорится об открытии и исследовании жертвенных ям JK1 и JK2, 10-я глава рассказывает об отдельных наиболее примечательных находках из них, а в 11-й обсуждается природа этих ям – жертвенные ли это ямы, ямы-хранилища или погребения с кремацией [Юэ

³ Публикация сборника статей ученого по случаю его юбилея, часто связанного с выходом на пенсию, – обычная практика в Китае.

Нань, 2006, с. 93–194]. Заключительная 12-я глава рассматривает воздействие чжоуского завоевания Шан на древнее Шу и упоминает о стоянке Цзиньша. В качестве иллюстраций книга сопровождается старыми черно-белыми фотографиями и цветными вклейками с изображениями хорошего качества.

Небольшая научно-популярная книжка Дуань Юя и Цзо Ицин сопровождается черно-белыми фотографиями, и в первых главах рассказывает о городище Саньсиндун, его бронзовых изделиях и священном посохе [Дуань Юй, Цзо Ицин, 2006, с. 32–57]. Далее речь идет о сельском хозяйстве как основе цивилизации, ремесле, торговле и транспорте, прочих аспектах цивилизации, в том числе о связях Саньсиндуня с цивилизацией Центральной равнины, с культурами среднего течения Янцзы и с цивилизациями Юго-Восточной, Южной и Западной Азии.

В 2006 г. стартует продолжающееся издание «Исследования Саньсиндуня» («Саньсиндунь яньцзю») (рис. 2, 4). На 282 страницах его первого выпуска собраны как ранние англоязычные публикации о находках нефритовых изделий в уезде Гуанхань в конце 1920-х – 1930-е гг., так и статьи на китайском языке о раскопках в Саньсиндуне за все последующее время, вплоть до 2004 г. [Саньсиндунь яньцзю, 2006]. Том формата А4 сопровождается 16 листами вклеек с цветными иллюстрациями.

Второй выпуск «Исследований Саньсиндуня» отведен редактором-составителем Сяо Сяньцинем публикации материалов прошедшего в апреле 2007 г. симпозиума «Саньсиндунь и бронзовые культуры южного Шелкового пути» (рис. 2, 5). Сборник разделен по тематике входящих статей на три части: «Общие рассуждения о южном Шелковом пути» (6 статей), «Культура Ба-Шу и южный шелковый путь» (7 статей) и «Культуры юго-западных районов Китая и южный Шелковый путь» (19 статей) [Саньсиндунь яньцзю, 2007, с. 1–34, 35–126, 127–317].

Попытки связать Саньсиндунь с более поздними культурами Юньнани, Гуйчжоу и других провинций, расположенных на трассе южного Шелкового пути, похоже, были не случайными. В том же 2007 г., как бы иллюстрируя наиболее многочисленную часть докладов прошедшего симпозиума, под редакцией все того же составителя Сяо Сяньциня выходит цветной альбом «Саньсиндунь и южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая» (рис. 2, 6). За небольшим предисловием следуют 130 страниц цветных иллюстраций. Часть из них представляет ритуальные бронзы Саньсиндуня [Саньсиндунь юй Наньсылу..., 2007, с. 15–27, 43–47, 57–59, 68–69, 72, 81]. Остальные страницы отведены дяньским и другим относительно поздним бронзовым изделиям. Составители альбома специально подбирали иллюстрации так, чтобы с сосудами соседствовали сосуды, с колоколами – колокола, с оружием – оружие и т. д.

В 2009 г. выходит третий выпуск «Исследований Саньсиндуня» (рис. 2, 8). В нем на 107 страницах опубликована музейная коллекция случайных находок резных нефритовых изделий, собранных на территории памятника Саньсиндунь [Саньсиндунь яньцзю, 2009]. Сложно сказать, было ли это неким признаком кризиса жанра продолжающегося издания, но следующее, четвертое издание пришлось ждать целых пять лет.

В том же 2009 г. подводит черту под исследованиями Саньсиндуня в первом десятилетии XXI в. трехтомное полное собрание археологических материалов, обнаруженных на памятнике с момента его открытия в 1928 г., а не только находок 1986 г. из жертвенных ям (рис. 2, 9). Каждому предмету в книгах относительно небольшого формата отведена отдельная страница, на которой цветная фотография артефакта сопровождается его кратким описанием. Первый том этой публикации посвящен бронзовым изделиям [Саньсиндунь чуту..., 2009].

Первые попытки осмыслить феномен ритуальных бронзовых изделий Саньсиндуня появляются в академическом сообществе Китая после их предварительной и неполной журнальной публикации в 1987–1989 гг. В условиях отсутствия нужной информации, китайские ученые пытались использовать свои наработки предыдущих лет, связанные с более поздней культурой Ба-Шу, распространенной на территории Сычуани в эпоху Восточного Чжоу. По-

скольку первые археологические находки в уезде Гуанхань были сделаны еще в 1928 г., археологи часто пересказывали долгую историю исследования памятника и пытались привлечь во внимание близкие к Саньсиндую по времени материалы из соседних регионов, в первую очередь с Центральной равнины.

Эти тенденции отразили опубликованные в 1991–1996 гг. монографии и сборники статей по итогам посвященных сенсационному открытию научных конференций. Подготовленный Сычуаньским провинциальным музеем цветной альбом 1992 г., изданный им совместно с зарубежными партнерами из Макао, явно пытался опередить премьеру тринадцатого тома «Полного собрания бронзовых изделий Китая», выпавшую на 1994 г. В конце 1990-х гг. появляются научно-популярные книги о Саньсиндуде. Наконец, десять лет спустя после предварительных журнальных публикаций, в 1999 г. увидел свет монографический отчет о раскопках жертвенных ям Саньсиндуды.

Это издание стало основой последующих попыток китайских ученых осмыслить различные аспекты саньсиндуйских открытий и вписать их в более широкий научный контекст. Примером могут служить монографии Сунь Хуа, Чэнь Дэяня, Чжао Дяньцзэна и сборники статей 2003 и 2004 гг. по итогам научных конференций. Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался не только появлением полного научного описания артефактов из жертвенных ям, но и находкой сопоставимого по времени и содержанию с Саньсиндудой нового памятника, который мог бы соперничать с ним по своей популярности. Речь идет о стоянке Цзиньша, открытой в начале 2001 г. в черте г. Чэнду.

Поскольку полных публикаций результатов раскопок в Цзиньша еще не было, повышенный интерес публики удовлетворялся выпущенными в 2001–2006 гг. многочисленными научно-популярными изданиями, рассказывающими в основном о Саньсиндуде и лишь чуть-чуть о Цзиньша. Становятся очень распространенными термины «цивилизация Саньсиндуй» и «цивилизация древнего Шу», которые охватывали оба памятника. Научно-популярные книги о «цивилизации Саньсиндуй» и «цивилизации древнего Шу» выпускались тогда целыми сериями. Нам удалось ознакомиться для последующего описания здесь лишь с одной-двумя книгами из каждой пяти.

В 2006 г. стартует продолжающееся издание «Исследования Саньсиндуды» («Саньсиндуй яньцзю»). За четыре года успело выйти три выпуска. Впрочем, основная задача серии оставалась не до конца понятной. В это же время предпринимались попытки связать Саньсиндуй с более поздними культурами Юньнани, Гуйчжоу и других провинций, расположенных на трассе южного Шелкового Пути. Подводит черту под исследованиями Саньсиндуды в первом десятилетии XXI в. трехтомное полное собрание археологических материалов, обнаруженных на памятнике с момента его открытия в 1928 г. Первый том этой публикации посвящен бронзовым изделиям.

Список литературы

- Ба-Шу лиши, миныйцу, каогу, вэньхуа [巴蜀历史·民族·考古·文化/李绍明、林向、徐南洲主编]. История, этнология, археология, культура Ба и Шу / Под ред. Ли Шаомин, Линь Сян, Сюй Наньчжоу. Чэнду: Ба-Шу шушэ, 1991. 342 с. (на кит. яз.)
- Ба-Шу цинтунци [巴蜀青铜器]. Бронзовые изделия Ба и Шу. Чэнду: Чэнду чубаньшэ, Аомынь: Цзыюньчжай чубань юсянь гунсы, 1992. 252 с. (на кит. яз.)
- Дуань Юй, Цзо Ицин.** Саньсиндуй вэньмин: Чанцзян шанью гудай вэньмин чжунсинь [段渝, 邹一清. 三星堆文明: 长江上游古代文明中心]. Цивилизация Саньсиндуй: центр древней цивилизации в верховьях Янцзы. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2006. 136 с. (на кит. яз.)
- Инь-Шан вэньмин цзи цзинянь Саньсиндуй ичжи фасянь циши чжоунянь гоцзе сюэшу янь-таохуэй луньвэньцзи [殷商文明暨纪念三星堆遗址发现七十周年国际学术研讨会论文集/

- 宋镇豪、肖先进主编]. Сборник статей Международного научного симпозиума «Цивилизация Шан-Инь и семидесятая годовщина открытия стоянки Саньсиндуй» / Под ред. Сун Чжэньхао, Сяо Сяньцзинь. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2003. 376 с. (на кит. яз.)
- Линь Сян.** Ба-Шу вэньхуа синьлунь [林向. 巴蜀文化新论]. Новые заметки о культуре Ба-Шу. Чэнду: Чэнду чубаньшэ, 1995. 290 с. (на кит. яз.)
- Лю Шаоцун.** Саньсиндуй вэньхуа таньми цзи «Шань хай цзин» дуаньсян [刘少匆. 三星堆文化探秘及“山海经”断想]. Выведывание секретов культуры Саньсиндуй и выдержки из «Шань хай цзина». Пекин: Куньлунь чубаньшэ, 2001. 234 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй вэньхуа [三星堆文化/屈小强、李殿元、段渝主编]. Культура Саньсиндуй / Под ред. Цюй Сяоцян, Ли Дяньюань, Дуань Юй. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1993. 658 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑] Жертвенные ямы Саньсиндуй. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй чуту вэнь чюань цзилу [三星堆出土文物全记录]. Полный каталог древностей из Саньсиндуй: В 3 т. Чэнду: Тяньди чубаньшэ, 2009. Т. 1: Бронзовые изделия. 297 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй юй Наньсылу: Чжунго синань дицзюй дэ цинтун вэньхуа [三星堆与南丝路: 中国西南地区的青铜文化]. Саньсиндуй и южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая / Под ред. Сяо Сяньцзинь [肖先进]. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2007. 140 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй юй Чанцзян вэньмин [三星堆与长江文明]. Саньсиндуй и цивилизация Янцзы / Под ред. Хао Юэнань [郝跃南]. Чэнду: Сычуань вэнь чубаньшэ, 2004. 308 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй яньцзю [三星堆研究]. Исследования Саньсиндуй / Под ред. Сяо Сяньцзинь, Чжан Юэхуй [肖先进、張躍輝]. Чэнду: Тяньди чубаньшэ, 2006. Вып. 1. 282 с., 32 л. ил. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй яньцзю. [三星堆研究]. Исследования Саньсиндуй / Под ред. Сяо Сяньцзинь [肖先进]. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2007. Вып. 2. Саньсиндуй юй наньфан сычоучжилу цинтун вэньхуа яньтаохуэй луньвэньцзи [三星堆与南方丝绸之路青铜文化研讨会论文集]. Сборник статей симпозиума «Саньсиндуй и бронзовые культуры южного Шелкового пути». 318 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй яньцзю [三星堆研究]. Исследования Саньсиндуй / Под ред. Сяо Сяньцзинь, Гао Далунь, Чжан Юэхуй [肖先进、高大倫、張躍輝]. Чэнду: Чжунчжи мэйшу чубаньшэ, 2009. Вып. 3. 107 с. (на кит. яз.)
- Сунь Хуа.** Сычуань пэньди дэ цинтун шидай [孙华. 四川盆地的青铜时代]. Эпоха бронзы Сычуаньской котловины. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000. 398 с. (на кит. яз.)
- Сунь Хуа, Су Жуньюй.** Шэньми дэ ванго – дуй Саньсиндуй вэньмин дэ чубу лицзе хэ цзеши [孙华、苏荣誉. 神秘的王国—对三星堆文明的初步理解和解释]. Таинственное царство – к предварительному пониманию и объяснению цивилизации Саньсиндуй. Чэнду: Ба-Шу шушэ, 2003. 454 с. (на кит. яз.)
- Сяо Пин.** Гу Шу вэньмин юй Саньсиндуй вэньхуа [肖平. 古蜀文明与三星堆文化]. Цивилизация древнего Шу и культура Саньсиндуй. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2002. 244 с. (на кит. яз.)
- Фань И.** Саньсиндуй сюньмэн [樊一. 三星堆寻梦]. В погоне за грезами Саньсиндуй. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. 194 с. (на кит. яз.)
- Хуан Цзяньхуа.** Гу Шу дэ хуэйхуан – Саньсиндуй вэньхуа юй гу Шу вэньмин дэ сясян [黄剑华. 古蜀的辉煌—三星堆文化与古蜀文明的遐想]. Великолепие древнего Шу – грезы

- культуры Саньсиндуй и цивилизации древнего Шу. Чэнду: Ба-Шу шушэ, 2002. 372 с. (на кит. яз.)
- Цзян Чжанхуа, Ли Минъю.** Гуго сюньцзун – Саньсиндуй вэньмин дэ циюань хэ фачжань [江章华、李明斌。古国寻踪—三星堆文明的起源和发展]. По следам древнего царства – истоки и развитие цивилизации Саньсиндуй. Чэнду: Ба-Шу шушэ, 2002. 302 с. (на кит. яз.)
- Цюй Сяоцян.** Саньсин баньпэн юэ – гу Шу вэньмин таньюань [屈小强。三星伴明月—古蜀文明探源]. Три звезды рядом с месяцем – исследование истоков цивилизации Древнего Шу. Чэнду: Сычуань цзяюй чубаньшэ, 1996. 208 с. (на кит. яз.)
- Чжао Дяньцзэн.** Саньсиндуй каогу яньцзю [赵殿增。三星堆考古研究]. Археологическое исследование Саньсиндуя. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2004. 480 с. (на кит. яз.)
- Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1994. Т. 13. Ба-Шу. 32, 180, 54 с. (на кит. яз.).
- Чэнь Дэань.** Саньсиндуй: гу Шу вангодэ шэнди [陈德安。三星堆：古蜀王国的圣地]. Саньсиндуй: священная земля древнего царства Шу. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2000. 124 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган.** Саньсиндуй: Чанцзян шанью вэньмин чжунсинь таньсо [陈德安, 魏学峰, 李伟纲。三星堆。长江上游文明中心探索]. Саньсиндуй: изучение центра цивилизации в верховьях Янцзы. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. 6, 74, 8 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань.** Гуанхань Саньсиндуй ичжи ихао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [陈德安, 陈显丹。广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报]. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 1 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Вэньу. 1987. № 10. С. 1–15. (на кит. яз.)
- Эр Чэнь.** Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [二陈。广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报]. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Вэньу. 1989. № 5. С. 1–20. (на кит. яз.)
- Юэ Нань.** Каогу Чжунго – Саньсиндуй юй Цзиньша ичжи цзинши цзи [岳南。考古中国—三星堆与金沙遗址惊世记]. Археологический Китай – записки о потрясших мир стоянках Саньсиндуй и Цзиньша. Хайкоу: Хайнань чубаньшэ, 2006. 216 с. (на кит. яз.)

References

- Ba-Shu lishi, minzu, kaogu, wenhua [巴蜀历史·民族·考古·文化/李绍明、林向、徐南洲主编]. History, Ethnology, Archaeology, Culture of Ba and Shu. Eds. Li Shaoming, Lin Xiang, Xu Nanzhou. Chengdu, Ba-Shu shushe, 1991, 342 p. (in Chin.)
- Ba-Shu qingtongqi [巴蜀青铜器]. Ba Shu Bronze Ware. Chengdu, Chengdu Publ., Macau, Sinobrothers & Publications Ltd., 1992, 252 p. (in Chin.)
- Chen Dean.** Sanxingdui: gu Shu wangguode shengdi [陈德安。三星堆：古蜀王国的圣地]. Sanxingdui: the Sacred Land of Ancient Shu Kingdom. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 2000, 124 p. (in Chin.)
- Chen Dean, Chen Xiandan.** Guanghan Sanxingdui yizhi yihao jisikeng fajue jianbao [陈德安, 陈显丹。广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报]. A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number One at Sanxingdui Site, Guanghan. *Wenwu*, 1987, no. 10, pp. 1–15. (in Chin.)
- Chen Dean, Wei Xuefeng, Li Weigang.** Sanxingdui: Changjiang shangyou wenming zhongxin tansuo [陈德安, 魏学峰, 李伟纲。三星堆。长江上游文明中心探索]. Sanxingdui: Explore the Centre of Civilization on the Upper Reaches of Changjiang River. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 1998, 6, 74, 8 p. (in Chin.)

- Duan Yu, Zuo Yiqing.** Sanxingdui wenming: Changjiang shangyou gudai wenming zhongxin [段渝, 邹一清. 三星堆文明: 长江上游古代文明中心]. Sanxingdui Civilization: Centre of Ancient Civilization in the Upper Yangzi. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 2006, 136 p. (in Chin.)
- Er Chen.** Guanghan Sanxingdui yizhi erhao jisikeng fajue jianbao [二陈. 广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报]. A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number Two at Sanxingdui Site, Guanghan County. *Wenwu*, 1989, no. 5, pp. 1–20. (in Chin.)
- Fan Yi.** Sanxingdui xunmeng [樊一. 三星堆寻梦]. Following Sanxingdui Dreams. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 1998, 194 p. (in Chin.)
- Huang Jianhua.** Gu Shu de huihuang – Sanxingdui wenhua yu Gu Shu wenming de xiaxiang [黄剑华. 古蜀的辉煌—三星堆文化与古蜀文明的遐想]. Magnificence of Ancient Shu – Dreams of Sanxingdui Culture and Ancient Shu Civilization. Chengdu, Ba-Shu shushe, 2002, 372 p. (in Chin.)
- Jiang Zhanghua, Li Mingwu.** Guguo xunzong – Sanxingdui wenming de qiyuan he fazhan [江章华、李明斌. 古国寻踪—三星堆文明的起源和发展]. Following Tracks of Ancient Kingdom – the Origin and Development of Sanxingdui Civilization. Chengdu, Ba-Shu shushe, 2002, 302 p. (in Chin.)
- Lin Xiang.** Ba-Shu wenhua xinlun [林向. 巴蜀文化新论]. New Comments on the Ba-Shu Culture. Chengdu, Chengdu Publ., 1995, 290 p. (in Chin.)
- Liu Shaocong.** Sanxingdui wenhua tanmi ji “Shan hai jing” duanxiang [刘少匆. 三星堆文化探秘及“山海经”断想]. Discovering Secrets of Sanxingdui Culture and abstracts from “Shan hai jing”. Beijing, Kunlun Publ., 2001, 234 p. (in Chin.)
- Qu Xiaoqiang.** Sanxing banpeng yue – Gu Shu wenming tanyuan [屈小强. 三星伴朋月—古蜀文明探源]. Three Stars near Crescent – Research into Sources of Ancient Shu Civilization. Chengdu, Sichuan Jiaoyu Publ., 1996, 208 p. (in Chin.)
- Sanxingdui chutu wenwu quan jilu [三星堆出土文物全记录]. The Whole Collection of the Relics Excavated in Sanxingdui. In 3 vols. Chengdu, Sichuan Tiandi Publ., 2009, vol. 1. Bronzes, 297 p. (in Chin.)
- Sanxingdui jisikeng [三星堆祭祀坑]. Excavation of the Sacrificial Pits at Sanxingdui. Beijing, Wenwu Publ., 1999, 628 p. (in Chin.)
- Sanxingdui wenhua [三星堆文化/屈小强、李殿元、段渝主编]. Sanxingdui Culture. Eds. Qu Xiaoqiang, Li Dianyu, Duan Yu. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 1993, 658 p. (in Chin.)
- Sanxingdui yanjiu [三星堆研究]. Sanxingdui Research. Chengdu, Tiandi Publ., 2006, iss. 1, 282 p., 32 pl. (in Chin.)
- Sanxingdui yanjiu [三星堆研究]. Sanxingdui Research. Sanxingdui yu nanfang sichouzhilu qingtong wenhua yantaohui lunwenji [三星堆与南方丝绸之路青铜文化研讨会论文集]. «Sanxingdui and Bronze Cultures of the South Silk Road» Symposium collection of papers. Ed. by Xiao Xianjin [肖先进]. Beijing, Wenwu Publ., 2007, iss. 2, 318 p. (in Chin.)
- Sanxingdui yanjiu [三星堆研究]. Sanxingdui Research. Eds. Xiao Xianjin, Gao Dalun, Zhang Yuehui [肖先进、高大伦、张躍輝]. Chengdu, Zhongzhi meishu Publ., 2009, iss. 3, 107 p. (in Chin.)
- Sanxingdui yu Changjiang wenming [三星堆与长江文明]. Sanxingdui and Yangzi Civilization. Ed. by Hao Yuenan [郝跃南]. Chengdu, Sichuan Wenyi Publ., 2004, 308 p. (in Chin.)
- Sanxingdui yu Nansilu: Zhongguo xinan diqu de qingtong wenhua [三星堆与南丝路: 中国西南地区的青铜文化]. Sanxingdui and Southern Silk Road: Bronze Culture of South-Western Regions of China. Ed. by Xiao Xianjin [肖先进]. Beijing, Wenwu Publ., 2007, 140 p. (in Chin.)
- Sun Hua.** Sichuan pendu de qingtong shidai [孙华. 四川盆地的青铜时代]. Bronze Age of the Sichuan Basin. Beijing, Kexue Publ., 2000, 398 p. (in Chin.)

- Sun Hua, Su Rongyu.** Shenmi de wangguo – dui Sanxingdui wenming de chubu lijie he jieshi [孙华、苏荣誉。神秘的王国—对三星堆文明的初步理解和解释]. *Mysterious Kingdom – to the Preliminary Understanding and Explanation of Sanxingdui Civilization*. Chengdu, Ba-Shu shushe, 2003, 454 p. (in Chin.)
- Xiao Ping.** Gu Shu wenming yu Sanxingdui wenhua [肖平。古蜀文明与三星堆文化]. *Ancient Shu Civilization and Sanxingdui Culture*. Chengdu, Sichuan Renmin publishers, 2002, 244 p. (in Chin.)
- Yin-Shang wenming ji jinian Sanxingdui yizhi faxian qishi zhounian guojie xueshu yantaohui longwenji [殷商文明暨纪念三星堆遗址发现七十周年国际学术研讨会论文集/宋镇豪、肖先进主编]. *Collection of Papers of International Scientific Symposium “Yin-Shang Civilization and the Seventy Years Jubilee of the Sanxingdui Site Discovery”*. Eds. Song Zhenhao, Xiao Xianjin. Beijing, Shehui kexue wenxian Publ., 2003, 376 p. (in Chin.)
- Yue Nan.** Kaogu Zhongguo – Sanxingdui yu Jinsha yizhi jingshi ji [岳南。考古中国—三星堆与金沙遗址惊世记]. *Archaeological China – Notes on Sanxingdui and Jinsha Sites that Shook the World*. Haikou, Hainan Publ., 2006, 216 p. (in Chin.)
- Zhao Dianzeng.** Sanxingdui kaogu yanjiu [赵殿增。三星堆考古研究]. *Archaeological Research of Sanxingdui*. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 2004, 480 p. (in Chin.)
- Zhongguo tongqi quanji [中国铜器全集。第13卷。巴蜀]. *The Complete Collection of Chinese Bronzes*. Ba-Shu. Beijing, Wenwu publishers, 1994, vol. 13; 32, 180, 54 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Андрей Васильевич Варенов, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57189442974
WoS Researcher ID IST-6876-2023
RSCI Author ID 556744
SPIN 3690-2300

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57189442974
WoS Researcher ID IST-6876-2023
RSCI Author ID 556744
SPIN 3690-2300

*Статья поступила в редакцию 22.01.2025;
одобрена после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 10.02.2025
The article was submitted on 22.01.2025;
approved after reviewing on 29.01.2025; accepted for publication on 10.02.2025*

Научная статья

УДК 904(510.1/510.3)+903.227

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-127-139

Биметаллические мечи Северо-Восточного и Юго-Западного Китая

Сергей Александрович Комиссаров¹
Александр Иванович Соловьев²

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Аннотация

Представлены серии биметаллических мечей и кинжалов из опубликованных материалов и музейных коллекций, в том числе полученных авторами во время научных командировок по гранту РНФ. Выбраны две представительные группы изделий, относящихся к культурам Северо-Восточного (государство Фуюй) и Юго-Западного Китая (государства Дянь и Елан), и проведено их сопоставление в контексте феномена биметаллизма в археологии Евразии. Установлено, что они представляли изделия, различавшиеся в морфологическом и технологическом отношении, что не исключает типологическое подобие этих групп как между собой, так и с другими образцами биметаллического и связанного с ним оружия на евразийских просторах, причем сходство может проявляться не только в общем облике, но и на уровне отдельных элементов. В качестве особого направления исследования обозначена проблема хронологии дунбэйских памятников с биметаллическими мечами, так как учет всего комплекса находок в некоторых могилах позволяет предположить существенно более поздние датировки.

Ключевые слова

локальные культуры Китая, эпоха палеометалла, биметаллические изделия, «мечи типа Сичагоу», Фуюй, Дянь, Елан

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>

Для цитирования

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Биметаллические мечи Северо-Восточного и Юго-Западного Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 127–139. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-127-139

Bimetallic Swords from North-East and South-West of China

Sergey A. Komissarov¹, Aleksandr I. Solovyev²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easoloviev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Abstract

The article presents a series of bimetallic swords and daggers from published materials and museum collections, including those obtained by the authors during scientific excursions with the financial support of the Russian Science Foundation (RSCF). Two representative groups of implements belonging to the ancient cultures/ethnos on the territory of North-Eastern (Fuyu State) and South-Western (Dian and Yelang states) regions of modern-day China were selected and compared with each other in the context of the phenomenon of bimetalism in the archaeology of Eurasia from Atlantic to the Pacific. It was established that they represented products that differed morphologically and technologically, which does not exclude the typological similarity of these groups both with each other and with other samples of bimetallic and related weapons in the Eurasian vastness, and the similarity may manifest itself not only in the general appearance, but also at the level of particular elements. Using the example of bimetallic swords and daggers, the composite nature of the set of weapons was established (in the South-West – in some extent more, in the North-East – slightly less) with wide chronological possibilities for comparisons, which become even more obvious when other categories of weapons and horse gear are added to the overview. The problem of chronology of the Dongbei sites with bimetallic swords is identified as a separate approach of research, since taking into account the entire complex of finds in some of the elite graves suggests significantly later dating.

Keywords

local cultures of China, Paleometal Epoch, bimetallic artefacts, “swords of Xichagou type”, Dian, Yelang, Fuyu

Acknowledgements

This study was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation (RSF), grant no. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121>

For citation

Komissarov S. A., Solovyev A. I. Bimetallic Swords from North-East and South-West China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 127–139. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-127-139

Вместо короткого меча они сражаются длинным мечом...
Diod. Sci. V, 30.3

Появление длинных мечей в комплексе вооружения Древности принято связывать с действиями конницы. Однако как свидетельства античных авторов, так и археологические данные указывают на то, что такое объяснение не является единственно возможным. Так, в Китае длинные мечи впервые появляются на Юге, тогда как кавалерия – в пограничных с кочевым миром районах Севера. В сочетании со щитами длинные мечи могли вполне эффективно применяться для преодоления строя копейщиков. Кроме того, они служили показателем статуса владельца, выделяя опытных воинов, офицеров и даже правителей. Вокруг изготовления и использования мечей складывается своя мифология [Сюн Ли, 2018]. Еще одна особенность отмечена Дональдом Вагнером: на территории Китая развитие бронзовых длинных мечей оказывается тесно связанным с развитием их железных вариантов [Wagner, 1996, p. 195]; а также с появлением биметаллических образцов. В данной статье мы обратились к материалам двух регионов – северо-востока и юго-запада современного Китая, где найдены наиболее представительные серии биметаллического клинкового оружия, с целью проследить

для культур, их создавших, возможность контактов как между собой, так и с общей евразийской традицией биметаллизма.

Феномен биметаллизма (бронза + железо) широко представлен в разных культурах эпохи Древности на территории Евразии. Он возникает в переходную эпоху от бронзового к раннему железному веку, в основном при изготовлении оружия, прежде всего мечей и кинжалов. К этой эпохе относятся находки в Закавказье, где они датируются от XIII до VII в. до н. э., в Приднепровье (VIII–VII вв. до н. э.), в Поволжье (VIII–VII вв. до н. э.), на Памире (VII–VI вв. до н. э.); также у некоторых скифских акинаков или тагарских кинжалов, полностью изготовленных из железа, сохраняются отдельные бронзовые элементы (навершия, перекрестье) (обзор лит. см.: [Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 139]). Мечи с железными клинками и бронзовыми рукоятями (на одном экземпляре бронзу заменила слоновая кость) известны в позднем Гальштате¹. Уже известные коллекции постоянно пополняются новыми образцами. Наиболее ранние находки сделаны на территории Среднего Востока, где освоение железа имеет раннюю историю. Так, мечи и кинжалы с железным лезвием и бронзовой рукоятью обнаружены на памятниках Северного Ирана, датированных X–IX вв. до н. э. [Piller, 2020, p. 63–64]. Еще один киммерийский меч с железным клинком (84 см) и бронзовой крестовидной рукоятью, датированный концом IX – началом VIII в. до н. э., обнаружен в Южном Зауралье [Насретдинов и др., 2024]. Биметаллические образцы представлены среди раннескифских акинаков, найденных на памятниках ранних кочевников (вторая половина VII – VI в. до н. э.) на территории Трансильвании и Южных Карпат [Tófal, 2022]; некоторое количество близких по форме и дате изделий найдено также в междуречье Волги и Дона [Ворошилов, 2007].

В Китае первым опытом использования выплавленного железа для изготовления оружия можно считать небольшой арсенал из погребений в Шанцуньлине. Из восьми биметаллических предметов в изготовлении рабочей части у половины из них было использовано метеоритное железо, а у другой половины – металлургическое [Chen Kunlong et al., 2018; Вэй Цянбин и др., 2022]². Особо выделяется короткий меч, у которого железное лезвие соединялось с бронзовым стержнем, вставленным в нефритовую рукоять, из могилы M2001, принадлежавшей правителю (гуну) государства Южное Го и датированной периодом правления Чжоу-ского Сюань-вана (с 827 по 782 г. до н. э.) или, возможно, более поздним правлением Ю-вана и Се-вана (с 782 по 750 г. до н. э.) [Цзя Хунбо, 2014]. Ученые и общественность считают его «мечом № 1 в Китае»³. Его дата в принципе коррелирует с хронологией аналогичных евразийских находок. Однако у китайских оружейников «мода» на новый металл не закрепилась, они доверили освоение железоделательного производства кузнецам и литейщикам, изготавливавшим орудия труда. Иногда опыты с использованием полученных стальных лезвий проводились с отдельными видами оружия (нож, кинжал) [Chen Jianli et al., 2009]. В период Чжаньго (V–III вв. до н. э.) происходит «второе издание» биметаллизма в оружейном деле. Особо выделяется царство Цинь, имевшее прямые контакты с кочевым миром евразийского степного пояса; на его долю приходится более половины всех найденных на территории древнекитайских государств биметаллических мечей и кинжалов (см., например: [Комисса-

¹ Ältere Eisenzeit: Hallstattzeit (750 bis 450 v. Chr.) // Archäologisches Lexikon. URL: <http://www.landschaftsmuseum.de/Seiten/Lexikon/Hallstattzeit.htm> (дата обращения 25.12.2024).

² Самые ранние вставки из метеоритного железа в отдельные экземпляры бронзового оружия выявлены на территории Северного Китая на памятниках XIV–XIII вв. (см.: [Александров и др., 2014, гл. 2]). Кстати, к той же эпохе относится кинжал с лезвием из метеоритного железа и золотой рукоятью из могилы Тутанхамона (время правления ок. 1332–1323 гг. до н. э.) [Matsui et al., 2022].

³ Ян Хайцин. Шанцуньлин гого муди цинтунци юй юйци фасянь цзи [杨海青. 上村岭虢国墓地青铜器与玉器发现记 //三门峡市虢国博物馆]. Записки о находках бронзовых и нефритовых вещей в могильнике Шанцуньлин государства Го. – Текст предоставлен Музеем государства Го в г. Саньмэнься, размещен на «Обществен. платформе Вэйсинь» [微信大众平台]. 13.02.2025. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzUxMTcwMzAyOQ==&mid=2247526656&idx=1&sn=21be10a71120fa792a8850286a13900f&chksm=f8a13987e2bb7f1e6d9167c6abf0fd571e02aa738b79e925076d2d141b0a1c2eace5c8856322&scene=27 (на кит. яз.) (дата обращения 15.02.2025).

ров, Соловьев, 1983]). Однако их было немного, и они не сыграли заметной роли в оснащении воинов. Вопреки расхожему мифу о том, что именно внедрение железа в циньские арсеналы способствовало военным успехам, позволившим объединить Поднебесную в 221 г. до н. э., армия Первого императора сражалась бронзовым оружием. Полная и довольно быстрая победа железа над бронзой наступила с приходом династии Хань, а биметаллические мечи и кинжалы использовались неханьскими народами за пределами и на рубежах империи.

Первые биметаллические мечи на территории северо-востока Китая (Дунбэя) были получены при раскопках могильника Сичагоу в 1956 г., когда раскопали 63 одиночных захоронения. Поскольку тогда наиболее близкими были признаны сюннуские памятники, то Сичагоу отнесли к сюнну (хунну), но с наличием элементов иных культур (например, длинных биметаллических мечей) [Сунь Шоудао, 1960]. Позднее была выдвинута концепция принадлежности культурных остатков монголоязычным ухуаням, которые начиная со II в. до н. э. действовали на территории Маньчжурии параллельно с сяньби (сяньбэйцами) [Дашибалов, 2014]. Найденные на могильнике и в его окрестностях мечи имели небольшой эфес в форме колокольчика, рукоять с «антенным» (когтевидным) навершием или без него. В последнем случае навершие формировалось из продолжавшего рукоять стержня с отверстием, через которое фиксировались надетые сверху тарельчатые шайбы, предназначенные для создания шумового эффекта (рис. 1, 6–10). Такие мечи были определены как «тип Сичагоу» [Линь Юнь, 1998, с. 352–353].

Подобные трещотки, не имевшие прямого утилитарного назначения, могли использоваться в церемониально-обрядовой практике. Можно привести любопытную этнографическую параллель, которая, несмотря на территориальную и хронологическую отдаленность, позволяет высказать предположение о назначении важного элемента в устройстве рукояти. Еще столетие назад очевидцы наблюдали в Приобье священнодействие с мечами, обозначенное как «танцы с оружием», проводимые под эгидой шамана. Во время ритуала танцоры «переваливались то направо, то налево, осаживая копы и сабли несколько книзу и подымая вверх» (цит. по: [Плотников, 1987, с. 126]). При этом звон и шум оружия вместе с громкими выкриками имел не последнее значение. Циклограмма описанных движений показывает, что при их выполнении и соответствующем хвате бронзовые тарелочки на рукоятях мечей «типа Сичагоу» будут издавать столь необходимый для ритуала звук.

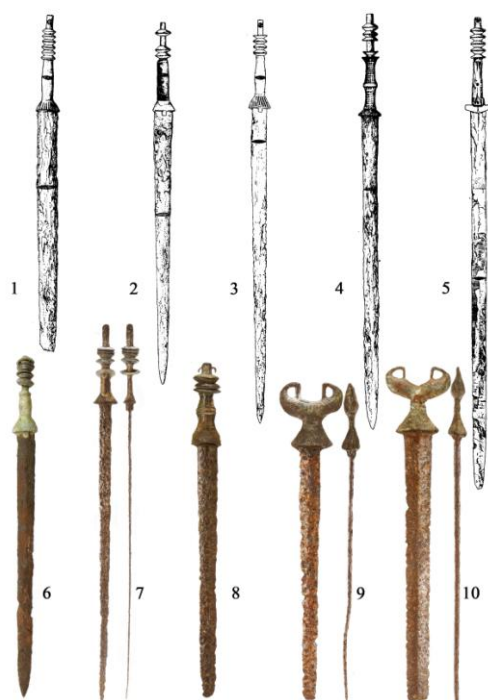

Рис. 1. Биметаллические мечи и кинжалы
Северо-Восточного Китая:

1–5 – могильник Лаохэшэнь (1 – M105:13; 2 – M103:16; 3 – M41:15; 4 – M115:9; 5 – M56:49); 6–10 – могильник Сичагоу (6 – Z130:1; 7 – Z21:1; 8 – Z29:1; 9 – Z45:1, 10 – Z140:1). Таблица подготовлена к печати А. И. Соловьевым по: [Юйшу лаохэшэнь, 1987, с. 77, рис. 72, 1–5; Пань Лин и др., 2022, цв. ил. 158, 1–3, цв. ил. 164, 1–2]

Fig 1. Bimetallic swords
from North-Eastern China:

1–5 – Laoheshen graveyard (1 – M105:13; 2 – M103:16; 3 – M41:15; 4 – M115:9; 5 – M56:49); 6–10 – Xichagou graveyard (6 – Z130:1; 7 – Z21:1; 8 – Z29:1; 9 – Z45:1; 10 – Z140:1). Table prepared for publishing by A. I. Solovyev as per: [Yushu laoheshen, 1987, p. 77, fig. 72, 1–5; Pan Ling et al., 2022, colour il. 158, 1–3, colour il. 164, 1–2]

В 1980-е гг. на территории пров. Цзилинь обнаружили несколько памятников (Шиичайлай в уезде Дунляо, Хоуши в городском уезде Гунчжулин), по облику близких к Сичагоу; что вновь вызвало дискуссию на тему их этнокультурной атрибуции; помимо сюнну в узком и широком значениях этнонима, назывались также ухуани и фууй. Итоговый вывод в обобщающем издании «Китайская археология: эпохи Цинь и Хань» был таков: Сичагоу содержит вещи, характерные как для территорий среднего и нижнего течения р. Нэньцзян, так и для северных степей; трудно указать, какие из памятников принадлежат сюнну, ухуаням или фууй [Чжунго каогу..., 2010, с. 842].

В 2022 г. вышел в свет полный отчет о раскопках памятника, что вызвало новую волну дискуссий [Пань Лин и др. ..., 2022]. Готовившая отчет к печати проф. Пань Лин выдвинула предположение, что могильник все же оставлен ухуанями. С ней в общем плане согласился проф. Линь Юнь, который считает, что особенности керамического комплекса Сичагоу отрицают как «сюннускую», так и «фууйскую» гипотезы, однако биметаллические мечи с профилированными лезвиями, вероятно, были заимствованием, поскольку пришли из культуры второго периода Ханьшу, предположительно, связанной с фууй. В качестве опознавательного знака ухуаней предложены бронзовые пряжки в форме лошадей с характерно выстриженной гривой (султанчиком), но сходная особенность встречается на пряжках из сяньбэйских захоронений и на киданьских фресках; возможно, это общая черта культуры монголоязычных народов группы дунху⁴.

Вторая серия биметаллического оружия в Дунбэе была собрана в ходе раскопок могильника Лаохэшэнь в 1980–1981 гг. Центральное место принадлежало мечам «типа Сичагоу». Большинство из них, судя по иллюстрациям, имело навершие в виде набора звенящих тарелочек (рис. 1, 1–5).

Авторы отчета атрибутировали могильник второго горизонта (периода) как сяньбэйский, однако многие археологи выступили против такого заключения, опираясь, прежде всего, на керамический материал и письменные источники [Лю Цзинвэнь, Пан Чжигу, 1986; Ма Дэцян, 1991; Тянь Ликун, 2003]. Ведущий специалист по древней истории Дунбэя, проф. Линь Юнь на основании географических описаний китайских летописей отнес памятник к государству Фууй (Пуё) и, соответственно, к создавшему это политическое образование народу фууй [Линь Юнь, 1998, с. 362–365]. Однако в инвентаре Лаохэшэнь вместе с мечами «типа Сичагоу» найдено несколько блях с изображением Пегаса-единорога, что может отражать этногенетическую легенду сяньбэй. Поэтому, не отрицая возможной фууйской принадлежности могильника, мы считаем, что некоторые элитные погребения с биметаллическими мечами и бронзовыми бляхами с единорогами можно считать сяньбэйскими. Опираясь на даты ханьских монет, зеркал, поясных крюков и т. д., авторы раскопок датировали эти захоронения периодом рубежа эр (вторая половина I в. до н. э. – начало II в. н. э.) или несколько позднее. В то же время найденные вместе с мечами (в могилах M56, M105) в едином комплексе (?) наконечники стрел с тупой проникающей частью, характерной для срезней, S-образные псалии, панцирные пластины и т. п. заставляют думать о более поздних датах.

В культуре Дянь при явном преобладании бронзового и немногочисленных образцов железного оружия заметную часть в комплексе вооружения занимают биметаллические вещи. Например, находки в Шичжайшань насчитывают 295 бронзовых, 78 биметаллических и 22 железных меча и кинжала [Чжан Цзэнци, 1998, с. 65–67, 73–74]. В материалах могильника Цзиньяньшань выделяется 21 кинжал или короткий меч, несущая часть которых (рукоять) оставалась бронзовой, а рабочая (лезвие) изготавливалась из железа (см.: [Комиссаров, Соловьев, 2023, с. 41]). Даже в Янфутуо при абсолютном преобладании бронзового парадно-

⁴ Линь Юнь. «Сифэн Сичагоу» кайци ухуань ицунь синь таньсо [林云. “西丰西岔沟”开启乌桓遗存新探索 // 中国社会科学网]. Книга «(Могильник) Сичагоу в уезде Сифэн» инициирует новое исследование памятников ухуаней // Чжунго шэхуй кэсюэ ван [Обществен. науки Китая онлайн], размещено на агрегаторе «Байцзяхао». 14.12.2020. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1686023237744787622&wfr=spider&for=pc> (на кит. яз.) (дата обращения 25.12.2024).

го оружия выделяется небольшая, но важная в плане хронологии серия биметаллических мечей⁵.

Судя по представительным находкам второго сезона раскопок в Лицзяшань, некоторые из 77 биметаллических мечей воспроизводили форму местных (дяньских) кинжалов (например, меч М68:360 с рукоятью в форме змеи) (рис. 2, 1, 10, 11), другие (М57:29-1, М51:216, М68:23, М68:56-1) отличались уникальной особенностью – рикассо в виде большой пластины с узором и выступающими шипами по бокам⁶ (рис. 2, 2–5, 14, 16). Вместе с ними найдены железные ханьские мечи, а также один биметаллический образец М68:300, который, судя по оформлению навершия, был привезен из соседнего царства Елан [Цзянчуань лицзяшань..., 2007, с. 166–171]. На памятниках этого государства, располагавшегося на территории современной провинции Гуйчжоу примерно в тот же период, что и Дянь, найдено не так много клинкового оружия: всего 30 штук бронзового и 12 – биметаллического [Чжан Хэжун, 2018, с. 107–128]. В этом наборе, помимо шуских и дяньских образцов, выделяется группа коротких мечей и кинжалов, присущих только данной местности и лишь в единичных экземплярах, становившихся предметом обмена. Они отмечены сложным навершием, которое мы условно назвали «волюты на кронштейне» (рис. 2, 6–9).

Справедливости ради следует сказать, что сочетание двух металлов применялось в Дянь и при изготовлении других категорий оружия, прежде всего копий, причем соблюдался тот же принцип, что у мечей и кинжалов: рабочая часть (перо) делалась из железа, а фиксирующая (втулка) – из бронзы. Так, в Шичжайшань обнаружено 28, в Лицзяшань – 59, в Цзиньляньшань – 24 биметаллических наконечников копья. Кроме того, на всех памятниках найдено по несколько клевцов и трезубцев с бронзовой втулкой и железным бойком. Таким образом, в той мере, в какой погребальный оружейный набор соответствовал реальной картине на поле боя, бронзовое оружие и в Дянь, и в Елан еще преобладало, хотя в центральных районах Китая в это время (конец Западной – первая половина Восточной Хань, I в. до н. э. – I в. н. э.) уже доминировало железо. Биметаллические мечи составляли значительную по количеству, устойчивую группу, которая, судя по многочисленным находкам в погребениях частей конского убора, вполне могла использоваться в кавалерийских сшибках. Украшенные орнаментом бронзовые рукояти, а также многочисленные золотые ножны (рис. 2, 15) свидетельствуют в пользу статусного и парадного назначения этих мечей. Сам факт обладания бронзой в глазах общества и, конечно же, самого владельца, волшебным образом повышал статус оружия и, вероятно, придавал ему какие-то воображаемые свойства. Пришедшая из предшествующего переходного времени, эта особенность сохранялась достаточно долго, даже когда железо на полях сражений вытеснило бронзовых собратьев. Если подойти к биметаллическим клинкам Северо-Восточного и Юго-Западного Китая с позиций хорошо изученной динамики европейской оружейной традиции, то несложно заметить, что здесь присутствуют с известными поправками параллели сразу всем основным ее типам: и короткому колющему оружию пехоты Римской империи (рис. 2, 3–5), и длинным широким рубящим клинкам раннего и развитого Средневековья (рис. 2, 1, 9; 1, 1, 10), и длинным узким рубяще-колющим образцам позднего Средневековья и Нового времени (рис. 1, 2, 3, 9) и, наконец,

⁵ См., например: *Хань Сяоцзу* (ред.). Цун гуйцзу дао пинминь – куньмин янфутуо гу му цземи [韩小树 (编辑)。从贵族到平民 – 昆明羊甫头古墓揭秘 // 昆明发布]. От аристократов до простолюдинов – раскрывая тайны древних могил Янфутуо в районе Куньмина // «Куньмин фабу» [Опубликовано в Куньмине], размещено на платформе «Вэйсинь». 09.03.2017. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA5NzEwODAzMQ==&mid=2651043517&idx=2&sn=704e09e7eddd12393a3030527bc9b689&chksm=8b52ffedbc2576fdbb1120edf310599fa19ef32bea4dfd7d18e9122ed17da969880bcc7654e6&scene=27 (на кит. яз.) (дата обращения 25.12.2024).

⁶ Еще один биметаллический меч длиной 76 см из частной японской коллекции, отнесенный экспертами к артефактам культуры Дянь, был в 2022 г. продан в Гонконге аукционным домом «Бонхамс». См.: Autumn Sale of Chinese Art / An iron sword with bronze hilt // Сайт Bonhams. 6–20 Sept. 2023. URL: <https://www.bonhams.com/auction/28989/lot/38/an-iron-sword-with-bronze-hilt-western-han-dynasty-dian-culture> (дата обращения 25.12.2024).

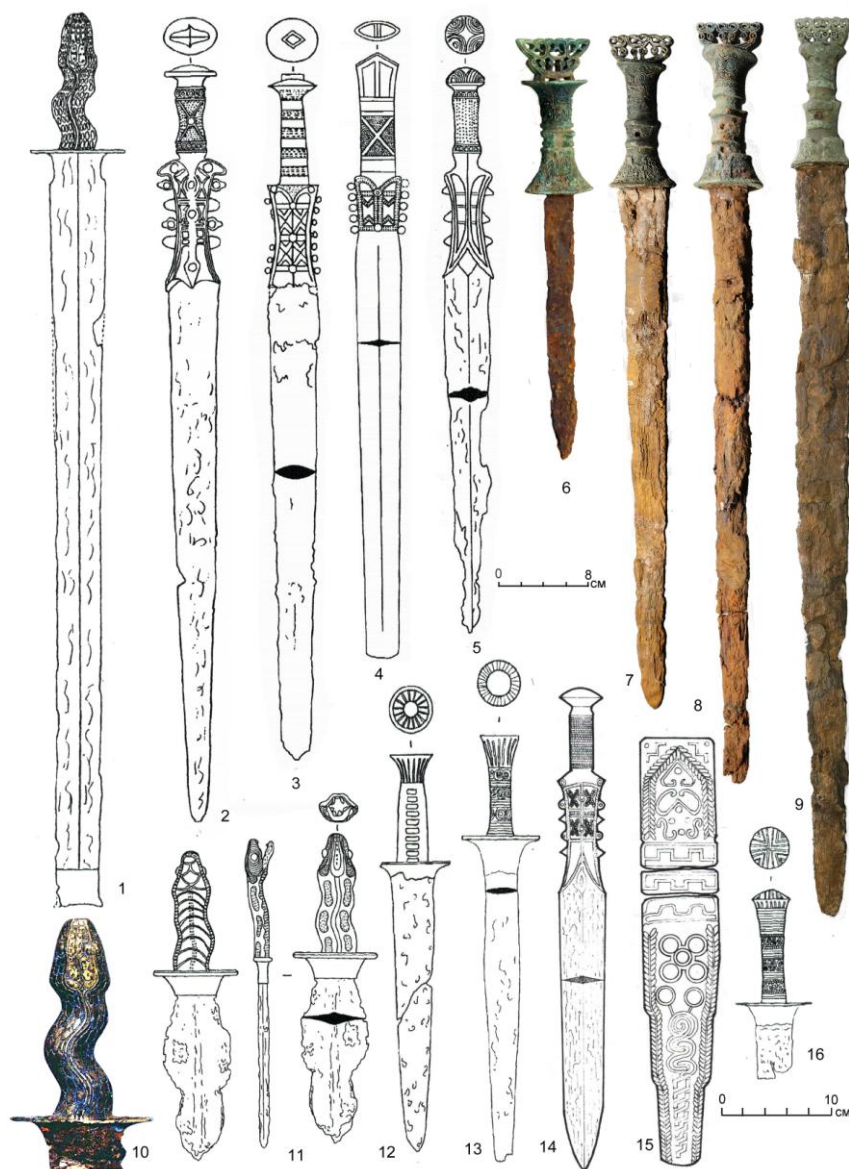

Рис. 2. Биметаллические мечи и кинжалы Юго-Западного Китая:

1–5 – могильник Лицзяшань (1 – M68:360; 2 – M51:216; 3 – M68:231; 4 – M68:56-1; 5 – M57:29-1); 6 – кинжал, найденный на территории завода фосфатных удобрений в г. Куньмин; 7–9 – могильник Кэлэ (7 – из могилы M189; 8 – из могилы M274; 9 – из могилы 201); 10–13 – могильник Лицзяшань (10 – деталь рукояти меча M68:360; 11 – M68X1:46; 12 – M51:111, 13 – M71:26-1); 14, 15 – могильник Шичжайшань (меч и золотые ножны); 16 – могильник Лицзяшань (M68X1:8). Таблица подготовлена к печати А. И. Соловьевым по: [Цзянчуань, 2007, с. 167–169, рис. 109, 1–3; 110, 1, 2; 111, 4–7; цв. ил. 132; Чжан Цзэнци, 1998, с. 71, рис. 49]; фотографии М. А. Кудиновой в экспозиции Музея пров. Гуйчжоу, ноябрь, 2024 г.; фотографии А. И. Соловьева в экспозиции Музея пров. Юньнань, ноябрь 2024 г.

Fig 2. Bimetallic swords from South-Western China:

1–5 – Lijiashan graveyard (1 – M68:360; 2 – M51:216; 3 – M68:231; 4 – M68:56-1; 5 – M57:29-1); 6 – a dagger of Shizhaishan Culture found on the territory of Kunming phosphate fertilizer factory, Kunming; 7–9 – Kele graveyard (7 – from the grave M189; 8 – from the grave M274, 9 – from the grave M201); 10–13 – Lijiashan graveyard (10 – handle detail of the sword M68:360; 11 – M68X1:46; 12 – M51:111, 13 – M71:26-1); 14, 15 – Shizhaishan graveyard (sword and golden scabbard); 16 – Lijiashan graveyard (M68X1:8). Table prepared for publishing by A. I. Solovyev as per: [Jiangchuan, 2007, p. 167–169, fig. 109, 1–3; 110, 1, 2; 111, 4–7; colour pl. 132; Zhang Zengqi, 1998, p. 71, fig. 49]; photos by M. A. Kudina at Guizhou Provincial Museum's exposition, November 2024; photo by A. I. Solovyev at Yunnan Provincial Museum's exposition, November 2024

самое неожиданное, почти шпагам (рис. 1, 7). Можно найти также параллели коротким мечам-акинакам раннего железного века (скифского времени). Отсутствуют раззе только однолезвийные экземпляры (палаши), вернее, они появляются на заключительном этапе уже полностью железными, как часть ханьского комплекса вооружения, и только на некоторых еще могут сохраняться унаследованные от мечей бронзовые перекрестья. Исходя из таких особенностей конструкции рабочей части оружия, можно рассматривать способы его использования и, соответственно, вероятной тактики вооруженных формирований дянцев, а также ухуаней и сяньбэй, разумеется, с поправкой на специфику театра военных действий, и предполагать ее градацию от ножевого боя при стычках небольших групп во время внезапных набегов и до плотного сомкнутого строя (типа римских манипул), наступавшего с выставленными вперед клинками под прикрытием щитов / доспехов, или же рассыпного строя с индивидуальными фехтовальными схватками мастеров клинка⁷. Впрочем, детальные реконструкции еще впереди и ждут своего исследователя, равно как и ответ на вопрос, каким образом в общем объеме биметаллического оружия оказались столь различные его образцы.

В рамках привлеченных источников мы можем констатировать, что биметаллические мечи не играли существенной роли в общем наборе клинкового оружия, которое до династии Цинь включительно оставалось в основном бронзовым. Их массовое (а не единичное) появление можно считать своеобразным экспериментом, который оказался удачным, и уже в конце Чжаньго (III в. до н. э.) распространяются полностью железные длинные мечи. Пример тому – меч из Сяду (Нижней столицы царства Янь) длиной 100,1 см, лезвие которого сужается на манер рапиры, что помогало пробивать доспехи. Уже для эпохи Хань можно отметить железные мечи из Маньчэн (105,8 см), Шуангудуй (120 см) и т. д. [Yang Hong, 1992, p. 177, 207, 209]. Это, вероятно, уже оружие для кавалерии, которая именно при Хань становится полноценным родом войск. И, кстати, у кавалеристов практически с начала ханьской эпохи длинные (биметаллические и железные) мечи повсеместно вытесняются железными палашами длиной, как правило, от 70+ до 100+ см.

На периферии такой переход происходит примерно на 100–150 лет позднее, начавшись во второй половине Западной Хань и завершившись к концу Восточной Хань (I в. до н. э. – начало III в. н. э.), причем на поздних этапах местные биметаллические образцы клинкового оружия сосуществовали с ханьскими железными мечами и палашами. Свидетельством такой ситуации становятся находки представительных серий биметаллических изделий, которые на Северо-Востоке связывают, главным образом, с памятниками государства / культуры Фууй, а на Юго-Западе – с государствами и, соответственно, культурами Дянь и Елан. Несмотря на близость хронологии и наличие между ними такого мощного посредника, как империя Хань, эти группы отличаются друг от друга не только морфологически, но и технологически. Насколько можно судить по опубликованным материалам, мы имеем дело с двумя разными вариантами практики биметаллизма. В Дунбэе, вероятно, разогретый черен железного клинка с усилием вставляли (вколачивали) в узкую полость заранее подготовленной, скорее всего, тоже разогретой, бронзовой рукояти, заполняя ее до достижения однородности внутреннего пространства⁸. В Юньнань-Гуйчжоуском регионе черен железного клинка помещался в литейную форму, после чего и происходила отливка рукояти, при этом место соединения двух элементов оружия могло дополнительно укрепляться сваркой. В то же время можно отметить некоторое типологическое подобие данных групп как между собой, так

⁷ Меч мог даже использоваться в качестве защитного оружия, как это показано в росписи на сосуде из Лири (иберийская культура, III в. до н. э.). Изображен бой копьеносцев со щитами, противник которых левой рукой с мечом отбивает удар, а правой с копьем поражает врага [Монгайт, 1974, с. 308].

⁸ Лю Сяожуй из Музея пров. Цзилинь, говорит буквально о «вколачивании и выплавке», 嵌合铸成, бронзовой рукояти и железного клинка одного из мечей «типа Сичагоу», найденных в Лаохэшэнь. См.: Лю Сяожуй. Каньцилай ши цинтун, шицишиан ши ванчжэ [刘肖睿. 看起来是青铜, 实际上是王者 // 新浪新闻]. Взглянешь – это (просто) бронза, а фактически это царь! // Новостной центр медиа-портала Sina. 16.10.2024. URL: <https://news.sina.com.cn/zx/gj/2024-10-16/doc-incsthwx0390157.shtml> (на кит. яз.) (дата обращения 25.12.2024).

и с другими образцами биметаллического и связанного с ним оружия на просторах Евразии, причем сходство может проявляться не только в общем облике, но и на уровне отдельных элементов. Яркий пример тому – распространение так называемых антенных наконечников от Галыштата до Древнего Чосона [Park Sun Mi, 2020].

На примере биметаллических мечей и кинжалов мы можем констатировать, насколько это возможно в ограниченных рамках статьи, композитный характер набора вооружения (на Юго-Западе – больше, на Северо-Востоке – чуть меньше) с широкими по хронологии возможностями для сопоставлений, которые становятся еще более заметным при добавлении других категорий оружия и конского убора. Связано ли это с хронологическими сбоями при интерпретации материалов раскопок или же с особым, присущим периферийным районам Китая феноменом соединения в одном комплексе предметов, разнесенных по времени на иных территориях (который уже отмечался при обращении к другим археологическим культурам, например, Сыба [Молодин и др., 2005]), или со спецификой накопления вещей в закрытых комплексах с высокой долей сакрализованного материала – все эти варианты возможны, но их детальное рассмотрение требует специального исследования.

Список литературы

- Александров А. В., Арутюнов С. А., Бродянский Д. Л.** Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 129 с.
- Ворошилов А. Н.** Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги // РА. 2007. № 3. С. 150–156.
- Дашибалов Э. Б.** Древний этап истории монголоязычных народов // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2014. Вып. 8: Востоковедение. С. 130–136.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Находка биметаллического кинжала в Восточной Ганьсу: Препринт / Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР. Новосибирск, 1983. 5 с.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Могильник Цзиньляньшань и его место в изучении донгшонско-дяньской цивилизации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 32–46.
- Комиссаров С. А., Хачатурян О. А.** Мавзолей императора Цинь Шихуанди: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. 216 с.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Еще раз о китайских источниках по эпохе бронзы и необходимости критического к ним отношения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 394–399.
- Монгайт А. Л.** Археология Западной Европы: бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 407 с., 9 л. ил.
- Насретдинов Р. Р., Султанов Р. Р., Федоров В. К.** Биметаллический киммерийский меч из Южного Зауралья // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 129–137.
- Плотников Ю. А.** «Клады» Приобья как археологический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 120–135.
- Chen Jianli, Yang Junchang, Sun Bingjun, Pan Yan.** Manufacture technique of bronze-iron bimetallic objects found in M27 of Liangdaicun site, Hancheng, Shaanxi // Science in China. Series E: Technological Sciences. 2009. Vol. 52, iss. 10. P. 3038–3045.
- Chen Kunlong, Wang Yingchen, Liu Yaxing, Mei Jianjun, Jiang Tao.** Meteoritic origin and manufacturing process of iron blades in two Bronze Age bimetallic objects from China // Journal of Cultural Heritage. 2018. Vol. 30. P. 48–50.
- Matsui Takafumi, Moriwaki Ryota, Zidan Eissa, Arai Tomoko.** The manufacture and origin of the Tutankhamen meteoritic iron dagger // Meteoritics & Planetary Science. 2022. Vol. 57, iss. 4. P. 747–758.

- Park Sun Mi.** Antenna-Style Daggers in Northeast Asia from the Perspective of Interregional Interaction // *Asian Perspectives*. 2020. Vol. 59, no. 1. P. 159–185.
- Piller Ch. K.** Northern Iran in the Iron Age II and III: A neighbour of Urartu? // *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2020. Vol. 5, iss. 2. P. 53–75.
- Topal D.** Swords and daggers of early nomads from Transylvania and Southern Carpathians: Local varieties and continental trends // *Plural*. 2022. Vol. 10, no. 1. P. 34–69.
- Wagner D. B.** *Iron and Steel in Ancient China*. 2nd ed., with corrections. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1996. 579 p.
- Yang Hong.** *Weapons in Ancient China*. New York; Beijing: Science Press, 1992. 298 p.
- Вэй Цянбин, Ли Сюхуй, Ван Синьгуан, Чэнь Цзяньли.** Гого муди чуту тежэнь тунцидэ кэсюэ фэньси цзи сянгунь вэньти [魏强兵、李秀辉、王鑫光、陈建立。虢国墓地出土铁刃铜器的科学分析及相关问题 // 文物]. Научный анализ бронзовых изделий с железным лезвием, раскопанных в могильнике государства Го, и связанные с ним вопросы // *Вэньбу*. 2022. № 8. С. 80–87. (на кит. яз.)
- Линь Юнь.** Сичагоу син тунбин тецзянь юй лаохэшэнь, цайлань мудицэ цзушу [林沅。西岔沟型铜柄铁剑与老河深、彩岚墓地的族属 // 林沅学术文集]. Мечи с бронзовой рукоятью и железным лезвием «типа Сичагоу» и этническая принадлежность могильников Лаохэшэнь и Цайлань // *Сб. науч. статей Линь Юня*. Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1998. С. 352–367. (на кит. яз.)
- Лю Цзинвэнь, Пан Чжиго.** Цзилинь юйшу лаохэшэнь муцзанцунь цзушу таньтао [刘景文、庞志国。吉林榆树老河深墓葬群族属探讨 // 北方文物]. Дискуссия об этнической принадлежности скопления погребений Лаохэшэнь в уезде Юйшу, пров. Цзилинь // *Бэйфан вэньбу*. 1986. № 1. С. 25–27. (на кит. яз.)
- Ма Дэцзянь.** Фууй вэньхуадэ цзигэ вэньти [马德谦。扶余文化的几个问题 // 北方文物]. Ряд вопросов по культуре Фууй // *Бэйфан вэньбу*. 1991. № 2. С. 18–24. (на кит. яз.)
- Сюн Ли.** Чжунго гудай цзяньдэ фачжань юй яньбянь гочэн [熊莉。中国古代剑的发展与演变过程 // 武术研究]. Процесс эволюции и развития древних мечей Китая // *Ушу яньцзю*. 2018. Т. 3, № 3. С. 38–40. (на кит. яз.)
- Пань Лин, Тянь Ликунь, Лю Нин, Ли Синьцюань.** Сифэн сичагоу – си хань шици дунбэй миньцзу муди [潘玲、田立坤、刘宁、李新全。西丰西岔沟 – 西汉时期东北民族墓地]. Сичагоу в уезде Сифэн – могильник северо-восточных народов периода Западной Хань. Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 2022. Т. 1–3. 920 с., ил. (на кит. яз.)
- Сунь Шоудао.** «Сюнну сичагоу вэньхуа» гу муцунь фасянь [孙守道。“匈奴西岔沟文化”古墓群的发现 // 文物]. Находка древнего могильника «сюннуской культуры Сичагоу» // *Вэньбу*. 1960. № 8–9. С. 25–36. (на кит. яз.)
- Тянь Ликунь.** Гуаньйюй бэйпiao ламадун саньянь вэньхуа мудицэ цзигэ вэньти [田立坤。关于北票喇嘛洞三燕文化墓地的几个问题 // 辽宁考古文集]. Некоторые вопросы по поводу могильника культуры Трех Янь в Ламадун, уезд Бэйпiao] // *Ляонин каогу вэньцзи* [Сб. статей по археологии Ляонина]. Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2003. С. 263–267. (на кит. яз.)
- Цзянчуань лицзяшань – диэрцы фацзюэ баогао** [江川李家山 – 第二次发掘报告]. Отчет о вторых раскопках Лицзяшань, уезд Цзянчуань. Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 2007. 22, 351 с. + 180 цв. ил. (на кит. яз.)
- Цзя Хунбо.** Гуаньйюй гого мудицэ няньдай хэ М2001, М2009 дэ мучжу вэньти [贾洪波。关于虢国墓地的年代和 М2001、М2009 的墓主问题 // 中原文物]. О вопросах датирования и [определения] главного погребенного в могилах М2001 и М2009 кладбища государства Го // *Чжунъюань вэньбу*. 2014. № 6. С. 17–25. (на кит. яз.)
- Чжан Хэжун.** Елан цинтун вэньмин таньвэй: Гуйчжоу чжаньго цинь хань шици цинтунци яньцзю [张合荣。夜郎青铜文明探微：贵州战国秦汉时期青铜器研究]. Анализ цивили-

зации бронзового века Елан: Исследование бронзовых изделий периода Чжаньго – Цинь – Хань в Гуйчжоу. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2018. 6, 5, 4, 8, 374 с. (разд. пагинация) (на кит. яз.)

Чжан Цзэнци. Цзиньнин шичжайшань [张增祺. 晋宁石寨山]. (Могильник) Шичжайшань в уезде Цзиньнин. Куньмин: Юньнань мэйшу чубаньшэ, 1998. 316 с. + 60 с. цв. ил. (на кит. яз.)

Чжунго каогу: Цинь хань цзюань [中国考古学: 秦汉卷 / 刘庆柱、白云翔主编]. Китайская археология: Эпоха Цинь и Хань / Под ред. Лю Цинчжу, Бай Юньсян. Пекин: Чжунго шэцхуй чубаньшэ, 2010. 1027 с. (на кит. яз.)

Юйшу лаохэшэнь [榆树老河深]. Могильник Лаохэшэнь в уезде Юйшу. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1987. 171 с. (на кит. яз.)

References

Aleksandrov A. V., Arutyunov S. A., Brodyanskii D. L. Paleometall severo-zapadnoi chasti Tikhogo okeana [Ancient metal at the North-Western part of the Pacific]. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2014, 129 p. (in Russ.)

Chen Jianli, Yang Junchang, Sun Bingjun, Pan Yan. Manufacture technique of bronze-iron bimetallic objects found in M27 of Liangdaicun site, Hancheng, Shaanxi. *Science in China. Series E: Technological Sciences*, 2009, vol. 52, iss. 10, pp. 3038–3045.

Chen Kunlong, Wang Yingchen, Liu Yaxing, Mei Jianjun, Jiang Tao. Meteoritic origin and manufacturing process of iron blades in two Bronze Age bimetallic objects from China. *Journal of Cultural Heritage*, 2018, vol. 30, pp. 48–50.

Dashibalov E. B. Drevnii etap istorii mongoloyazychnykh narodov [Ancient period of history of Mongols]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]*, 2014, iss. 8: Oriental Studies, pp. 130–136 (in Russ.)

Jiangchuan lijiashan – dierci fajue baogao [江川李家山 – 第二次发掘报告]. A report on the second excavation in Lijiashan, Jiangchuan County. Beijing, Wenwu chubanshe, 2007, 22, 351 p. + 180 colour pl. (in Chin.)

Jia Hongbo. Guanyu guoguo mudide niandai he M2001, M2009 de muzhu wenti [贾洪波. 关于虢国墓地的年代和 M2001、M2009 的墓主问题 // 中原文物]. On the problems of chronology and [determine] of the tombs' occupants of M2001, M2009 at the Guo State grave yard. *Zhongyuan wenwu [Cultural Relics of Central Plains]*, 2014, no. 6, pp. 17–25. (in Chin.)

Komissarov S. A., Khachatryan O. A. Mavzolei imperatora Tsin' Shikhuandi [Mausoleum of the Emperor Qin Shihuangdi]. Textbook Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 2010, 216 p. (in Russ.)

Komissarov S. A., Solovyev A. I. Nakhodka bimetallichesкого kinzhala v Vostochnoi Gan'su. [Bimetallic dagger found in East Gansu]. Preprint. Novosibirsk, Inst. of Hist., Philol. & Philos. SB AS USSR, 1983, 5 p. (in Russ.)

Komissarov S. A., Solovyev A. I. Mogil'nik Tszin'lyan'shan' i ego mesto v izuchenii dongshonsko-dyan'skoi tsivilizatsii [The Jinlianshan Graveyard and Its Role in the Study of the DongSon–Dian Civilization]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 32–46. (in Russ.)

Lin Yun. Xichagou xing tongbing tiejian yu laoheshen, cailan mudide zushu [林云. 西岔沟型铜柄铁剑与老河深、彩岚墓地的族属]. Swords of Xichagou type with bronze handle and iron blade with some words about ethnic affiliation of Laoheshen and Cailan graveyards. In: Lin Yun xueshu wenji [林云学术文集]. Collection of scientific papers by Lin Yun. Beijing, Zhongguo dabaike quanshu chubanshe, 1998, pp. 352–367. (in Chin.)

- Liu Jingwen, Pang Zhiguo.** Jilin yushu laoheshen muzangqun zushu tantao [刘景文、庞志国。吉林榆树老河深墓葬群族属探讨 // 北方文物]. A discussion about the ethnicity of the Laoheshen burial site in Yushu County, Jilin Province. *Beifang wenwu [Northern Cultural Relics]*, 1986, no. 1, pp. 25–27. (in Chin.)
- Ma Deqian.** Fuyu wenhuade jige wenti [马德谦。扶余文化的几个问题 // 北方文物]. Some questions about Fuyu Culture. *Beifang wenwu [Northern Cultural Relics]*, 1991, no. 2, pp. 18–24. (in Chin.)
- Matsui Takafumi, Moriwaki Ryota, Zidan Eissa, Arai Tomoko.** The manufacture and origin of the Tutankhamen meteoritic iron dagger. *Meteoritics & Planetary Science*, 2022, vol. 57, iss. 4, pp. 747–758.
- Molodin V. I., Komissarov S. A., Solovyev A. I.** Eshche raz o kitaiskikh istochnikakh po epokhe bronzy i neobkhodimosti kriticheskogo k nim otnosheniya [Once again, about Chinese sources on the Bronze Age and the need to be critical of them]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2005, vol. 11, pt. 1, pp. 394–399. (in Russ.)
- Mongait A. L.** Arkheologiya Zapadnoi Evropy: bronzovyi i zheleznyi veka [Archaeology of Western Europe: Bronze and Iron Ages]. Moscow, Nauka, 1974, 407 p., 9 p. with colour pl. (in Russ.)
- Nasretdinov R. R., Sultanov R. R., Fedorov V. K.** Bimetallicheskie kimmeriiskii mech iz Yuzhnogo Zaural'ya [Bimetallic Cimmerian Sword from the Southern Transurals]. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei [Archaeology of the Eurasian Steppes]*, 2024, no. 6, pp. 129–137. (in Russ.)
- Pan Ling, Tian Likun, Liu Ning, Li Xinquan.** Xifeng xichagou – xihan shiqi dongbei minzu mudi [潘玲、田立坤、刘宁、李新全。西丰西岔沟 – 西汉时期东北民族墓地]. The cemetery at Xichagou in Xifeng: Northeast ethnics cemetery in Western Han Dynasty. Beijing, Wenwu chubanshe, 2022, vol. 1–3, 920 p. (in Chin.)
- Park Sun Mi.** Antenna-Style Daggers in Northeast Asia from the Perspective of Interregional Interaction. *Asian Perspectives*, 2020, vol. 59, no. 1, pp. 159–185.
- Plotnikov Yu. A.** “Klady” Priob'ya kak arkheologicheskii istochnik [The “Treasures” of the Ob region as an archaeological source]. In: Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii [Military affairs of the ancient population of North Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1987, pp. 120–135. (in Russ.)
- Sun Shoudao.** “Xiongnu xichagou wenhua” gu muqun faxian [孙守道。“匈奴西岔沟文化”古墓群的发现 // 文物]. A discovery of the ancient “Xichagou Xiongnu Culture's” graveyard. *Wenwu [Cultural Relics]*, 1960, no. 8–9, pp. 25–36 (in Chin.)
- Tian Likun.** Guanyu beipiao lamadong sanyan wenhua mudide jige wenti [田立坤。关于北票喇嘛洞三燕文化墓地的几个问题 // 辽宁考古文集]. Some questions about Tree Yan grave yard in Lamadong. Beipiao County]. In: Liaoning kaogu wenji [Collections of papers about archaeology of Liaoning]. Shenyang: Liaoning minzu chubanshe, 2003, pp. 263–267. (in Chin.)
- Topal D.** Swords and daggers of early nomads from Transylvania and Southern Carpathians: Local varieties and continental trends. *Plural*, 2022, vol. 10, no. 1, pp. 34–69.
- Voroshilov A. N.** Bimetallicheskie mechi skifskogo vremeni iz mezhdurech'ya Dona i Volgi [Bimetallic swords of Scythian times from the interfluvium of Volga and Don]. *Rossiiskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2007, no. 3, pp. 150–156 (in Russ.)
- Wagner D. B.** Iron and Steel in Ancient China, 2nd ed., with corrections. Leiden, New York, Köln, E. J. Brill, 1996, 579 p.
- Wei Qiangbing, Li Xiuhui, Wang Xinguang, Chen Jianli.** Guoguo mudi chutu tieren tongqide kexue fenxi ji xiangguan wenti [魏强兵、李秀辉、王鑫光、陈建立。虢国墓地出土铁刃铜器的科学分析及相关问题 // 文物]. Scientific analysis of bronze products with an iron blade,

- excavated in the burial ground of the state of Guo, and related problems. *Wenwu* [Cultural Relics], 2022, no. 8, pp. 80–87. (in Chin.)
- Xiong Li.** Zhongguo gudai jiande fazhan yu yanbian guocheng [熊莉. 中国古代剑的发展与演变过程 // 武术研究]. The process of evolution and development of the Chinese ancient swords. *Wushu yanjiu* [Martial art studies], 2018, vol. 3, no 3, pp. 38–40. (in Chin.)
- Yang Hong.** Weapons in Ancient China. New York, Beijing, Science Press, 1992, 298 p.
- Yushu laoheshen [榆树老河深]. Laoheshe graveyard in Yushu County. Beijing, Wenwu chubanshe, 1987, 171 p. (in Chin.)
- Zhang Herong.** Yelang qingtong wenming tanwei: Guizhou zhanguo qin han shiqi qingtongqi yanjiu [张合荣. 夜郎青铜文明探微: 贵州战国秦汉时期青铜器研究]. Analysis of the Bronze Age civilization of Yelang: Studies of the bronze implements of Zhanguo – Qin – Han period in Guizhou Province. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 2018, 6, 5, 4, 8, 374 p. (separate pagination) (in Chin.)
- Zhang Zengqi.** Jinning shizhaishan [张增祺. 晋宁石寨山]. Shizhaishan (graveyard) in Jinning County. Kunming, Yunnan meishu chubanshe, 1998, 316 p., 60 p. of colour pl. (in Chin.)
- Zhongguo kaogu: Qin han juan [中国考古学: 秦汉卷 / 刘庆柱、白云翔主编]. Chinese archaeology: Qin and Han Epoch / Ed. by Liu Qingzhu, Bai Yunxiang. Beijing, Zhongguo shehui chubanshe, 2010, 1027 p. (in Chin.)

Информация об авторах

- Сергей Александрович Комиссаров**, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57195200866
RSCI Author ID 143809
SPIN 6832-0603
- Александр Иванович Соловьев**, доктор исторических наук
Scopus Author ID 18042706600
WoS Researcher ID ABA-6010-2020
RSCI Author ID 73827
SPIN 9782-2613

Information about the Authors

- Sergey A. Komissarov**, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57195200866
RSCI Author ID 143809
SPIN 6832-0603
- Aleksandr I. Solovyev**, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 18042706600
WoS Researcher ID ABA-6010-2020
RSCI Author ID 73827
SPIN 9782-2613

*Статья поступила в редакцию 21.01.2025;
одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 10.02.2025
The article was submitted on 21.01.2025;
approved after reviewing on 02.02.2025; accepted for publication on 10.02.2025*

Научная статья

УДК 904.5(511)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-140-152

Изучение могильника Сичагоу в археологии Китая и Кореи

Мария Андреевна Кудинова¹

Анастасия Леонидовна Нестеркина²

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

² a.l.subbotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>

Аннотация

Дается краткая характеристика материалов могильника Сичагоу (уезд Сифэн городского округа Телин пров. Ляонин, КНР), II–I вв. до н. э. Изложена история его открытия и исследования. Памятник был открыт в 1955 г., он серьезно пострадал от разграбления, отчет о раскопках был издан спустя 66 лет после завершения полевых исследований, что осложнило интерпретацию материалов. С момента обнаружения памятника и до настоящего времени в археологической науке КНР основное внимание уделяется вопросу этнической принадлежности населения, оставившего могильник. Эта проблема решается с опорой на данные письменных источников. В разное время выдвигались гипотезы о принадлежности могильника Сичагоу сюнну, ухуань, фуюй (пуё) и сяньбэй. В настоящее время в китайской археологии утвердилась «ухуаньская» версия. В Республике Корея изучение материалов Сичагоу началось в 1990-е гг., они используются для реконструкции этнокультурных процессов в Восточной Азии, а также привлекаются в качестве аналогий при решении конкретных задач корейской и восточноазиатской археологии. Среди южнокорейских археологов наиболее распространено мнение о «пуёской» принадлежности памятника.

Ключевые слова

Северо-Восточный Китай, могильник Сичагоу, погребальный обряд, этнокультурная принадлежность, сюнну, сяньбэй, ухуань, фуюй (пуё)

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>

Для цитирования

Кудинова М. А., Нестеркина А. Л. Изучение могильника Сичагоу в археологии Китая и Кореи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 140–152. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-140-152

© Кудинова М. А., Нестеркина А. Л., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 140–152

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 140–152

Study of Xichagou Cemetery in the Archaeology of China and Korea

Maria A. Kudinova¹, Anastasiya L. Nesterkina²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

² a.l.subbotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>

Abstract

The aim of the work is to analyze the main approaches to the study of Xichagou materials (primarily to establishing its ethnocultural affiliation), developed in the archaeological science of China and the Republic of Korea, and the results obtained in this area. The article provides a brief description of the materials of Xichagou cemetery (Xifeng County, Tieling City, Liaoning Province, China), dating back to the 2nd – 1st centuries BCE. The history of its discovery and exploration is presented. The cemetery was discovered in 1955, seriously damaged by looting, and subsequently the excavation report was published 66 years after the completion of the fieldwork, which complicated the interpretation of the materials. Since the discovery of the cemetery and up to the present time, the archaeological science of China has paid special attention to the issue of the ethnicity of the population that set up the cemetery. This problem is solved based on the data of written sources. At different times, hypotheses about the belonging of Xichagou cemetery to the Xiongnu, Wuhuan, Fuyu (Puyo) and Xianbei have been put forward. Currently, the “Wuhuan” version has become established in Chinese archaeology. In the Republic of Korea, the study of the materials of Xichagou cemetery began in the 1990s; these materials are used to reconstruct ethnocultural processes in East Asia, and are also used as analogies when solving specific problems in Korean and East Asian archeology. Among Korean archaeologists, the most common opinion is that Xichagou cemetery belongs to the Puyo.

Keywords

Northeast China, Xichagou cemetery, burial rite, ethnocultural affiliation, Xiongnu, Xianbei, Wuhuan, Fuyu (Puyo)

Acknowledgements

This study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121/>

For citation

Kudinova M. A., Nesterkina A. L. Study of Xichagou Cemetery in the Archaeology of China and Korea. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 140–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-140-152

В археологии существует проблема разграничения памятников материальной культуры, оставленных представителями известных по письменным источникам этнических общностей на северо-востоке Китая: сюнну (хунну), сяньбэй (сяньби), ухуань, фуюй / пуё¹. Сложность выхода из этой ситуации обусловлена общностью происхождения некоторых из этих групп, их территориальной близостью, интенсивными контактами и сходством хозяйственных укладов.

В статье рассмотрена история изучения одного из ключевых памятников археологии этой территории – могильника Сичагоу (西岔沟) в уезде Сифэн городского округа Телин пров. Ляонин, КНР. Цель работы – проанализировать сложившиеся в археологической науке Китая и Республики Корея подходы к исследованию материалов памятника и полученные результаты, что будет способствовать пониманию специфики этого комплекса российскими исследователями.

Могильник Сичагоу – памятник со сложной судьбой. О его существовании стало известно в 1955 г., когда местный Народный комитет сообщил об обнаружении памятника в провин-

¹ Представления об исторической судьбе этнополитической общности 扶餘/夫餘/鶡臯 (*кит.* фуюй, *кор.* пуё), сложившиеся в китайской и корейской историографии, несколько различаются. Далее в тексте мы будем использовать термин «фуюй», говоря о работах китайских ученых, и «пуё» применительно к исследованиям их корейских коллег.

циальное управление по культуре и передал туда часть вещей, полученных от крестьян, проводивших незаконные раскопки с 1940-х гг. Тогда чиновники оставили это сообщение без внимания, и могильник был практически полностью разграблен (рис. 1, 1, 2). Лишь после повторного обращения местных жителей в Северо-восточный музей в Шэньяне в 1956 г. и выхода статьи о памятнике в газете «Жэньминь жибао» начались спасательные раскопки. Выяснилось, что могильник включал ок. 500 погребений, большинство из которых было разрушено. Археологами раскопано 63 могилы (рис. 1, 3), расчищены и доисследованы поврежденные участки некрополя, получено более 2 000 артефактов, еще 5 323 предмета собрано у местных жителей, однако огромная часть вещевого комплекса утрачена безвозвратно.

Погребения Сичагоу – одиночные захоронения в прямоугольных в плане грунтовых могилах, располагались рядами, ориентированными по линии северо-восток – юго-запад. Погребенные уложены на спину, головой на северо-запад. Фиксируются остатки гробов в виде древесного тлена и следы циновок. Сопроводительный инвентарь включал до 5 керамических сосудов, детали поясной фурнитуры, бляшки и подвески (в том числе из китайских бронзовых монет), бусы, железные ножи и шилья. Предположительно, в мужских погребениях имелось оружие (железные мечи и копья, наконечники стрел из бронзы и железа), в женских – серьги и бусы. Прочие находки – детали колесниц и конского снаряжения, сельскохозяйственные и ремесленные орудия, бронзовые бляхи в сюннуском стиле, ханьские зеркала и т. д. (рис. 2). Наиболее крупные и богатые погребения располагались в центральной части могильника и могли принадлежать местной элите (см.: [Сунь Шоудао, 1960; 1995; Пань Лин и др., 2022]).

Публикация результатов раскопок могильника Сичагоу в 1960-е гг. ограничилась краткой версией отчета [Сунь Шоудао, 1960], долгое время остававшейся основным источником информации о памятнике. Находки из Сичагоу оказались в нескольких музеях: в Музее истории Китая (в настоящее время – Национальный музей Китая), Музее пров. Ляонин и Музее Телина. Полный отчет о раскопках Сичагоу увидел свет совсем недавно – в 2022 г. [Пань Лин и др., 2022].

Благодаря находкам датирующих предметов (ханьских зеркал и монет) удалось надежно определить время существования могильника в пределах середины II – середины I в. до н. э., т. е. среднего периода Западной Хань – времени правления императоров У-ди (140–87 гг. до н. э.) и Чжао-ди (86–74 гг. до н. э.), начального периода правления Сюань-ди (73–49 гг. до н. э.) [Сунь Шоудао, 1960, с. 28–29; 1995]. Новые исследования материалов подтвердили полученные ранее датировки [Пань Лин и др., 2022, т. 1, с. 499–504]. Культурная атрибуция памятника и этническая принадлежность оставившего его населения стали предметом обсуждения, растянувшегося на несколько десятилетий.

Еще в статье 1956 г. в «Жэньминь жибао», впоследствии перепечатанной журналом «Вэнью цанькао цзыляо», Сунь Шоудао предположил, что могильник мог быть оставлен сюнну, ухуань или сяньбэй [Сунь Шоудао, 1957, с. 54]. В публикации 1960 г. исследователь остановился на сюннуской атрибуции памятника [Сунь Шоудао, 1960]. Однако уже в 1961 г. была вновь высказана гипотеза о принадлежности Сичагоу ухуаням. У Жунцзэн (под псевдонимом Цзэн Юн) на основании сообщений «Ши цзи» и «Хань шу» указал, что во время функционирования могильника район, где он расположен, уже не мог находиться под властью сюнну и памятник был оставлен представителями народов группы дунху – ухуань или сяньбэй. Материалы Сичагоу значительно отличаются от сяньбэйских погребений в Чжалайноре, которые не содержат предметов ханьского импорта, а проживание сяньбэй в районе Сичагоу не подтверждается данными письменных источников. Кроме того, в материалах памятника широко представлены сельскохозяйственные орудия, а из различных групп сюнну и дунху, только ухуань занимались земледелием. Таким образом, единственно возможной остается ухуаньская атрибуция могильника [Цзэн Юн, 1961]. В начале 1960-х гг. степень изученности археологических памятников северо-восточного региона КНР оставалась достаточно низкой, и дискуссия об этнокультурной принадлежности памятника приостановилась.

Обсуждение возобновилось в 1984 г. с выходом двух статей, в которых вопросы этнической атрибуции Сичагоу рассматривались с привлечением новых данных. Линь Синьцзянь (под псевдонимом Тянь Юнь) отметил существенные отличия керамического комплекса Сичагоу как от сюннуских, так и от сяньбэйских погребальных памятников и его сходство с керамикой культуры ситунаньшань. Найденные на могильнике многочисленные железные мечи с бронзовыми и деревянными рукоятями (71 экз.) схожи с образцами из погребений среднего слоя могильника Лаохэшэнь. Исходя из этого, исследователь выдвигает третью гипотезу этнокультурной атрибуции памятника – фуюйскую [Тянь Юнь, 1984]. В 1980–1990-е гг. эта точка зрения нашла отражение в ряде обобщающих работ по истории и археологии фуюй (см., например: [Ли Дяньфу, 1985, с. 14]).

Рис. 1. Раскопки могильника Сичагоу (фотографии 1956 г.):

1 – вид на северо-западную часть памятника до начала раскопок; 2 – вид на центральную и западную части памятника до начала раскопок; 3 – расчистка и зарисовка погр. М15. По: [Пань Лин и др., 2022, т. 3]

Fig. 1. Excavations of the Xichagou cemetery (photographs from 1956):

1 – view of the northwestern part of the site before excavations; 2 – view of the central and western parts of the site before excavations; 3 – excavation and drawing of M15 burial. As per: [Pan Ling et al., 2022, vol. 3]

Рис. 2. Материалы могильника Сичагоу:

1–6 – керамические сосуды; 7 – бронзовое зеркало; 8 – бронзовая позолоченная бляшка с изображением медведя; 9, 10 – бронзовые бляхи в форме лошадей; 11, 12 – биметаллические мечи с антенновидными навершиями; 13 – железный меч с бронзовой рукоятью; 14, 15 – серьги. Без масштаба. По: [Пань Лин и др., 2022, т. 3]

Fig. 2. Materials from Xichagou cemetery:

1–6 – ceramic vessels; 7 – bronze mirror; 8 – gilded bronze plaque with a depicted bear image; 9, 10 – horse-shaped bronze plaques; 11, 12 – antenna-style bimetallic swords; 13 – iron sword with a bronze hilt; 14, 15 – earrings. Not to scale. As per: [Pan Ling et al., 2022, vol. 3]

Чжан Сиин в статье, посвященной происхождению и эволюции кинжалов и мечей с антеннообразными навершиями, соотнес разные типы этих изделий с этническими группами, известными по китайским историческим сочинениям. Согласно его концепции, на территории, где найдены железные мечи с бронзовой рукоятью, в эпоху Хань могли проживать вэймо (*кор.* емэк), сюнну или дунху (сяньбэй и ухуань). Поскольку материалы Сичагоу отражают культуру кочевников, отличных по уровню социальной организации от сюнну, могильник принадлежал представителям одной из ветвей дунху, наиболее вероятно – ухуаням, поскольку при императоре У-ди именно они были переселены на юг для защиты ханьской границы от сюнну [Чжан Сиин, 1984, с. 751]. Ухуаньская гипотеза о принадлежности Сичагоу также была принята многими специалистами и вошла в обобщающие работы по этнической истории Дунбэя.

Профессор Цилиньского университета Линь Юнь, один из крупнейших специалистов по археологии Северного Китая, в работе, посвященной изучению мечей из могильников Цайлань, Лаохэшэнь и Сичагоу², отметил, что до полной публикации материалов памятника Сичагоу не представляется возможным достоверно установить его этнокультурную принадлежность [Линь Юнь, 1998], и многие исследователи тогда поддержали его точку зрения [Ли Джонсу, 2004, с. 108; Ма Лицин, 2005, с. 69; Пань Лин, 2007, с. 152–155].

В 2012 г. Фань Эньши подвел итоги предшествующего этапа изучения могильника Сичагоу и указал на назревшую необходимость уточнения его этнокультурной принадлежности. Развивая идеи Линь Юня и Пань Лин, он выделил пять основных компонентов материальной культуры «типа Сичагоу»: ханьская культура; культура северных степей; элементы, характерные для могильников Пинъян и Синлуншань; элементы, присущие внутренним районам Дунбэя; местный культурный субстрат. Исследователь предложил собственную концепцию генезиса «типа Сичагоу» как поликультурного образования, в состав которого входило как местное, так и пришлое население (принадлежавшее к той же группе, что и люди, оставившие могильник Пинъян, и имевшее контакты с сюнну). Значительным было и влияние Хань и фуюй. Сопоставление этой схемы с информацией письменных источников приводит автора к выводу, что могильник Сичагоу мог принадлежать только ухуаням [Фань Эньши, 2012].

Начиная подготовку к публикации полного отчета о раскопках могильника Сичагоу, Пань Лин вернулась к обсуждению его этнокультурной принадлежности и предварительно указала в качестве приоритетной ухуаньскую версию [Пань Лин, 2013]. Ее аргументация была представлена в докладе на международной конференции в Барнауле в 2018 г. и опубликована в сборнике материалов [Pan Ling, 2018]. Именно эта версия закрепились как основная в китайской историографии. Исследовательница указывает, что часть населения, оставившего могильник, незадолго до этого мигрировала из междуречья Сунгари и Нонни и активно контактировала с местным населением и фуюй, что фиксируется по синкретическим материалам Сичагоу. Основой их формирования была культура 2-го периода Ханьшу, кроме того выделяются элементы местной культуры баошань, ханьской культуры Центральной равнины, культуры сюнну и культуры фуюй. Могильник функционировал сравнительно недолго в пределах среднего периода Западной Хань. Предположительно, внезапное исчезновение населения, оставившего памятник, стало следствием столкновения с ханьскими войсками. Сопоставление археологических материалов с данными письменных источников позволяет утверждать, что большинство погребенных на могильнике Сичагоу принадлежали к ухуаням [Пань Лин и др., 2022, т. 1, с. 510–516].

Памятник Сичагоу стал известен в Республике Корея благодаря XI Международному симпозиуму «Истоки и взаимодействие древних культур Северо-Восточной Азии», прошедшему 12–14.11.1992 в Институте культуры Пэкче и махан при Университете Вонгван (г. Иксан, пров. Чолла-пукто). Мероприятие собрало многих ведущих специалистов по археологии Северной Евразии, таких как В. И. Молодин, М. Н. Пак, Д. Л. Бродянский, Ким Воллён, Эга-

² Впервые результаты этого исследования были представлены в Корее в 1992 г., но в КНР эта работа получила известность только после повторной публикации в сборнике трудов Линь Юня, изданном в Пекине в 1998 г.

ми Намио, Окамура Хидэнори, Го Дашунь, Линь Юнь и др. Материалы опубликованы в специальном номере журнала «Культура махан и Пэкче», среди них была и работа Линь Юня на китайском языке [Линь Юнь, 1993], впоследствии перепечатанная в КНР.

Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего могильник Сичагоу, попал в поле зрения корейских ученых в конце 1990-х гг. В магистерской диссертации Чон Сансок соотнес материалы Сичагоу, Цайлань и Лаохэшэнь с Пуё ханьского времени (II в. до н. э. – III в. н. э.) [Чон Сансок, 1997, с. 50–59]. В главе VIII монографии «История и культура трех северо-восточных провинций Китая и Корейского полуострова» имеется раздел «Памятники пуё» с описанием археологических комплексов Паоцзынянь, Сичагоу и Лаохэшэнь [О Ёнчан, 1999, с. 481–486].

В конце 2010-х гг. среди корейских ученых развернулась дискуссия по поводу этнической принадлежности населения, оставившего могильник Сичагоу. Профессор Академии Корееведения О Ганвон делает заключение о близости керамических комплексов Сичагоу и вероятного комплекса раннего пуё – культуры 2-го периода Ханьшу [О Ганвон, 2018]. Сотрудник Национального института истории Кореи Чо Ёнгван сопоставил сюжеты мифов о Чумоне и Тонмёне. Они содержат как черты кочевых культур (сюжеты, связанные с лошадью), так и исключительно китайские образы (дракон). Это позволило сделать вывод о том, что родиной Чумона была территория Пуё, расположенная на стыке кочевой и китайской культурных традиций. В качестве примера такого культурного синкретизма приводятся материалы могильника Сичагоу, который, по мнению автора, относится к культуре раннего Пуё [Чо Ёнгван, 2019]. В своей новейшей работе профессор Университета Чхуннам Пак Янджин критикует «ухуаньскую» теорию и также настаивает на принадлежности этнической группы из Сичагоу к пуё. Основанием для такого вывода послужило, напротив, отсутствие явных кочевых ухуаньских и присутствие земледельческих пуёских черт в погребальной обрядности Сичагоу [Пак Янджин, 2023]. Очевидно, большинство корейских специалистов придерживается «пуёской» версии. Профессор Университета Тангук Ли Джонсу, напротив, детально обосновывает «ухуаньскую» атрибуцию материалов Сичагоу на основании наличия в ней кочевых элементов культуры ухуаней, а культуру пуё соотносит с типом Паоцзынянь [Ли Джонсу, 2018, с. 43].

Публикация полного отчета о раскопках могильника Сичагоу вызвала рост интереса к изучению его материалов в Южной Корее. В 2024 г. в Филиале Университета Тангук в г. Йоньин прошел симпозиум «От Пуё к Когурё», в рамках которого могильнику Сичагоу была отведена особая роль³. По материалам симпозиума в «Трудах Фонда изучения культуры Северо-восточной Азии» опубликована серия статей молодых исследователей. Аспирант Университета Кёнхи Хан Джинсон выделила среди материалов могильника Сичагоу сюннуские бляхи в зверином стиле, но отвергла сюннускую атрибуцию памятника, так как биметаллические мечи указывают на его принадлежность к культуре пуё. Поэтому следует констатировать, что население, оставившее могильник Сичагоу, было этнически неоднородным [Хан Джинсон, 2024]⁴. Сотрудник Института культуры архипелагов при Университете Мокпхо Ким Дониль обратил внимание на найденные в Сичагоу железные кольца, интерпретированные им как шейные оковы, которые надевали потенциальным объектам человеческих жертвоприношений. Поскольку письменные источники сообщают о существовании подобной практики у пуё, то и материалы могильника Сичагоу с большой вероятностью от-

³ *Ка Джихе*. «Кочосон-эсо Пуё-ро» Тонъянхак ёнгвон, Пэксан хакхве-ва кондон симпхочжиом кэчхве [‘고조선에서 부여로’ 동양학연구원, 백산학회와 공동 심포지엄 개최]. Симпозиум «От Древнего Чосона к Пуё», организованный совместно Институтом востоковедения Университета Тангук и Ассоциацией Пэксан. Йоньин: Тангук тэхаккё, 2024. URL: https://www.dankook.ac.kr/web/kor/dku-today?p_p_id=Bbs_WAR_bbsportlet&_Bbs_WAR_bbsportlet_action=view_message&_Bbs_WAR_bbsportlet_messageId=787561 (на кор. яз.) (дата обращения 20.01.2025).

⁴ Сокращенный вариант этой работы Хан Джинсон ранее публиковала в России на русском языке совместно со своим научным руководителем – профессором Кан Ин Уком [Хан Чжин Сон, Кан Ин Ук, 2023].

носятся к культуре этого народа [Ким Донъиль, 2024]. Сотрудник Фонда изучения культуры Северо-Восточной Азии Пэ Хёнджун изучил керамику памятника Сичагоу и сделал вывод о ее сходстве с посудой культуры 2-го периода Ханьшу. Отдельные черты керамического комплекса Сичагоу находят аналогии в керамической посуде типа Паоцзынянь и культуры сюнну, что говорит об этнической неоднородности населения, оставившего могильник Сичагоу [Пэ Хёнджун, 2024].

Материалы памятника Сичагоу легли в основу научно-исследовательских проектов Национального исследовательского фонда Республики Корея (National Research Foundation, NRF). В рамках проекта сотрудника Института национальной истории Республики Корея Ким Хёнсук в 2004–2005 гг. теория пуёских истоков Когурё подтверждена найденными в Сичагоу серьгами когурёского облика⁵. В ходе реализации другого проекта в 2014–2016 гг. командой под руководством профессора Университета Кёнхи Кан Ин Ука проанализированы материалы предполагаемых памятников пуё Сичагоу и Лаохэсэнь, определен круг их аналогий среди кочевых культур сопредельных территорий Евразии⁶.

Отдельные категории находок из Сичагоу также используются для решения узкоспециальных задач корейской археологии: уточнения датировки и особенностей «нетипичных» дольменов [Ха Мунсик, 2008, с. 17–20]; определения времени появления ханьских зеркал на Корейском п-ове [Хон Ингук, 2019]; выявления источников технологии производства сероглиняной керамики [Ли Сонджу и др., 2022] и S-образных псалиев у населения Кореи в раннем железном веке и Средневековье [Чон Сокбэ, 2024]; прояснения происхождения и эволюции железных наконечников стрел у махан и Пэкче [Син Хаён, 2024].

На протяжении почти 70 лет, прошедших со времени открытия могильника Сичагоу, он неизменно оставался в фокусе внимания китайских, а затем и корейских археологов. Несмотря на то что большая часть материалов долгое время оставалась неопубликованной и возможности для их интерпретации были ограничены, яркость и богатство находок, их значимость для решения проблем этно- и культурогенеза в Восточной Азии побуждали исследователей к попыткам установить этнокультурную принадлежность населения, оставившего этот памятник. В настоящее время основные гипотезы включают теории о принадлежности могильника ухуань или фуэй / пуё, «сюннская» и «сяньбэйская» концепции отброшены как несостоятельные. И если в Китае дискуссия об атрибуции могильника Сичагоу завершилась с изданием отчета о раскопках и утверждением «ухуаньской» версии как общепринятой, то в Республике Корея обсуждение этой проблемы после полной публикации материалов получило новый импульс, который дал толчок формированию в современной корейской историографии двух точек зрения. Первая относит могильник Сичагоу к культуре исключительно пуё, вторая подчеркивает смешанный характер могильника и невозможность на данном этапе однозначно соотнести его материалы с конкретной племенной группой. Вероятно, в ближайшем будущем стоит ожидать выхода новых работ, посвященных изучению этого уникального памятника.

⁵ Ким Хёнсук. Когурё-ый чонджок кивон-гва кукка хёнсон кваджон [고구려의 종족기원과 국가형성과정]. Происхождение этноса и возникновение государственности Когурё. Сеул: Хангук ёнгу чэдан, 2005. URL: https://www.krm.or.kr/krmnts/search/detailview/research.html?dbGubun=SD&category=Research&m201_id=10006720 (на кор. яз.) (дата обращения 20.01.2025)

⁶ Кан Ин Ук. (Кодэса) Кодэ Пугбан минжок ёнгу (пуё, мальгаль): кого чарё-ро пон пуё-ый сахве куджо-ва кёс-оп, мальгаль мит юмок мунхва-ваый пигё-рыль чунсим-ыйро [(고대사) 고대 북방민족 연구(부여, 말갈) – 고고자료로 본 부여의 사회구조와 교섭-말갈 및 유목문화와의 비교를 중심으로]. (Древняя история) Изучение древних народов Северной Евразии (пуё, мохэ): структура общества и внешние связи Пуё по данным археологии, аналогии между мохэ и кочевыми культурами Евразии. Сеул: Хангук ёнгу чэдан, 2016. URL: https://www.krm.or.kr/krmnts/search/detailview/research.html?dbGubun=SD&category=Research&m201_id=10060158 (на кор. яз.) (дата обращения 20.01.2025).

Список литературы

- Хан Чжин Сон, Кан Ин Ук.** Этнокультурная принадлежность могильника Сичагоу по материалам поясных блях культуры хунну // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 79–94.
- Pan Ling.** A Summary on the Xiongnu Culture Element of Xichagou Cemetery // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 23–28.
- Ким Донъиль.** Сочхагу юджог-эсо натхана-нын Чунвон сыпсок-ква нэсэгван-ый ыйми: кым-согдже хёнболь тогу-рыль чунсим-ыйро [서차구유적에서 나타나는 중원습속과 내세관의 의미 – 금속제 형벌 도구를 중심으로]. Значение китайской традиции и представлений о загробной жизни по материалам памятника Сичагоу: на основании металлических орудий для наказания // Тонбуга ёкса нончхон. 2024. № 85. С. 53–105. (на кор. яз.)
- Ли Джонсу.** Фууй вэньхуа яньцзю [李钟沫. 夫余文化研究]. Исследование культуры пуё: Дис. ... д-ра наук. Цзилиньский университет, 2004. 307 с. (на кит. яз.)
- Ли Джонсу.** Пуё каннёк ёнгу хёнхван-гва чэнджом [부여 강역 연구현황과 쟁점]. Историография и проблематика вопроса о границах Пуё // Пэксан хагбо. 2018. № 110. С. 33–52. (на кор. яз.)
- Ли Дяньфу.** Ханьдай фууй вэньхуачуи [李殿福汉代夫余文化刍议]. Соображения по поводу культуры фууй эпохи Хань // Бэйфан вэньбу. 1985. № 3. С. 9–15. (на кит. яз.)
- Ли Сонджу, Ли Суджон, Ким Джину.** Йонёнчиёк хведо-ый суён-гва тхоги чеджаг-ый кисуль хёксин [요녕지역 회도의 수옹과 토기제작의 기술혁신]. Появление сероглиняной керамики и технологические инновации в керамическом производстве Ляонина // Когохак. 2022. Т. 21, № 2. С. 207–242. (на кор. яз.)
- Линь Юнь.** Сичагоу син тун бин те цзянь юй Лаохэшэнь, Цайлань мудидэ цзушу [林沄. 西岔沟型铜柄铁剑与老何深、彩岚墓地的族属]. Железные мечи с бронзовой рукоятью сичагоуского типа и этническая принадлежность могильников Лаохэшэнь и Цайлань // Махан, Пэкче мунхва. 1993. Т. 13. С. 249–265. (на кит. яз.)
- Линь Юнь.** Сичагоу син тун бин те цзянь юй Лаохэшэнь, Цайлань мудидэ цзушу [林沄. 西岔沟型铜柄铁剑与老何深、彩岚墓地的族属]. Железные мечи с бронзовой рукоятью сичагоуского типа и этническая принадлежность могильников Лаохэшэнь и Цайлань // Линь Юнь сюэшу вэньцзи [林沄学术文集]. Сборник научных трудов Линь Юня. Пекин: Чжунго да байкэцюаньшу чубаньшэ, 1998. С. 352–367. (на кит. яз.)
- Ма Лицин.** Юань сюнну, сюнну лиши юй вэньхуадэ каогусюэ таньсо [马利清. 原匈奴、匈奴历史与文化的考古学探索]. Археологические исследование истории и культуры прото-сюнну и сюнну. Хух-Хото: Нэй Мэнгу дасюэ чубаньшэ, 2005. 420 с. (на кит. яз.)
- О Ганвон.** Сопхунхён Сичхагу кобунгун-ый мунхваджок сонгёк-ква кетхон: тхоги-ый пигё пунсог-ыль чунсим-ыйро [西豊縣 西岔溝 고분군의 문화적 성격과 계통 – 토기의 비교분석을 중심으로]. Характеристика культуры и истоки могильника Сичагоу в уезде Сифэн: по результатам сравнительного анализа керамических комплексов // Хонам ко-гохакпо. 2018. Т. 58. С. 80–107. (на кор. яз.)
- О Ёнчхан.** Йусу Нохасим юджог-ыль тхонхэ пон пуё сахве [榆樹 老河深 유적을 통해 본 부여사회]. Общество Пуё по материалам памятника Лаохэшэнь в уезде Юйшу // Хан-бандо-ва Чунгук тонбук 3 сон-ый ёкса мунхва [한반도와 중국 동북 3성의 역사문화]. История и культура трех северо-восточных провинций Китая и Корейского полуострова. Сеул: Соуль тэхаккё чхульпханбу, 1999. С. 475–491. (на кор. яз.)
- Пак Янджин.** Ляонин Сипхон Сичхагоу юджог-ый чхободжок кочхаль [라오닝 시평 서차거우(西岔溝, 서차구) 유적의 초보적 고찰]. Предварительный анализ материалов

памятника Сичагоу в уезде Сифэн пров. Ляонин // Хангук когохагбо. 2023. № 128. С. 537–554. (на кор. яз.)

Пань Лин. Ивоэрцзя чэнчжи хэ муди цзи сянгвань сюнну каогу вэньти яньцзю [潘玲. 伊沃尔加城址和墓地及相关匈奴考古问题研究]. Иволгинское городище и могильник и исследование связанных с ними вопросов археологии сюнну. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. 219 с. (на кит. яз.)

Пань Лин. Ухань, фуюй ихо сюнну? Сичагоу муди цзушу чжи ми [潘玲. 乌桓、扶余抑或匈奴? 西岔沟墓地族属之谜]. Ухуани, фуюй или сюнну? Загадка этнической принадлежности могильника Сичагоу // Дачжун каогу. 2013. № 3. С. 43–45. (на кит. яз.)

Пань Лин, Тянь Ликунь, Лю Нин, Ли Синьцюань. Сифэн Сичагоу – си хань шици дунбэй миньцзу муди [潘玲、田立坤、刘宁、李新全. 西丰西岔沟—西汉时期东北民族墓地]. Сичагоу в [уезде] Сифэн – могильник северо-восточных народов периода Западной Хань: В 3 т. Пекин: Вэньчуньшэ, 2022. 920 с., ил. (общ. паг.) (на кит. яз.)

Пэ Хёнджун. Сочхагу юджог-ый тхоги мунхва-ва тхыгджин [서차구 유적의 토기문화와 특징]. Особенности керамического комплекса памятника Сичагоу // Тонбуга ёкса нончхон. 2024. № 85. С. 107–135. (на кор. яз.)

Син Хаён. Махан, Пэкче квон чхольчхог-ый пёнчхон кваджон-ква кетхон [마한·백제권 철축의 변천과정과 계통]. Происхождение и эволюция железных наконечников стрел в культуре махан и Пэкче: Дис. ... магистра. Университет Чоннам, 2024. 162 с. (на кор. яз.)

Сунь Шоудао. Сичагоу гумуцунь бэй цзюэ шицзяньдэ цзяосюнь [孙守道. 西岔沟古墓群被掘事件的教训]. Уроки инцидента с раскопками могильника Сичагоу // Вэньчуньшэ цзыляо. 1957. № 1. С. 53–56. (на кит. яз.)

Сунь Шоудао. «Сюнну сичагоу вэньхуа» гумуцуньдэ фасянь [孙守道. “匈奴西岔沟文化”古墓群的发现]. Открытие могильника «сюннуской культуры сичагоу» // Вэньчунь. 1960. № Z1. С. 25–36. (на кит. яз.)

Сунь Шоудао. Сичагоу гумуцунь си хань тун цзин дуаньдай яньцзю [孙守道. 西岔沟古墓群西汉铜镜断代研究]. Исследование хронологии западноханьских бронзовых зеркал могильника Сичагоу // Ляохай вэньчунь сюэкань. 1995. № 1. С. 79–85, вкл. 1–3. (на кит. яз.)

Тянь Юнь. Сичагоу гумуцунь цзушу вэньти цянсьи [田耘. 西岔沟古墓群族属问题浅析]. Краткий анализ этнической принадлежности могильника Сичагоу // Хэйлунцзян вэньчунь. 1984. № 1. С. 29–34. (на кит. яз.)

Фань Энъши. Лунь Сичагоу гумуцуньдэ цзушу – цзяньцзи ухань, сяньбэй каогу вэньхуадэ таньсо вэньти [范恩实. 论西岔沟古墓群的族属——兼及乌桓、鲜卑考古文化的探索问题]. Об этнической принадлежности могильника Сичагоу: к проблеме определения археологических культур ухань и сяньбэй // Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь. 2012. № 4. С. 126–137. (на кит. яз.)

Ха Мунсик. Хонха юёк коиндоль-ый тхыги куджо-ва сонгёк [渾河 유역 고인돌의 특이 구조와 성격]. «Нетипичные» дольмены в бассейне р. Хунхэ: конструкция и прочие особенности // Тонъянхак. 2008. Т. 43. С. 237–262. (на кор. яз.)

Хан Джинсон. Чунгук Йорёнсон Сопхун Сочхагу чхультхо хюнно тонмультун чансикпхум комтхо: тонмультун тэсикпхан-гва унмун чансикпхум-ыль чунсим-ыйро [중국 요령성 서풍 서차구 출토 흉노 동물문 장식품 검토 – 동물문대식판과 웅문장식품을 중심으로]. Исследование сюннуских украшений в зверином стиле памятника Сичагоу в уезде Сифэн: по материалам поясных блях в зверином стиле и блях с изображением медведя // Тонбуга ёкса нончхон. 2024. № 85. С. 7–52. (на кор. яз.)

Хон Ингук. Кодэ чунгук ёммунге тонгён-ый кивон-гва Ханбандо юип [고대 중국 葉文系 銅鏡의 기원과 한반도 유입]. Происхождение и распространение на Корейском полуост-

- рове китайских зеркал с листовидным орнаментом // Сонса-ва кодэ. 2019. № 60. С. 57-90. (на кор. яз.)
- Цзэн Юн.** Ляонин Сифэн Сичагоу гумуцунь вэй ухуань вэньхуа ицзи лунь [曾庸. 辽宁西丰西岔沟古墓群为乌桓文化遗迹论]. Рассуждение о могильнике Сичагоу в Сифэне, Ляонин, как о памятнике культуры ухуаней // Каогу. 1961. № 6. С. 334–336. (на кит. яз.)
- Чжан Синь.** Шилунь вого бэйфан хэ дунбэй дицюйдэ «чуцзяоши» цзянь [张锡瑛. 试论我国北方和东北地区的“触角式”剑]. Об «антеннообразных» мечах северных и северо-восточных районов Китая // Каогу. 1984. № 8. С. 744–751, 768. (на кит. яз.)
- Чо Ёнгван.** Когурё сиджо Чумон-ый чхульджаджи-э тэхан сиронджок гомтхо: Чумон сольхва-ый конган-гва ёксасон [고구려 시조 주몽의 출자지에 대한 시론적(試論的) 검토 – 주몽 설화의 공간과 역사성]. Предварительный обзор проблемы прародины основателя Когурё Чумона: место действия и историческая действительность в мифе о Чумоне // Хангукса ёнгу. 2019. № 186. С. 69–109. (на кор. яз.)
- Чон Сансок.** Содансан мунхва-ва чхоги Пuye [서단산문화와 초기부여]. Культура ситуаньшань и раннее Пuye: Дис. ... магистра. Университет Тона, 1997. 70 с. (на кор. яз.)
- Чон Сокбэ.** Юрасиа тэрюк пхрорхелло хён чэгаль момчхи-ый тхыгджин-ква кивон-э тэхэ [유라시아대륙 프로펠러형 재갈머치의 특징과 기원에 대해]. Особенности и происхождение S-образных псалий Евразии // Чуан кого ёнгу. 2024. № 44. С. 205–244. (на кор. яз.)

References

- Bae Hyunjoon.** Pottery culture and features of the Xichagou site. *Dongbuga yeoksa nonchong*, 2024, no. 85, pp. 107–135. (in Kor.)
- Chung Sang-Suk.** Seodansan munhwa-wa chogi Buyeo [서단산문화와 초기부여]. Xituanshan culture and early Buyeo. Master Thesis. Dong-A Uni., 1997, 70 p. (in Kor.)
- Fan Enshi.** Lun Xichagou gumuqunde zushu – jianji wuhuan, xianbei kaogu wenhuade tansuo wenti [范恩实. 论西岔沟古墓群的族属——兼及乌桓、鲜卑考古文化的探索问题]. On the ethnic affiliation of the Xichagou ancient tombs: the exploration of the archaeological culture of Wuhuan and Xianbei. *Social Science Front*, 2012, no. 4, pp. 126–137. (in Chin.)
- Ha Moon-sig.** A Study on the Unprecedented Type of Dolmens in Hunhe River. *Dongyngihak*, 2008, vol. 43, pp. 237–262. (in Kor.)
- Han Jinseong.** An examination of Xiongnu animal style artifacts unearthed from the Xifeng Xichagou site: Focusing on animal style belt plaques and bear motif adornments. *Dongbuga yeoksa nonchong*, 2024, no. 85, pp. 7–52. (in Kor.)
- Han J., Kang I.** Ethnic and Cultural Affiliation of the Xichaogou Burial Ground Based on Materials of the Xiongnu Culture Belt Plaques. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5, pp. 79–94. (in Russ.)
- Hong In-Gook.** Origin of ancient China leaf design affiliated bronze mirror and introduction to the Korean Peninsula. *Seonsa-wa godae*, 2019, no. 60, pp. 57–90. (in Kor.)
- Jo Yeong-Kwang.** A study on the birthplace of Jumong, founder king of Goguryeo. *Hanguksa yeongu*, 2019, no. 186, pp. 69–109. (in Kor.)
- Jung Suk-Bae.** About the characteristics and origin of the propeller-shaped bits on the Eurasian continent. *Jungang gogo yeongu*, 2024, no. 44, pp. 205–244. (in Kor.)
- Kim Dongil.** The significance of ancient Chinese customs and views of the afterlife as revealed in the Xichagou ruins: with a focus on metal tools. *Dongbuga yeoksa nonchong*, 2024, no. 85, pp. 53–105. (in Kor.)
- Lee Jongsu.** A study of Puyu Culture. PhD Diss. Jilin Uni., 2004. 307 p. (in Chin.)
- Lee Jongsu.** Current status and issues of researches about Buyeo territory. *Paeksan hakpo*, 2018, no. 110, pp. 33–52. (in Kor.)

- Lee Sungjoo, Lee Sujung, Kim Jinwoo.** The technological innovation process of ceramic production in proto-historic Liaoning region. *Gogohak*, 2002, vol. 21, no. 2, pp. 207–242. (in Kor.)
- Li Dianfu.** Handai fuyu wenhua chuyi [李殿福汉代夫余文化刍议]. A Brief Discussion on Fuyu Culture of Han Epoch. *Northern Cultural Relics*, 1985, no. 3, pp. 9–15. (in Chin.)
- Lin Yun.** Xichagou xing tong bing tie jian yu Laoheshen, Cailan mudide zushu [林云. 西岔沟型铜柄铁剑与老何深、彩岚墓地的族属]. Xichagou-type bronze-handled iron swords and the ethnic affiliation of the Laoheshen and Cailan cemeteries. *Mahan, Baekje munhwa*, 1993, vol. 13, pp. 249–265. (in Chin.)
- Lin Yun.** Xichagou xing tong bing tie jian yu Laoheshen, Cailan mudide zushu [林云. 西岔沟型铜柄铁剑与老何深、彩岚墓地的族属]. Xichagou-type bronze-handled iron swords and the ethnic affiliation of the Laoheshen and Cailan cemeteries. In: *Scholastic Collections of Lin Yun*. Beijing, Encyclopedia Publishing House of China, 1998, pp. 352–367. (in Chin.)
- Ma Liqing.** Yuan xiongnu, xiongnu lishi yu wenhuade kaoguxue tansuo [马利清. 原匈奴、匈奴历史与文化的考古学探索]. Archaeological Exploration of the Proto-Xiongnu and Xiongnu History and Culture. Hohhot, Inner Mongolia Uni. Press, 2005. 420 p. (in Chin.)
- Oh Kangwon.** The cultural character and its system of the Xichagou tombs, Xifeng: focused on the comparative analysis of the pottery. *Honam gogohakbo*, 2018, vol. 58, pp. 80–107. (in Kor.)
- Oh Youngchan.** Yusu Nohasim yujeok-eul tonghae bon buyeo sahoe [榆樹 老河深 유적을 통해 본 부여 사회]. Buyeo society based on materials from the Laoheshen site in Yushu county. In: *Hanbando-wa Jungguk dongbuk 3 seong-ui yeoksa munhwa* [한반도와 중국 동북 3 성의 역사문화]. History and culture of the Korean Peninsula and the three northeastern provinces of China. Seoul, Seoul daehakgyo chulpanbu, 1999, pp. 475–491. (in Kor.)
- Pak Yangjin.** A Preliminary Analysis of the Xichagou Site, Liaoning, China. *Hanguk gogohakbo*, 2023, no 128, pp. 537–554. (in Kor.)
- Pan Ling.** A Summary on the Xiongnu Culture Element of Xichagou Cemetery. In: *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii* [Modern solutions of current problems of Eurasian archeology]. Barnaul, Altai Univ. Press, 2018, iss. 2, pp. 23–28.
- Pan Ling.** Wuhuan, fuyu yihuo xiongnu? Xichagou mudi zushu zhi mi [潘玲. 乌桓、扶余抑或匈奴? 西岔沟墓地族属之谜]. Wuhuan, Fuyu or Xiongnu? The mystery of the ethnic affiliation of Xichagou cemetery. *Popular Archaeology*, 2013, no. 3, pp. 43–45. (in Chin.)
- Pan Ling.** Yiwoerjia chengzhi he mudi ji xiangguan xiongnu kaogu wenti yanjiu [潘玲. 伊沃尔加城址和墓地及相关匈奴考古问题研究]. Research on the Ivolga City Site and Cemetery and Related Xiongnu Archaeological Issues. Beijing, Science Press, 2007. 219 p. (in Chin.)
- Pan Ling, Tian Likun, Liu Ning, Li Xinquan.** The Cemetery at Xichagou in Xifeng: Northeast Ethnic Cemetery in Western Han Dynasty. Beijing, Cultural Relics Press, 2022. 920 p. (in Chin.)
- Shin Hayeong.** Mahan, Baekje gwon cheolchok-ui byeoncheon gwajeong-gwa gyetong [마한·백제권 철축의 변천과정과 계통]. The evolutionary process and genealogy of iron arrow-heads in the Mahan·Baekje region. Master Thesis. Chonnam National Uni., 2024, 162 p. (in Kor.)
- Sun Shoudao.** Xichagou gumuqun bei jue shijiande jiaoxun [孙守道. 西岔沟古墓群被掘事件的教训]. Lessons from the excavation of the Xichagou ancient tombs. *Wenwu cankao ziliao*, 1957, no. 1, pp. 53–56. (in Chin.)
- Sun Shoudao.** “Xiongnu xichagou wenhua” gumuqunde faxian [孙守道. “匈奴西岔沟文化”古墓群的发现]. Discovery of ancient tombs of the “Xichagou Culture of the Xiongnu”. *Cultural Relics*, 1960, no. Z1, pp. 25–36. (in Chin.)
- Sun Shoudao.** Xichagou gumuqun xi han tong jing duandai yanjiu [孙守道. 西岔沟古墓群西汉铜镜断代研究]. Study on dating of the Western Han bronze mirrors in the Xichagou ancient tombs. *Liaohai wenwu xuekan*, 1995, no. 1, pp. 79–85, pl. 1–3. (in Chin.)

- Tian Yun.** Xichagou gumuqun zushu wenti qianxi [田耘。西岔沟古墓群族属问题浅析]. A brief analysis of the ethnic origin of the Xichagou ancient tombs. *Heilongjiang wenwu congkan*, 1984, no. 1, pp. 29–34. (in Chin.)
- Zeng Yong.** Liaoning Xifeng Xichagou gumuqun wei wuhuan wenhua yiji lun [曾庸。辽宁西丰西岔沟古墓群为乌桓文化遗迹论]. On the Xichagou Ancient Tombs in Xifeng, Liaoning, as Relics of Wuhuan Culture. *Archaeology*, 1961, no. 6, pp. 334–336. (in Chin.)
- Zhang Xiyi.** Shilun woguo beifang he dongbei diqude “chujiaoshi” jian [张锡瑛。试论我国北方和东北地区的“触角式”剑]. On the “Antenna-style” Swords and Daggers in the North and Northeast China. *Archaeology*, 1984, no. 8, pp. 744–751, 768. (in Chin.)

Информация об авторах

Мария Андреевна Кудинова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57204361448

WoS Researcher ID AAJ-2405-2021

RSCI Author ID 821099

SPIN 3321-4579

Анастасия Леонидовна Нестеркина, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57198438084

WoS Researcher ID ABA-5922-2020

RSCI Author ID 792441

SPIN 1796-9710

Information about the Authors

Maria A. Kudinova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57204361448

WoS Researcher ID AAJ-2405-2021

RSCI Author ID 821099

SPIN 3321-4579

Anastasiya L. Nesterkina, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57198438084

WoS Researcher ID ABA-5922-2020

RSCI Author ID 792441

SPIN 1796-9710

Статья поступила в редакцию 25.01.2025;
одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 10.02.2025
The article was submitted on 25.01.2025;
approved after reviewing on 05.02.2025; accepted for publication on 10.02.2025

Научная статья

УДК 81'271.16+811.581

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-153-162

“人家”指称用法的社会语用机制

付鸿军¹, 吴苗露²

^{1,2} 新疆大学

中国·新疆·乌鲁木齐

¹ fredfu03@163.com, <https://orcid.org/0009-0000-8162-471X>

² wumiaolu@126.com, <https://orcid.org/0009-0003-3113-0123>

摘要

使用语言是一种全面的评估、选择、决定行为，单一角度、片面的视角方法不能令人满意地解释说话者在使用“人家”一词时所依赖的社会语用因素。“人家”从名词演化成代名词，逐渐获得了一般指称和特定指称的用法。受社会、心理、认知等多层次因素左右，“人家”有着多种多样的指代可能，还存在多种多样的转换，是留学生汉语学习中频繁出现使用失误的一个重要的语言点。在讨论“人家”指称用法的基础上，本文从其修辞功能、社会语言学因素、语用因素、认知因素等角度分析了“人家”指称用法的社会语用机制，指出说话者基于会话意图，斟酌实际语境中交际时的社会心理因素，选择“人家”表达特殊指称功能，达到特定的语用交际目的，实现一定的修辞效果，选择使用“人家”是一种有意识的目标导向的语言操纵。在汉语教学中，本文建议充分挖掘、激活学生已有的模块知识，根据学生的水平和接受能力，设计语言交际活动，助力学生掌握其语法功能、褒贬色彩、语体色彩等。要结合情境，重视交际性训练。在学习汉语的初级阶段，不宜大量地讲解规则、遇错就纠，要鼓励学习汉语的积极性。要尽量精讲多练，留足时间练习。进入中高级阶段后，要让学生接触学习、练习“人家”自指用法。

关键词

“人家”；指称；用法；因素；效果

The Sociopragmatic Mechanism for the Referential Usages of “Renjia”

Fu Hongjun¹, Wu Miaolu²

^{1,2} Xinjiang University

Urumqi, China

¹ fredfu03@163.com, <https://orcid.org/0009-0000-8162-471X>

² wumiaolu@126.com, <https://orcid.org/0009-0003-3113-0123>

Abstract

The use of language is a comprehensive assessment, selection and decision-making process. A single and one-sided perspective cannot satisfactorily explain the sociopragmatic factors on which speakers rely when using the referential word “Renjia”. “Renjia” evolved from a noun to a pronoun and gradually gained the uses of general reference and specific reference. Influenced by social, psychological, cognitive and other multi-level factors, “Renjia” has a variety of referential, as well as perspective shifting possibilities, which testifies that “Renjia” becomes an important language item that foreign students frequently make errors in when learning Chinese. Along with the discussion of the referential usages of “Renjia”, this paper analyzes the sociopragmatic mechanism for the referential usage of “Renjia” from the perspectives of its rhetorical function, sociolinguistic factors, pragmatic factors, cognitive factors, among others,

and points out that the speaker chooses to use “Renjia”, in line with their conversational intention, to achieve specific pragmatic communication purposes and certain rhetorical effects by taking into account the socio-psychological factors in communication in the actual context. Choosing to use “Renjia” is a conscious goal-oriented language manipulation. When it comes to Chinese language teaching, this paper suggests that students’ existing module knowledge should be fully explored and activated. Language communication activities should be designed according to students’ level and receptivity, so as to help them master its grammatical functions, commendatory and derogatory colours, stylistic colours, and so on. At the primary stage, rules should be explained in a concise manner, and students should be encouraged to practice as much as possible. In the middle and advanced stages, students should be exposed to learning and practice its self-referential usage.

Keywords

renjia, reference, usages, factors, effect

For citation

Fu Hongjun, Wu Miaolu. The Sociopragmatic Mechanism for the Referential Usages of “Renjia”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 153–162. (in Chin.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-153-162

Социопрагматический механизм употребления референта «жэньцзя»

Фу Хунцзюнь¹, У Мяолу²

^{1,2} Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

¹ fredfu03@163.com, <https://orcid.org/0009-0000-8162-471X>

² wumiaolu@126.com, <https://orcid.org/0009-0003-3113-0123>

Аннотация

Выбор говорящим тех или иных лексических единиц обусловлен целостной оценкой ситуации, и социолингвистические факторы, которые учитывают говорящие при использовании слова «жэньцзя», не могут быть объяснены при одностороннем подходе. Существительное «жэньцзя» не только перешло в местоимение (проминализация), но и постепенно приобрело как общее, так и специфическое референтное употребление. В силу социальных, психологических и когнитивных факторов слово «жэньцзя» имеет широкий спектр возможных значений и разнообразных трансформаций, что ведет к частым ошибкам иностранцев, изучающих китайский язык. В данной статье анализируется социопрагматический механизм употребления «жэньцзя» с точки зрения его риторической функции, социолингвистических, прагматических и когнитивных факторов и указывается, что социолингвистические факторы говорящего основываются на разговорном намерении и фактическом контексте. Отмечается, что говорящий выбирает «жэньцзя» для выражения особой референциальной функции, исходя из разговорных намерений, учитывая социально-психологические факторы в реальном контексте, для достижения конкретной коммуникативной цели и определенного риторического эффекта и что выбор использования «жэньцзя» является сознательным целенаправленным языковым манипулированием. Чтобы помочь обучающимся овладеть грамматическими функциями, оценочной и стилистической окраской слова «жэньцзя», авторы предлагают опираться на уже имеющиеся у учащихся знания и разрабатывать коммуникативные задания в соответствии с их уровнем и возможностью усвоения материала. Необходимо задавать ситуативный контекст и отрабатывать употребление слова в разных коммуникативных ситуациях. На начальном этапе изучения китайского языка во избежание утраты мотивации обучающихся не рекомендуется вводить полный спектр значений и особенностей употребления и стремиться немедленно исправлять все ошибки обучающихся. Необходимо оставлять больше времени для практики. Изучать и практиковать использование «жэньцзя» в функции самореференции следует на среднем и продвинутом уровнях обучения.

Ключевые слова

«жэньцзя», референтные слова, употребление, факторы

Для цитирования

Фу Хунцзюнь, У Мяолу. Социопрагматический механизм употребления референта «жэньцзя» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 153–162. (на кит. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-153-162

1. 引言

“人家”是现代汉语口语中使用频率较高的一个词汇，可以用作名词和代词。“人家”在《现代汉语词典》中，用作名词时，这两个字的发音重音相等，读作 rénjiā；用作代词时，第二个字是一个轻音，读作 rénjiā。用作代词时，（1）指自己或某人以外的人；别人：～都不怕，就你怕。（2）指某个人或某些人，意思跟“他”相近：你把东西快给～送回去吧。（3）指“我”（有亲热或俏皮的意味）：原来是你呀，差点没把～吓死。

在现代汉语中，“人家”的意义从名词演变成代名词，标志着语法化的过程。“人家”起源于短语“别人的房子”，在唐代（公元 618–907 年）被普遍用作名词，在宋代（公元 960–1279 年）进一步演变为代词。在用作代词之后，它逐渐获得了一般指称和特定指称的用法（王聪、彭爽，2012）。尽管语法化在所有语言中都很常见，但“人家”可以分别指代第三人称和第一人称，在现代汉语以外的语言中很少出现；可能“人家”指代的对象繁多，因而在汉语作为外语学习中也频繁出现使用失误，具体情况需要具体分析。

2. “人家”指称用法的失误

代词是国际汉语教学的重点。因受社会、心理、认知等因素，代词在句中有着多种多样的指代可能，还存在多种多样的转换。过多的解释会增加学生的记忆负担，过于简约的解释可能会让学习者在现实中不能恰当使用或理解。通常，在不同的语境中，一个代词在句中的指代可以有多种不同的解读，留学生学习汉语时，不仅需要熟记相应代词的基本指代含义，还要能够灵活运用。

在语法化过程中，“人家”从短语到名词再到代词，转喻起着决定性作用，视角和会话原则也起了相应的作用，这些因素综合造成了现代汉语中“人家”的丰富含义和灵活用法。

“人家”的指称功能非常丰富，包含了多个层次，就其指称意义的内容来说，可以指人与指物；就其指称意义的范围来说，可以泛指与特指；就其指称意义的数量来说，可以单指与复指；就其指称意义的方向性来说，可以他指与自指（刘雪芹，2010）。“人家”对语境的依赖非常强，说话者选择用表明自己身份、地位、态度、动机的手段来达到自己的交际目的。“人家”使用频率最高的人群是青年女性，似乎成为了年轻女性的专属性别用语。

“人家”丰富的功能、多变的修辞效果、灵活的语用目的成为留学生学习的难点，也是频繁出现语用失误的汉语学习现象。本文留学生的汉语失误语料来源于北京语言大学 HSK 留学生作文语料库。

例 1. 我们通过这篇故事可以体会到，人们在社会生活中与人家（别人）团结、协同、合作的重要性。

“别人”和“人家”都有泛指意义，作用都是区别对比。用“人家”来代替“别人”，表明使用者认识到“人家”的泛指意义与区别作用，但是对于“人家”和“别人”在泛指意义方面细微差别，并不十分了然。“别人”一般是比较客观的对比，不传达说话人的感情，“人家”则传达了说话人对“人家”的某种感情。

例 2. 吸烟者想要吸烟的话不要在公共场所，因为吸烟会伤害人家（别人）的身体健康。

使用者想要指代的是“除吸烟者外所有人”，表达泛称意义，不确指某些人或者某个人，因此语义上应该使用“别人”，表达泛指并未确指，且较为正式，不宜用“人家”。

在相关语境中，留学生更多地使用“别人”，且“别人”的错误情况的比例为 1.13%，而“人家”的错误情况的比例为 31.01%。由此可见，留学生更倾向于使用“别人”，“别人”比“人家”更常用，留学生对“别人”的掌握情况比“人家”要好很多。其次，该用“别人”而错用“人家”的偏误占 32.91%，而该用“人家”而错用“别人”的偏误占 41.93%（赵航，2016）。“别人”和“人家”在意义和用法等方面更为接近，也更容易出现偏误。这体现了留学生对二者的泛指意义的不同功能掌握不熟练，导致频繁出现相互替代的偏误。

例 3. 社会越发展, 人家(人)要面临的问题越多。

将“人家”和“人”混用的例子, 几乎都是在句中将“人家”当做“名词”使用, “人家”作为名词意为“他人之家、住户”, 而留学生都将其作为“人”使用。

例 4. 和他聊后人家(大家)都兴高采烈。

“都”表明和他聊天的不止一人, 因此可以将“人家”替换为“大家”、“人们”或者“所有人”。

例 5. 在出生的时候, 人家(人们)都有自己生命的权利。

“在出生的时候”表述的是常态情况、普遍现象, “人家”虽然可以泛称, 但是有特殊指称含义的, 而“人们”是没有特殊指称含义的泛称。

例 6. 那么美的山上, 而且自然美地, 人家(他们)怎么会抽烟呢?

在如此“美”的环境中, 凸显“不美”的言行, 指称是确定的。“人家”的特指是对照着说的, 自指是明确的、达到特定修辞效果的。

虽然例 3-6 类的偏误少, 不频繁, 但在教与学中也需要注意。偏误的出现说明, 学习者在学习“别人”、“人家”、“大家”、“人”等词的过程中, 只注意到近义词的相同点, 不注意近义词之间的异同对比, 认为这些词在某种情况下可以随便选择, 或者在使用的过程中, 只选择相关的简单且熟悉的词, 而回避使用较难的词, 使得此类近义词的误用较为普遍。

例 7. 跟别人一起住的话, 人家常想靠别人, 自己不做家务也能过生活。

“跟别人一起住的话”是省略了主语, 从后两小句可以得知, 省略的主语是说话者, 因此, “人家”处在默认的主语的位置, 可以省略。不过, 本句可以从另一角度阐述:

“人家”可以解释为指称自身, 即“我”, 使用者欲间接表达“俏皮、娇爱”之意。使用者选择转换视角, 为了掩饰自己的内心动机, 从对方的角度称自己, 透露出使用者的认知心理, 在心理上回避同对方的直接视角对话。

3. “人家”指称用法的社会语用机制

3.1. “人家”指称用法

“人家”含义丰富, 用法灵活。“人家”可以与专有名词一起构成同位短语, 复指这个专有名词, 起指示作用(王冬梅, 1997)。如:

例 1. 人家姑娘都来了, 你这小伙子怎么还没准备好?

例 2. 无论如何你不该打人家小明。

例 3. 不许抄人家小强的作业。

例 4. 他派人家小明去邮局取报纸。

此外, “人家”还可以在句中代替上文提到的或交谈中涉及到的某个人或某些人, 有自称和他称两种情况(刘雪芹, 2010)。如:

例 5. 人家批评得对, 你不要再生气了。

例 6. 人家是大干部, 既是村主任又是突击队队长。

例 7. 人家早就知道你根本就不喜欢我。

例 8. 你见了从前的相好, 全心全意就会护着她, 哪里还把人家放在心上!

用作他称时, 语境中除了说话人和听话人之外还存在着第三方, 形式上除了“人家”之外, 往往还有别的人称代词。用作自称时, 语境中没有交谈双方之外的第三方。“人家”用作他称时其感情色彩有嫉妒、羡慕、挖苦、赞赏等(郭继懋、沈红丹, 2004), 但用作自称时多了亲热、撒娇等感情意味, 展示交谈双方关系很亲密, 而且说话者多为青年女子。

3.2. “人家”的修辞功能

“人家”用于他称和自称时, 或多或少地带上了某种特殊的修辞色彩, 都不能换成他称词或自称词。《现代汉语词典》等都提及“人家”指代第一、三人称时具有修辞作用, 不过, 说得过于简单。在文学作品和日常会话中, 可以发现“人家”用作第一人称时, 说话

人以女性居多，表示说话人撒娇、羞涩、不满、慎怪，还可使口气变得婉转。用作第三人称时，表示敬仰或羡慕、不满、批评、讽刺、嘲弄等（杜道流，2002）。一般而言，人称代词一般是有定的，说听双方一般都已知晓所指对象；“人家”的指称的对象则是无定的，未必在会话双方知晓范围之内。用表示“无定”的词语指代本来“有定”的对象，有意识地改变说听双方说话时的心理角色关系，就使得话语具有了“超文本”意义，使“人家”用作代词时产生特殊的修辞效果。

3.3. “人家”自称用法的社会因素

“人家”作自称以女性为主，可以将其看成是一个女性自称代词，影响它使用的各因素中以性别因素和年龄因素为主，此外还有社会关系、社会文化等因素，但这些因素都和对话时的相对心理相关联，从而最终决定它的使用（王慧慧，2006）。“人家”自称多见于年轻女性与男性的对话中，女性做事说话一定要符合性别特征和传统规范，“人家”自称体现出顺从和温柔，可以博得听话人的同情和认可。在社会生活中，女性的地位和权力往往不如男性，她们需要从语言方面来维护她们的权利，使用婉转的词语有时更能帮她们达到目的，“人家”表自称符合了女性使用语言的一些特点（Tannen, 1996）。“人家”作自称符合女性表达委婉的特点，符合女性通过语言来表现自己的娇媚和柔美符合女性善于用多种方式表达感情的特点。

年轻女性使用“人家”自称时，表示慎怪和抱怨，站在弱势地位上，不直接用“我”来表达自己的要求，以博取听话人的同情。其次，“人家”自称表达女性的羞涩。再次，通过使用“人家”自称来撒娇，引起听话人的怜爱。第四，“人家”自称体现了女性的顺从性。第五，“人家”自称更符合女性对人或物更亲昵的习惯。

“人家”是一个女性度较高的人称代词，被女性常用但不为女性所专用，在有些交际语境中男性也可以使用（孙汝建，2017）。从男性使用“人家”自称的情况来看，这种指称词的使用方式极不符合男性对自己的社会定位，他们大多是模仿女性，而并不是自主使用，而且使用得特别少，可以算为特例。

3.4. “人家”指称用法的语用因素

“人家”的指代对象不具确定性，泛指某个或某些人时，具体指谁并非话语关注的对象，口语色彩比较重，例如：

例 9. 想一想为什么人家能做到的我们没做到？想一想为什么人家敢闯敢干我们却缩手缩脚？

“人家”专指说话人和听话人以外的一个或几个人时，代替上下文提到的人，相当于“他”或“他们”，口语色彩更为明显，例如：

例 10. 你看老头子，人家玩了一辈子，到老了还开上车厂子。

“人家”转指为第一人称，指说话人自己，相当于“我”的婉转说法，使用者多为青年女性，交际双方或是关系亲密或是有意要与对方营造出一种亲密和谐的气氛，例如：

例 11. 黛玉坐在床上，一面抬手整理鬓发一面笑向宝玉道：“人家睡觉，你进来作什么？”

与男性相比，女性更多地喜欢使用娇嗔、委婉、含混的表达。这是女性特点在语言上的反映，说话时还常伴着娇羞的神态或撒娇的体态语言。用“人家”转指发话人自己，一方面，发话人为了避免直接使用“我”，而采用了委婉的表达，把同自己密切相关的问题疏远化，故意摆出一副说话客观的姿态，以此营造一种俏皮、活泼而又充满生气的氛围。另一方面，听话人结合具体的语境，很容易将受话人及以外的他人排除在外。这种用法巧妙地表达了希望自己的心事能为对方理解的愿望（翟颖华，2004）。

在言语交际中，女性用“人家”来称呼自己，将自己置于相对次要的地位，反映了交际双方的权势差异。用“人家”指代“我”显得婉转些、俏皮些，“人家”指代“我”能够模糊说话人的身份，使话语间接、委婉（曹静，2018）。例如：

例 12. 爸爸，人家就想去海南旅游，带我去吧。

例 13. 你说想看书，人家给你借来了，你又不看。

“人家”的使用具有明显的性别色彩，通常很少用于书面语，一般用于口语。用作第三人称代词时，一般不用来指自己的家人以及自己所归属之处。用作旁指和第三人称代词时，说话人与听话人的关系一般要比说话人或听话人与被指称者的关系更近。

人们在日常交往中，通常都希望自己的公众形象或者说面子能够得到尊重，人们在说话时都努力不去伤害听话人的公众形象[Brown, Levinson, 1987]。中国人思维特点之一就是委婉，含蓄，即便是要批评，表达不满情绪，也不会直截了当。尤其是中国女性，更不能随意表达自己的情感，即便自己生气了也要借别人的名义间接地传达出来，这样做既可以顾及对方的面子，同时也体现了女性特有的温婉。“人家”在一定的语境中就能起到这样的语用功效。

间接性与礼貌彼此相关。当然，间接性和礼貌性并不是一一对应关系，间接表达不一定是礼貌的，而礼貌的表达也不一定是间接的。但是，一个本身表示不礼貌的信息用间接方式表示会增强它的礼貌性，而一个本身表示礼貌的信息如果使用更为直接的方式表示会令其更加具有礼貌性（张宁，2009）。“人家”用作指称就充分体现出通过语言形式的选择达到特定的交际功能。“人家”反映的视角不同，决定“人家”所指对象也不同，通过拉大、缩小交际心理距离，取得特殊的修辞色彩。

3.5. “人家”指称用法的认知因素

认知语言学认为，观察事物的角度会影响观察结果，也会影响语言表达。一般来说，我们观察事物，总有一个视角。就人称代词来说，说话人总是站在自己的角度上来称说自己及自己以外的人。如果说话人以自己为视角来称说，就是人称代词称说的常规视角；如果说话人以听话人为视角来称说，这种现象称为人称代词称说的非常规视角。“人家”用作第三人称代词时，采用的是常规视角，用作第一人称代词时，以听话人的视角来称说话人，采用的是非常规视角。常规视角是百科知识的一部分，是人们习惯的视角。转换到非常规视角，大脑往往要经过视角转换，说话人和听话人都要付出更大的努力，因此，也就会相应地产生一些特殊附加的意义（李艳，2010）。在特定的语境下，为了增强表达效果，说话人在选择指称词语时，往往是根据自己与听话人的心理距离远近来选择自认为合适的人称代词，其目的是最大程度地实现自己的交际意图。

人们在使用“人家”进行话语表达时，往往包含说话人的主观感情色彩，且在主观性的表达上存在着程度的差异。“人家”可以把听话者推开去，使其远离说话者，仿佛在说与双方都无关的第三者，让话语显得比较客观，以避免说话者与听话者面对面地直接抵触，从而可以降低主观化程度（王聪，2013）。“人家”在向自指的演化过程中，说话人由“我”这一立场转移到了所指对象的立场，“移情”于所指对象（张旺熹、韩超，2011），更加强化了自我。这也正是在对话中，说话者为了达到主观化的效果而作出的巧妙语言选择。

3.6. 小结

吕叔湘（1985）将“人家”划作代词，将其用法作了如下归纳：1. 泛指说话人和听话人以外的人，和“自己”相对，大致相当于“别人”；2. 称说话人和听话人以外的人，所说的人已见于上文。大致等于“他”或“他们”；3. 称说话人自己，等于“我”，稍有不满意情绪。从上述讨论可以发现，“人家”用法灵活，意义丰富，涉及因素复杂。

说话者基于会话意图，斟酌社会心理因素，选择“人家”的特殊指称功能，达到特定的语用目的，实现一定的修辞效果。遵循这一机制，用作他指，“人家”是说话人将自己的感情转移到“人家”所代替的对象的媒介，比单纯使用反身代词传达了更为丰富的感情，这种感情是说话人希望委婉表达的，对交际产生了一定的影响。“他指”意义的“人家”体现了说话人与“人家”之间的某种心理位置关系，表达对“人家”的钦佩、羡慕等感情，或表达对“人家”的讽刺、同情等感情，或表达对“人家”的认同、不满等态度。自指意义的“人家”意味着说话人产生了许多与单纯用第一人称代词自指相比更多的修辞效果。

“人家”用于第一人称代词的时候，虚指所产生的效果与用第一人称代词一样，既吸引了听话人的注意，又促进了听话人对说话人看法的理解与接受。“人家”的自指是通过他指的方式，将说话人要表达的感情转移到看似毫不相干且不在场的“人家”，以便于说话人在维护说话人和听话人面子的情况下，吐露感情，具有委婉的效果，发挥了其礼貌的功能。

4. 教学建议

一是对“人家”多种用法进行分阶段讲解学习。二语习得研究证实，习得“他”很容易，而习得“人家”就比较难。留学生汉语偏误分析也发现，“人家”名词性用法的偏误率不高，“人家”名词性含义可在初级阶段讲授；作代词时泛指别人的用法使用范围较广，且没有性别限制，可在初、中级阶段讲授；确指第三人称用法可在中级阶段进行讲解；自指用法可以在中、高级阶段讲授，但要强调其适用条件、范围。教材内容的编排、练习题的设计也需遵循这样循序渐进要求。

二是充分挖掘学生已有的模块知识。引导学生注意他们头脑中已经存在的人称代词的认知模块，激活已有的一套使用知识。首先是区分清楚交际者之间疏近心理距离，其次，了解交际者之间高低社会地位，再次，了解交际者的性别差异，最后，根据学生的语言水平和接受能力，设计语言交际活动，举例说明“人家”用作人称代词的使用规律，说明哪些情况该用“人家”的泛称、他称、或自称，帮助学生逐步树立“人家”使用的机制。

三是设计情境教学。学生要了解“人家”的基本意思并不难，但要掌握其语法功能、褒贬色彩、语体色彩等，就必须依靠具体的语境。在设计的具体语境中学习，学生就可以在理论知识的基础上，进一步掌握其具体的使用方法。

四是加强交际性练习。留学生书面作文偏误的分析中涉及最多的仍然是用法方面的（焦思焱，2016）。讲解“人家”时要结合情境，联系语境，更要重视学生的交际性训练。实行不同类别的组合，设置话题，提出使用“人家”的要求。在多次的分析、练习、分析、练习等循环下，学生们会逐步理解“人家”的指称用法，并能够在日常生活交际中较为恰当地使用。

五是不断改进讲授方法及态度。留学生掌握了“人家”的基本用法后，容易发生使用不当或过度引申的偏误。因此，应该需要经常带领学生进行交际性练习，并进行分析说明。在学习汉语的初级阶段，不宜大量地讲解规则、遇错就纠，要鼓励学习汉语的积极性。在教学中，要尽量精讲多练，留足时间练习。进入中、高级阶段后，在巩固已学用法的同时，要让学生接触学习、练习“人家”自指用法。

本文提出的诸多建议只是原则性的，还需教师据实灵活运用。教师要能结合具体情境将“人家”用法讲解清楚，让学生明白如何使用，然后设计适当交际性语言活动，指导学生进行交际性练习，教学效率以及习得效果一定会得到很大的改善。

Список литературы

- Brown P., Levinson S.** Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1987. 345 p.
- Tannen D.** Gender and Discourse. Oxford: Oxford Uni. Press, 1996. 221 p.
- Ван Дунмэй.** Чжидайцы «жэньцзя»дэ цзюйфа, юйи каоча [王冬梅. 指代词“人家”的句法、语义考察]. Синтаксическое и семантическое исследование местоимения «жэньцзя» // Ханьюй сюэси [汉语学习]. 1997. Вып. 4. С. 50–53. (на кит. яз.)
- Ван Хуйхуй.** Дайцы «жэньцзя» цзычэндэ шэхуй юйянь яньцзю [王慧慧. 代词“人家”自称的社会语言学研究]. Социоллингвистическое исследование местоимения «жэньцзя» в самопрезентации: Магистр. дис. Гуанчжоу: Цзинаньск. ун-т, 2006. 31 с. (на кит. яз.)

- Ван Цун.** Цун Чжугуань цзяоду кань ханьюй «жэньцзя»дэ бяода [王聪. 从主观化角度看汉语“人家”的表达]. Выражение китайского языка «жэньцзя» с точки зрения субъективизации // Дунфан юйяньсюэ [东方语言学]. 2013. Т. 13. С. 104–114. (на кит. яз.)
- Ван Цун, Пэн Шуан.** Ханьюй панчэн дайцы «жэньцзя»дэ юйфахуа яньбянь гуйцзи [王聪、彭爽. 汉语旁称代词“人家”的语法化演变轨迹]. Грамматикализованная траектория китайского паратактического местоимения «жэньцзя» // Нинся дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуй сюэбао) [宁夏大学学报(人文社会科学版)]. 2012. Вып. 5. С. 32–36. (на кит. яз.)
- Го Цзимао, Шэнь Хундань.** «Вайжэнь» моши юй «жэньцзя» дэ юйи тэдянь [郭继懋、沈红丹. “外人”模式与“人家”的语义特点]. Семантические особенности «чужаков» и «жэньцзя» // Шицзе ханьюй цзяосюэ [世界汉语教学]. 2004. Вып. 1. С. 28–40. (на кит. яз.)
- Ду Даолу.** Чжидайцы «жэньцзя»дэ сюцы цзююн [杜道流. 指代词“人家”的修辞作用]. Риторическая роль местоимения «жэньцзя» // Сюцы сюэси [修辞学习]. 2002. Вып. 3. С. 32–34. (на кит. яз.)
- Ли Янь.** Сяньдай ханьюй жэньчэн дайцы бяньхуаньдэ жэньчжи юйюн яньцзю [李艳. 现代汉语人称代词变换的认知语用研究]. Когнитивно-прагматическое исследование трансформации личных местоимений в современном китайском языке: Магист. дис. Чанчунь: Сев.-вост. пед. ун-т, 2010. 42 с. (на кит. яз.)
- Лю Сюэцин.** Лунь чжидайцы «жэньцзя»дэ чжичэн ии [刘雪芹. 论指代词“人家”的指称意义]. О денотативном значении местоимения «жэньцзя» // Синань нунье дасюэ сюэбао [西南农业大学学报]. 2010. Вып. 1. С. 148–152. (на кит. яз.)
- Люй Шусян.** Цзиньдай ханьюй чжидайцы [吕叔湘. 近代汉语指代词]. Современные китайские местоимения. Шанхай: Сюэлинь чубаньшэ [学林出版社], 1985. 415 с. (на кит. яз.)
- Сунь Жуйцзянь.** Синду дуй «Жэньцзя» цзычэн юнфадэ инсян [孙汝建. 性度对“人家”自称用法的影响]. Влияние половой принадлежности на употребление слова «жэньцзя» при самоназывании // Юйси шифань сюэюань сюэбао [玉溪师范学院学报]. 2017. Вып. 2. С. 58–63. (на кит. яз.)
- Цао Цзин.** Жэньчэн дайцы «жэньцзя»дэ юйюн гуннэн фэньси [曹静. 人称代词“人家”的语用功能分析]. Анализ прагматической функции личного местоимения «жэньцзя» // Чанчунь лигун дасюэ сюэбао [长春理工大学学报]. 2018. Вып. 3. С. 123–126. (на кит. яз.)
- Цзяо Сыянь.** Чжунцзи люсюэшэн «жэньцзя» до чжун юнфа сидэ яньцзю [焦思焱. 中级留学生“人家”多种用法习得研究]. Исследование усвоения множественного употребления «жэньцзя» иностранными студентами на среднем уровне: Магист. дис. Харбин: Харбин. пед. ун-т. 2016. 33 с. (на кит. яз.)
- Чжай Инхуа.** Панчжи дайцы «жэньцзя» гоучэн цзи ци юйюн чжуанкуан каоча [翟颖华. 旁指代词“人家”构成及其语用状况考察]. Исследование структуры местоимения «жэньцзя» и языковых ситуаций его употребления // Сюцы сюэси [修辞学习]. 2004. Вып. 4. С. 32–34. (на кит. яз.)
- Чжан Ванси, Хань Чао.** Жэньчэн дайцы «жэньцзя»дэ цюаньцзе чанцзин юй ицин гуннэн [张旺熹、韩超. 人称代词“人家”的劝解场景与移情功能]. Ситуации убеждения и эмпатическая функция личного местоимения «жэньцзя» // Юйянь цзяосюэ юй яньцзю [语言教学与研究]. 2011. Вып. 6. С. 44–50. (на кит. яз.)
- Чжан Нин.** Жэньчэн дайцы шицзюэдэ сюаньцзэ юй лимао цюйсян [张宁. 人称代词视角的选择与礼貌取向]. Выбор личных местоимений и ориентация на вежливость // Вайюй сюэкань [外语学刊]. 2009. Вып. 4. С. 40–43. (на кит. яз.)

Чжао Хан. «Бежэнь» хэ «жэньцзя» дэ бицзяо цзи цзяосюэ дуйцэ яньцзю [赵航。“别人”和“人家”的比较及教学对策研究]. Сравнение «бежэнь» и «жэньцзя» и преподавательские стратегии: Магист. дис. Нанкин: Нанкин. пед. ун-т, 2016. 47 с. (на кит. яз.)

References

- Brown P., Levinson S.** Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1987, 345 p.
- Tannen D.** Gender and Discourse. Oxford, Oxford Uni. Press, 1996, 221 p.
- Cao Jing.** Rencheng daici “renjia” de yuyong gongneng fenxi [曹静. 人称代词“人家”的语用功能分析]. A Pragmatic Function Analysis of Personal Pronoun “Renjia”. *Changchun ligong daxue xuebao* [长春理工大学学报]. *Journal of Changchun University of Technology*, 2018, iss. 3, pp. 123–126. (in Chin.)
- Du Daoliu.** Zhidaici “renjia” de xiuci zuoyong [杜道流. 指代词“人家”的修辞作用]. The Rhetorical Function of The Pronoun “Renjia”. *Xiuci xuexi* [修辞学习]. *Rhetoric Learning*, 2002, iss. 3, pp. 32–34. (in Chin.)
- Guo Jimao, Shen Hongdan.** “Wairen” moshi yu “renjia” de yuyi tedian [郭继懋、沈红丹.“外人”模式与“人家”的语义特点]. “Outsider” Model and the Semantic Characteristics of “Renjia”. *Shijie hanyu jiaoxiue* [世界汉语教学]. *Teaching Chinese in the World*, 2004, iss. 1, pp. 28–40. (in Chin.)
- Jiao Siyan.** Zhongji jiuixuesheng “renjia” duozhong yongfa xide yanjiu [焦思焱. 中级留学生“人家”多种用法习得研究]. Research on the Acquisition of Multiple Usages of “Renjia” by Intermediate International Students: MA. Diss. Harbin Normal Uni., 2016. (in Chin.)
- Li Yan.** Xiandan hanyu rencheng daici bianhuan de renzhi yuyong yanjiu [李艳. 现代汉语人称代词变换的认知语用研究]. A Cognitive Pragmatic Study of the Transformation of Personal Pronouns in Modern Chinese: MA. Diss. Northeast Normal Uni., 2010. (in Chin.)
- Liu Xueqin.** Lun zhidaici “renjia” de zhicheng yiyi [刘雪芹. 论指代词“人家”的指称意义]. On the Referential Meaning of the Pronoun “Renjia”. *Xi-nan nongye daxue xuebao* [西南农业大学学报]. *Journal of Southwest Agricultural University*, 2010, iss. 1, pp. 148–152. (in Chin.)
- Lu Shuxiang.** Jindai hanyu zhidaici [吕叔湘. 近代汉语指代词]. Modern Chinese Anaphora. Xuelin Publishing House, 1985, 415 p. (in Chin.)
- Sun Rujian.** Xingdu dui renjia zicheng yongfa de yingxiang [孙汝建. 性度对“人家”自称用法的影响]. The Influence of Sex on the Use of “Renjia”. *Yuxi shifan xueyuan xuebao* [玉溪师范学院学报]. *Journal of Yuxi Normal University*, 2017, iss. 2, pp. 58–63. (in Chin.)
- Wang Cong.** Hanyu pangcheng daici renjia de yufahua yanbian guiji [王聪. 从主观化角度看汉语“人家”的表达]. The Expression of “Renjia” in Chinese from a Subjective Perspective. *Oriental Linguistics*, 2013, vol. 13, pp. 104–114. (in Chin.)
- Wang Cong, Peng Shuang.** Hanyu pangcheng daici “renjia” de yufahua yanbian guiji [王聪、彭爽. 汉语旁称代词“人家”的语法化演变轨迹]. The Grammaticalization of the Chinese Pronoun “Renjia”. *Ningxia daxue xuebao (Renwen shehui kexueban)* [宁夏大学学报 (人文社会科学版)]. *Journal of Ningxia University (Humanities and Social Sciences Edition)*, 2012, iss. 5, pp. 32–36. (in Chin.)
- Wang Dongmei.** Zhidaici renjia de jufa yuyi kaocha [王冬梅. 指代词“人家”的句法、语义考察]. The Syntax and Semantics of the Referential Pronoun “Renjia”. *Hanyu xuexi* [汉语学习]. *Chinese Learning*, 1997, iss. 4, pp. 50–53. (in Chin.)

- Wang Huihui.** Daici renjia zicheng de shehui yuyanxue yanjiu [王慧慧。代词“人家”自称的社会语言学研究]. A Sociolinguistic Study of the Self-Claimed Pronoun “Renjia”: MA. Diss. Guangzhou, Jinan Uni., 2006. (in Chin.)
- Zhai Yinghua.** Pangzhi daici renjia goucheng jiqi yuyong zhuangkuang kaocha [翟颖华。旁指代词“人家”构成及其语用状况考察]. Investigation on the Composition and Pragmatic Status of “Renjia”. *Xiuci xuexi* [修辞学习]. *Rhetoric Learning*, 2004, iss. 4, pp. 32–34. (in Chin.)
- Zhang Ning.** Rencheng daici shijiao de xuanze yu limao quxiang [张宁。人称代词视角的选择与礼貌取向]. The Perspective Choice of Personal Pronouns and Politeness Orientation. *Waiyu xuekan* [外语学刊]. *Journal of Foreign Languages*, 2009, iss. 4, pp. 40–43. (in Chin.)
- Zhang Wangxi, Han Chao.** Rencheng daici renjia de quanjie changjing yu yiqing gongneng [张旺熹、韩超。人称代词“人家”的劝解场景与移情功能]. Persuasive Scenes and Empathic Functions of the Personal Pronoun “Renjia”. *Yuyan jiaoxue yu yanjiu* [语言教学与研究]. *Language Teaching and Research*, 2011, iss. 6, pp. 44–50. (in Chin.)
- Zhao Hang.** Bieren he renjia de bijiao jiqi jiaoxue duice yanjiu [赵航。“别人”和“人家”的比较及教学对策研究]. A Comparison of “Bieren” and “Renjia” and Teaching Suggestions: MA. Diss. Nanjing Normal Uni., 2016. (in Chin.)

Информация об авторах

Фу Хунцзюнь, PhD, профессор
У Мяолу

Information about the Authors

Fu Hongjun, PhD, Professor
Wu Miaolu

*Статья поступила в редакцию 05.02.2023;
одобрена после рецензирования 04.01.2025; принята к публикации 31.01.2025
The article was submitted on 05.02.2023;
approved after review on 04.01.2025; accepted for publication on 31.01.2025*

**Памяти Сергея Александровича Арутюнова (1932–2023),
члена-корреспондента РАН,
выдающегося российского этнолога и антрополога
(Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)**

Всякий, кто пишет о великих событиях, замечательных людях или знаменитых местах, рискует выбрать неверный тон и скатиться в банальности. Сергей Александрович не заслуживает этого. Будучи не только человеком широчайших познаний и невероятных талантов, он был склонен к самоиронии. Это качество выступало у него мерилom и камертоном всякого неискреннего слова. Его творческий псевдоним *gusaba*, навеянный японским афоризмом о глупце, «влекущем телегу» своих суждений и заблуждений, позволял ему в лучших традициях восточной словесности, прячась за лукавую маску и как бы дистанцируясь от собеседника, формулировать оригинальные идеи и предположения, высказывать точку зрения, зачастую не совпадающую с официальной.

Востоковед не только по специальности, но и по образу жизни, Сергей Александрович успел за отпущенное ему богом время осенить своими трудами и талантами, казалось бы, несовместимые научные сферы и объединить разные пространства. Право рождения ему давало возможность чувствовать до мельчайших деталей русскую, европейскую и армянскую культуры, хорошо знать Кавказ в целом. Как этнограф, историк, археолог и антрополог он много путешествовал по Сибири, русскому Северу, работал в Арктике, на Ледовитом океане, на Аляске, в Индии, в странах Восточной Азии и особенно Японии. Говоря и читая на разных языках, он с блеском переплавлял свои наблюдения в увлекательные книги и серьезные теории. Многие написанные им в 60–90-е гг. XX в. труды, где он обобщил накопленный опыт полевых исследований, не потеряли актуальности еще и сейчас, спустя полвека. В личных беседах он часто сетовал, что так и не собрался систематизировать некоторые экспедиционные материалы, привезенные еще из Индии, и выражал надежду на будущее поколение исследователей.

С Сергеем Александровичем я познакомилась четверть века назад, в 2000 г., когда он был уже маститым ученым, а я только готовилась к защите кандидатской диссертации по проблемам японской традиционной культуры, в связи с чем и обратилась к нему с просьбой выступить оппонентом. К моему удивлению, он охотно согласился и затем, спустя несколько лет, также оказал мне большую честь быть официальным оппонентом и на защите докторской диссертации. Все эти годы я, бывая в Москве, по традиции навещала уютную квартиру в Коньково, наполненную книгами и атмосферой учености, где в замечательных разговорах в компании с его милейшей супругой Натальей Львовной Жуковской, признанным этнографом-монголоведом, имела редкое счастье насладиться гостеприимством, мудростью, бесконечной добротой хозяев, их даром рассказчиков.

В таких беседах мы не раз обсуждали новые труды молодых авторов и состоявшихся ученых, представивших свои работы для различных изданий, в том числе для научного журнала «Вестник НГУ», в редколлегию востокведческого выпуска которого они вдвоем входили много лет. неизменно внимательно они изучали каждый новый номер журнала, делясь своими комментариями. В деятельности ответственного редактора выпуска «Востоковедение» я получила много ценных советов, за что бесконечно им признательна.

Профессор С. А. Арутюнов с супругой Н. Л. Жуковской в своей московской квартире, май 2022 г. (фото Е. Войтишек)

Находясь в последние годы в основном в своем рабочем кабинете дома, Сергей Александрович, вероятно, очень скучал не только по академической атмосфере, но и по оживленной студенческой аудитории. С большим интересом он слушал рассказы о том, как студенты кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ изучают на занятиях по этнологии его труды, включая работы по информационной теории этноса, которую он разработал вместе с Н. Н. Чебоксаровым в 70-х гг., как учат наизусть на занятиях по историографии и источниковедению истории Японии его стихотворный перевод старинного японского алфавита *ироха*. Какой радостью лучились его глаза, когда он снова и снова просматривал видеоролик, где студенты старательно скандировали этот мудрый буддийский текст!

Для наших же студентов и коллег было большой радостью наблюдать вживую мэтра российской этнологии, когда Сергей Александрович выступил на конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культуры стран Востока» в октябре 2022 г. Эта конференция, приуроченная к празднованию 60-летия гуманитарного образования в НГУ, была как раз посвящена 90-летию С. А. Арутюнова. Профессор С. А. Арутюнов не только тогда почтил своим личным присутствием участников конференции, но и выступил на пленарном заседании с онлайн-докладом «Современная картина формирования антропологического состава населения Индийского субконтинента», где представил и обобщил результаты работы советско-индийских этнологических и антропологических экспедиций в Индии в 70–80-х гг. XX в., все еще имеющих значительный интерес для науки. С сообщениями о многосторонней личности и активной деятельности профессора С. А. Арутюнова выступили ученики и коллеги из разных городов, которые осветили вклад выдающегося ученого в историческую этнографию народов Азии, в изучение этнических и миграционных процессов в огромных регионах Азии, Кавказа, Сибири и Крайнего Севера.

Такое творческое и научное долголетие – большой пример для всех учеников, последователей и единомышленников Сергея Александровича. Прощаясь с этим замечательным человеком на страницах нашего журнала, будем помнить о его неизмеримом вкладе в каждого из нас.

Ответственный редактор выпуска «Востоковедение»
доктор исторических наук, профессор Е. Э. Войтишек

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора, его ID в базах данных.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций**

Иван Иванович Иванов

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions**

Ivan I. Ivanov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract
Keywords
Acknowledgements

Основной текст статьи
Список литературы
References
Информация об авторах
Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976, с. 2] или [Энциклопедия игр, 1989, т. 1, с. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 195–214.

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育]. Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь. Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моноготари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 一方便の思いに即して – // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моноготари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэнью. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古]. Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

Voytishkek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, pp. 163–173. (in Russ.)

Voytishkek E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. *Novosibirsk*, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются статьи, соответствующие основным рубрикам журнала, а также рецензии, дискуссии, хроника.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохраняют присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).